

Sl3N 3228.077 (18.23)
3-39 Inc

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

IV
-16058/2np

30 [

Г А Д И Щ Е А Я,

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ,

посвященный

ЛИТЕРАТУРНОМУ, ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ,

издаваемый подъ редакціею, сперва :

ІОАННА ГУШАЛЕВИЧА,

потомъ :

БОГДАНА А. ДѢДИЦКОГО.

Г О Д Ъ VI.

Крыніцкі

ЛВОВЪ,

Издывеніемъ и типономъ Ставропигійскаго Института.

1853.

5-8

Slav 3222.897 $\left(\frac{1853}{2-7, 30-31, 37-39} \right)$

"ZORIA HALYTSKA"

Mk. St.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Поезія.

Где домъ есть мой? Б. А. Д. Число 1.
 На смерть А. Балулянского. — Къ сближающей
 веснѣ. Б. А. Д. ч. 2.
 Райна. — Поетъ. — Къ горожанцѣ. Б. А. Д. ч. 3.
 Сдвартъ, (баллада). Б. А. Д. ч. 4.
 Кена, (романъ). Б. А. Д. ч. 5.
 Глава во вышнихъ Богу! Б. А. Д. ч. 6.
 Юліи. — Чулакъ. Б. А. Д. ч. 7.
 Воспоминаніе Наддѣстровья. И. Г. Н. ч. 8.
 Осѣпленный Василько, (историческая дума) Б. А.
 Д. ч. 9.
 Горе и благодать Θ. Глин. ч. 11.
 Къ невірной. Б. А. Д. ч. 12.
 Кодяцій звонъ, (сказка). Б. А. Д. ч. 13.
 Близость влюбленного. Б. А. Д. ч. 14.
 Моя молитва. Б. А. Д. ч. 15.
 О память усопшого Фр. С. гр. Стадіона. Б. А. Д.
 ч. 16.
 Судъ закона и милость благодати Θ. Глин. ч. 17.
 Каревичъ и двѣ Русалки, (баллада I. II.) Б. А. Д.
 ч. 18—19.
 Не унывай! И. С. ч. 20.
 Стѣнитель. Θ. Глин. ч. 21.
 Лебедь, ракъ и щука, (басня). К. ч. 22.
 Ксенья русскаго кобзаря. I. II. Б. А. Д. ч. 23 и 31.
 Ослѣдняя борьба. А. К. ч. 24.

Беззаботность птички. А. П. — Листокъ. Ж. ч. 25.
 Жаворонокъ, Н. Б. ч. 26.
 Оправданіе. Б. А. Д. — Розбитая скрипка (басня).
 Ам. ч. 27.
 На кладбищѣ, И. Г. Наум. — Первая утрата. О.
 ч. 28.
 Вечерній звонъ. Михайла Петренка. — Любовь. Б.
 А. Д. ч. 29.
 Да будетъ миръ! Б. А. Д. ч. 30.
 Словенское племѣ. — Большинство голосовъ. — Два
 стиха. Б. А. Д. ч. 32.
 Вспоминка о Петрѣ Головацкомъ — Къ нашимъ
 Народолюбамъ. Б. А. Д. ч. 33.
 Молитва сиротки К. П. — Золото и булатъ. А. П. ч. 34.
 Хвали Творца. З. — Сонетъ Коляра. Б. А. Д. ч. 35.
 Къ другу. Я. съ Я. ч. 36.
 Встрѣча съ Оленою. Б. А. Д. ч. 37.
 Смотръ крестовъ. Б. А. Д. ч. 38.
 Чего намъ недостаетъ. Б. А. Д. — Вишневый
 кустъ, (басня). Ам. ч. 39.
 Ежедневное испытаніе самого себе — Жизнь при-
 мѣрная. Я. съ Я. ч. 40.
 Зимовый вечеръ. А. П. ч. 41.
 Схватка. А. П. — Къ Емпліи Θ. М. ч. 42.
 Стихъ привѣтственный Его В. Архикнязю Каролу
 Людвику. Б. А. Д. ч. 43.

Науковыи и историческіи статьи.

Осланіе о первомъ нашемъ письменномъ языкѣ.
 ч. 1—4.
 Селетристка. Туряна. ч. 1.
 Сиротка Исторія Черной Горы. ч. 2 и 4.
 Способъ воеванія Черногорцевъ. ч. 2 и 3.
 Формисмы о народной словесности. Туряна ч. 5, 6, и 8.
 Начаткахъ перваго епископства въ Галицко-рус-
 скомъ княжествѣ. А. Петрушевича. ч. 6—11.

Битва на Куликовскомъ полѣ. ч. 6
 Козаки въ Царьградѣ. I. Левицкого. ч. 8 и 9.
 Паденіе Царяграда. I. Левицкого. ч. 11—13.
 Обзоръ важѣйшихъ политическихъ и церковныхъ
 происшествій въ Галицкомъ княжествѣ съ по-
 ловины XII до конца XIII вѣка. А. Петруше-
 вича. ч. 12—19, 21, 24, 37—41.
 Вспоминки Старословенскіи. Гв. Ц. ч. 24—30.

О невѣжествѣ галицкихъ селянъ. М. Малиновского. ч. 25.

Историческія извѣстія о коронѣ св. Стефана. ч. 30.

Короткая исторія литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій. I. Исторія старословенской литературы. ч. 31—35.

II. Короткая исторія чешско-словацкой литературы. ч. 37—38.

Омеръ-паша. ч. 35.

Слово къ нашимъ почт. Читателямъ, отъ Редакціи ч. 37.

Вѣроисповѣданіе хинскихъ возстанцевъ. ч. 37.

Новый мостъ въ Кіевѣ. ч. 40.

Справозданія галицко-русскихъ обществъ.

Отъ строительной Комиссіи Н. Дома ч. 5, 8, 10, 13, 17.

О выборахъ въ Ставропигіанскій Институтъ. ч. 10.

Промова Вч. Г. М. Куземского, на засѣданіи Выдѣла Галицко-русской Матицы ч. 20.

Вступное Слово Вч. Г. М. Куземского на засѣданіи

ніи Комиссіи, управляющей строеніемъ Нар.

Дома. ч. 21 и 22.

Засѣданіе выдѣла Галицко-русской Матицы. ч. 23.

Даръ г. Министра Баха для книгохранилища Народ.

Дома. ч. 24.

Повѣсти и драма.

Отецъ Игнатій, русскій приходникъ изъ Соломянки. ч. 1—22.

Такъ иногда люди женятся. Е. Гр. ч. 23 и 24.

Змѣй Нотайскій. Хохолушка ч. 25—28.

Мачиха и Паничка. Е. Гр. 29 и 30. (1840—1841)

Чайковскій. Е. Гр. ч. 31—43. (1841—1842)

Ночь зимовая. С. ч. 31 и 32.

Краса села. ч. 33 и 34.

Доброе общество. ч. 36.

Бережливость и скупость. ч. 37.

Немира, трагедія С. Онуфріевича ч. 14, 16—21, 23—28.

Дописи.

Изъ Самбора. Г. ч. 1.

Изъ Вѣдя. Р. ч. 1 и 2.

Изъ Тернополя. Н. ч. 3.

Изъ Перемишля, I. Левинского. ч. 5.

Изъ Львова Б. А. Д. ч. 12.

Изъ Львова. О. Ф. ч. 14.

Изъ Будни. Ар. А. Радлинского. ч. 16.

Изъ западной Галичины. М. изъ Д. (—ій) ч. 21 и 40.

Довѣрительныя письма съ Будни. ч. 23, 25, 28, 29.

Изъ Прашеви. Турина ч. 26.

Изъ Коломыйского. И. ч. 27.

Изъ Прашеви. А. Д. — Изъ Кошиць. В. Д. ч. 32,

Изъ Прашеви, Духновича. — Изъ Жолковского, И. ч. 33.

Изъ Коломыйского, Андрея Ивановича К. ч. 35, 38, 39.

Изъ Яворова, I. Лозинского. ч. 36.

Изъ Покутья, Іосифа съ Болшова. ч. 40—42.

Извѣстія науковыя и Всячина

находятся едва не въ каждомъ числѣ; замѣчанія господарскія и дворянскія, потомъ извѣстія

сѣдичныя и торговельныя въ нѣкоторыхъ. Ко всякому числу приложены „Поученія Церковныя“.

Надзвычайные прилоги.

Тебе Бога хвалимъ! стихъ Б. А. Д. ч. 1.

Молатва за Его Апостольское Величество. ч. 11.

Воззваніе къ предплатѣ на 3 четвертьгодіе ч. 30.

Справозданіе комиссіи Нар. Дома. ч. 36.

Заглавыи Листы и Оглавленія къ „Зорѣ“ и „Поученіямъ Церковнымъ.“ ч. 43.

ЗОР ГАЛИЦ АЯ.

ИПОЛИТЪ
КРЫНИЦКІЙ

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издається вжеседмично въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи чвертьрочно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ГДЕ ДОМЪ ЕСТЬ МОЙ?

(поется по напѣву известной чешской пѣсни.)

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Дитстеръ быстротечный

Безпредѣльный, безконечный,—

Тамъ где Сянъ и Бугъ и Прутъ

Серебромъ въ руслахъ текутъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где храмы вѣковыи,

И памятники святыи,

И церковный нашъ обрядъ

О минувшемъ говорить:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где курганы и могилы,

Городища старожилы

Прахъ богатырей хранить,

Где Бояны наши спать:

Тамъ страна моя родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где Мстиславъ, Романъ, Данило,

Левъ, послѣднее свѣтло,

Край и Вѣру стерегли

Отъ враговъ и гибели:

Тамъ страна моя родная,

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Где народъ сердечный, добрый,

Въ битвахъ сильный и хоробрый.

Вѣрный Славъ прежнихъ дней,

Всякій часъ поетъ о ней:

Ахъ, межъ тѣмъ народомъ милымъ

Домъ есть мой и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где мать, отецъ старенькій,

Сестры, братчикъ молоденькій

Въ смирной хижинѣ живутъ:

И мене съ тоскою ждуть:

Тамъ ахъ, тамъ страна родная

И мой домъ, и жизнь моя!

Где домъ есть мой, где жизнь моя?

Тамъ где Русиня младая,

Заунывно припѣвая,

Золотое жито жнетъ,

Где краса моя живетъ:

Тамъ страна моя родная,

Тамъ мой домъ и жизнь моя!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

Друзе!

Мило заговорило до моего сердца твое
воззваніе, „щобымъ по моимъ силамъ при-
чинялся до воздвиженія народного слова.
Я радовался, получивши купно и извѣстіе,
що наше повременное письмо снова будетъ
намъ просвѣщати. Въ Зорѣ видишь укрѣ-

сербски); 11) Федоръ и Марица, повѣсть Лафон-теза; перев. Рашичемъ (по сербски).

грамматическаго содержанія: 12) Грамматика чешскаго языка для Нѣмцевъ, спис. А. Терребель-скимъ (по нѣмецки); 13) Грамматика польскаго языка тогоже (по нѣм.); 14) Грамматика нѣмецкаго языка для Чеховъ, Моравянъ и Словаковъ (по чешски); 15) Чешско нѣмецкіи разговоры съ сокращенною грамматикою чешскою соч. Конечнымъ изд. втор.; 16) Грамматика болгарскаго языка соч. Кир. Цанковымъ (по нѣмецки); 17) Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ соч. Фр. Микло-вичемъ; часть I. (по нѣмецки).

Словари: 18) Правнико-политическая терминологія для славянскихъ языковъ въ Австріи: *Словарь нѣмецко рускій*; 19) Сербскій словарь Сте-фана Вука Караджича.

Читанки: 20) Читанка для низшихъ школъ гимназіальныхъ состав. А. Веберомъ (по хорватски) 21) *Руская Читанка для низшей гимназіи; часть I. сост. В. Ковальскій*; 22) Сербска читанка для гимназій сост. I. Суботичемъ; книга I.

Низ школьных книжки; 23) *Начальное основаніе запрословія* соч. Волякомъ (по руски); 24) Малая читанка для каѳ. школъ въ Австріи (по чешски); 25) Рахунковая книжка для 2 и 3. класъ школъ нормальныхъ. Кроме того вышло надъ 50. школьных книгъ, будь новыхъ, будь ново отпечатанныхъ и то: 6. чешско-словацкихъ, 3. чешско нѣмецкихъ, 13. польскихъ, 4. русскихъ, 2. хорватскихъ, 7. итальянско далматскихъ и 20. словенскихъ.

господарскаго содержанія: 77) Юрія В... книжка о средствахъ противу слабости будъ (по чешски).

Мѣсяцословъ; Войводянинъ на г. 1853. сербскій.

Вѣстники законовъ державныхъ и правительства: Годъ 1852 ч. IV. во всѣхъ австрійскихъ славянскихъ языкахъ.

Часописи: 85) Весна (чешская выходила до конца I. полгодія) 86) Словацкіи Новины; 87) Вѣстникъ для Русиновъ австр. державы.— Кроме того 4. гудебныхъ твореній по напѣву славянскому.—

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— Дня 11. Января с. г. приплылъ до англійской пристани въ Суттантонъ корабель „Австралія“

квотный привезъ съ тамошнихъ новооткрытыхъ ко-пальной золота въ цѣнѣ 9. миліоновъ р. вр.

— Профессоръ Бетхеръ въ Базелю, изобрѣтатель стрѣльчой баволны, получилъ отъ Его Ве-личества Цсаря Франца Іосифа отличительный крестъ ордена Леопольдова.

— Найглубшіи копаньи въ цѣломъ свѣтѣ суть безсомнительно копаньи мѣди близъ англійскаго мѣстечка *Боталекъ*; они ростиаются поподъ глу-биною сосѣднаго моря, и страхъ наполняетъ пося-щающаго ихъ, когда проводникъ окажетъ ему: „те-перь находимся мы на 30- сяжней подъ моремъ, а на 300 сяжней отдалены отъ его берега.“ Подъ зем-лею стучать молотки работниковъ, когда межъ тѣмъ понадъ его головою плывиють то тамъ то сямъ ку-печескіи корабли.

— Средняя температура мѣсяца Декабрія бы-ваетъ въ средней Европѣ обыкновенно низша 3 сте-пеней Реомюра (3- степеней зимна); минувшаго го-да однакожъ подступла она на три степени тепло-ты; случай надъвычайный, якій не бываетъ ни-же въ нѣсколько столѣтіяхъ. Таяже сама темпера-тура тревала и въ первой половинѣ мѣсяца Яну-арія 1853. года.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Перемышляиинъ [Мѣсяцословъ] на годъ 1853. въ Перемышляхъ. Типомъ и накладомъ книгопечат-ниъ капитульной. Цѣна 24. крайц. серебромъ. Сто-ронъ отъ 1 — 200. Годъ издаванія четвертый. Въ осмерицѣ.

Покореніе Новгорода. Повѣсть историче-ская издахъ К. Меруновичъ. Львѣградъ 1852. Ти-помъ Института Ставропигіанскаго. Сторонъ 1 — 100.

Руска Читанка для низшей Гимназіи со-ставлена Василіемъ Ковальскимъ ц. к. министе-ріальнымъ конценстомъ и редакторомъ Законни-ка державнаго и правительства. Въ Вѣдню 1852. Тископечатана въ ц. к. печатнѣ. Цѣна 41. крайц. серебромъ.

Конюшій, повѣсть въ двоихъ пѣсняхъ сочинен-ная Богданомъ А. Д. Въ Львовѣ 1853. Типомъ Института Ставропигіанскаго Сторонъ 1 — 54.

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьечно получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

НА СМЕРТЬ АНДРЕЯ БАЛУДЯНСКОГО.

сочинителя
„ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
Новаго Завѣта.“

Печальный годосъ къ намъ отбился
Изъ поза сумрачныхъ Карпатъ:
Отецъ Андрей упокоился,
Нашъ однородный Русинъ — Братъ!
Погасло снова одно свѣтило
Что величаво такъ и мило
Нашъ озаряло небосклонъ!

Онъ соработникъ прилѣжнѣйшій
Во вертоградѣ былъ Христа,
Теперь пошелъ во свѣтъ краснѣйшій,
Въ тотъ край, гдѣ Вѣра пресвята
Прійметъ его и скажетъ Богу:
Якъ жизненну свершалъ дорогу,
Якъ все для ней трудился онъ.

Якими украсилъ плодами
Спасительный, Господній Храмъ;
Съ якими подавалъ чувствами
Душевному пишу Русинамъ.
И занесетъ его сказанья,
Его дѣла, его страданья
Свята любовь предъ Божіимъ тронъ.

Такъ не смущайтесь мила братья
Утратою оною снова;
Его приняли во объятя
Надежда, Вѣра и Любовь;
Онъ не во вѣкъ упокоился,
Лишь въ нинѣ міръ переселился,
Гдѣ вѣчно жити будетъ онъ!
Богданъ А. Д.

КЪ СБЛИЖАЮЩЕЙСЯ ВЕСНѢ.

Весно! ты красная Богиня,
Ты дочь наймилѣшадъ небесъ!
Ты вѣчно-юная княгиня
Во областяхъ любви, чудесъ!
Прійди, прійди скорѣйше къ намъ,
И радость принеси сердцахъ!

Зима дождливая и влажная
Не выстелила путь саянъ;
Она такъ скучна и протяжна,
И не поправилась ужъ намъ:
Тому мы тужимъ за весною
Веселою и молодою!

Когда-то и народъ нашъ милый
Тыкъ за весною все тужилъ;
Но снѣтъ скрываетъ Отцевъ могилы
Вождохъ не стало намъ и силъ!
На Руси всей была зима,
И нужда, и глубока тьма!

И долго плачешь и мольбами
Весны просили мы съ Небесъ:
И отъ, предъ нѣсколькими годами
Она пріѣхала — народъ воскресъ!
И къ новой жизни онъ отжилъ,
И древній вѣкъ возсталъ съ могилъ!

Такъ пребывай — же между нами
Ты вѣчно — юная Весна!
Твоими разбудилъ пѣснями
Насъ отъ дремоты и отъ сна;
Да будетъ власть у насъ твоя
Несокрушима, вѣчная!

Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ

(Продолженіе.)

Глубоко троняють насъ извѣстія о древнихъ великихъ характерахъ, и мимовольно производятъ въ души удивленіе и поважаніе для нихъ; мы любимъ и поважаемъ тыхъ мужей еще тымъ больше, если видимъ на нихъ добродѣтель, безкористолюбіе и истинно христіанское житіе. Тымъ отличился и нашъ первый изобрѣтатель словянскаго алфавита. Исторія передала намъ, що передъ усовершеніемъ сего подвига онъ постился сорокъ дней, ибо онъ вѣрно понималъ якъ многоважный ость сей трудъ. Поглянемъ якъ онъ собѣ въ томъ поступилъ дѣлъ. Двадцать четыре буквы греческаго языка, благозвучного и художественного, были недостаточны для того, чтобы восприняти въ себѣ все разнообразіе, всю полноту звуковъ языка Словянскаго. Константинъ долженъ былъ прибѣгнуть для того къ алфавитамъ другихъ племенъ. Ученый Добровскій гово-

ритъ, що мудрый изобрѣтатель Словенскон азбуки, принявъ въ основу письма греческѣи, за другими же недоставшими обратился къ письменамъ восточнымъ: Еврейскимъ, Аріянскимъ и Коптскимъ. Къ сему онъ нашелъ средства въ Византіи самой, которая, кромѣ духовныхъ сношеній, и политическѣи вела на письмъ тыхъ народовъ, съ которыми сносилася. Соборная Сойійская Библіотека, конечно могла предложить Константиноу грамоту всехъ племенъ, тогда писавшихъ. Сорокъ четыре буквы потребовалось для того, чтобы выразити все оггькии звуковъ Словянскаго языка. Въ 855 году, тѣи звуки были начертаны. Чѣмъ больше ученые выискали и выискають въ нашу азбуку, тѣмъ больше изумлялися и изумляють ся премудрому ея составленію. Послухаемъ, що безпристрастный Нѣмецъ ученый Шлецеръ говоритъ къ нашимъ первоучителямъ: „Привѣтствую Васъ здѣсь, безсмертныи изобрѣтатели Словенскон грамоты! Вы, первыи, дорзнули грубый *) языкъ имѣющій множество ему только свойственныхъ звуковъ, взяти, такъ сказати, изъ устъ народа, и писати греческими буквами; но въ томъ дѣлѣ поступили вы, якъ люди отличныи умомъ одаренныи, и для каждого особеннаго звука, котораго Грекъ не имѣлъ въ своемъ языкѣ, изобрѣли вы новыи особенныи знаки или буквы. Якъ малъ противу васъ Ельзассскій монахъ Отфридъ, или кто бы не былъ тотъ Нѣмецъ, который первый осмѣлился писати въ своемъ языкѣ, но для сего рабски только снялъ латинскую азбуку”

Придивъся теперь тому, що найперво передложено было съ Греческаго языка на

*) Слово: грубый неумѣстно употреблено Шлецеромъ. Тотъ языкъ не могъ быти грубъ, въ которомъ нашлися уже силы для того, чтобы собственными словами передать всю глубину Священнаго Писанія.

Словенскій Константиномъ и Меѳодіемъ. „Искони бѣ Слово и Слово бѣ отъ Бога и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога“. *) То суть первыя слова, написанныя близько нашихъ языкомъ — или церковью благовѣствуетъ въ праздникъ Воскресенія Спасителя, выражаючи основную мысль христовой Вѣры; — то суть слова Апостола Любви, который возлежалъ на персахъ у Христа и которому Спаситель умираючи на крестѣ поручилъ Матерь Свою. Старшихъ отъ тыхъ словъ не имѣемъ. Тогда предложено было благовѣстіе отъ Іоанна, Константины и Меѳодія показали Царю, Патриарху и всему Собору и все о томъ съ радостію прославили Бога. За тѣмъ переведены были все Евангеліе, Апостолъ, Литургія, Псалмы и все необходимыя богослужебныя книги. Греческія и Болгарскія Словене, съ восторгомъ приняли даръ Слова Божія въ народномъ языкѣ отъ своихъ Первоучителей. **) Въ 862. году, Меѳодій крестилъ Болгарскаго Царя, Бориса. Такимъ образомъ отъ 855. до 861. года, Словенская литургія распространилася сначала у Словенъ Греческихъ, потомъ Болгарскихъ, которыя по берегамъ Дуная, къ северу, граничили съ другими своими соплеменниками.

Между тѣмъ и до Моравовъ дошли слухи о томъ, що братья ихъ послѣдники совершаютъ Богослуженіе въ языкѣ врозумительномъ. Потому Моравскій князь могъ обратитися къ Императору Михаилу и про-

сити его, чтобы онъ прислалъ для его народа Словенскихъ учителей. Михаилъ отправилъ къ нему немедленно Константина и Меѳодія съ другими помощниками, между которыми позднѣе прославились Климентъ, Епископъ Болгарскій въ Македоніи, Ростиславъ съ восторгомъ принялъ Словенскихъ Апостоловъ въ своей столицѣ въ Моравскомъ Велеградѣ, нынѣшнемъ Градищѣ, и народъ раздѣлилъ съ княземъ его радость. Первымъ трудомъ Константина и Меѳодія было строити церковь, переводити дальше Священное Писаніе, вводити Словенское богослуженіе въ предѣлахъ цѣлой Моравы. Скоро разошлася вѣсть о томъ, що Словенское богослуженіе раздается дальше и дальше. О томъ услышалъ и Папскій легатъ св. Петра. Тогда Папскою тіарою украшался Николай I. Онъ позвалъ обоихъ братьевъ въ Римъ въ 867. году.

Въ житіи Меѳодія сказано, когда братья пришли въ Венецію, и съ собою Словенскія богослужебныя книги и мощи св. Климента несли — они встрѣтили съ тамошними священниками прѣіе. Они говорили имъ: „Якъ же сотворимъ Словенамъ книги и обучаемъ ихъ тому, чого не позволили ни Апостолъ, ни Папа Римскій, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ ни Августинъ? Мы знаемъ только три языка, въ которыхъ можно славить Бога. Еврейскій, Греческій, Латинскій.“ Философъ отвѣчалъ имъ: „Не льется ли дождь отъ Бога на все? Солнце не сіяетъ ли ровню на весь міръ? Не все ли мы дышемъ однимъ и тѣмъ же воздухомъ? Якъ не стыдитесь вы принимать только три языка, а прочіимъ племенамъ велите быти слѣпыми и глухими? Богъ по вашоу, или немогъ, що не можетъ дати того, или завистливъ, що не хочетъ? Намъ извѣстно, що многіи народы умѣютъ воздавати славу Богу, каждый своимъ языкомъ: Аріане, Персы, Абазги,

*) Текстъ приведенъ по Острожрову Евангелію, которое могло быти третьимъ или четвертымъ спискомъ съ первоначальной рукописи Константина и Меѳодія.

**) Извѣстіе о томъ, що Болгарскія Словене пользовались Словенскимъ богослуженіемъ прежде, чѣмъ Моравскія, принадлежитъ Греческой біографіи Болгарскаго Архіепископа Климента. —

Иворійци. Готы. Обры. Турки. Козары. Аравляне, Египтяне, Сиріане и еще другіи. Если не хочете уразумѣти того: изъ писанія познайте Судію. Давидъ вопієтъ, глаголя: пойте Господеви вся земля, пойте Господеви пѣснь нову." — Въ такомъ видѣ преданіе сохранило намъ прѣвнѣ Константи-на съ предразсудженіями.

Братья идутъ въ Римъ. Туда несутъ они мощи св. Клиента и словенскіи книги. Между тѣмъ, Папа Адріанъ сѣтиналъ умершаго Николая. Со всѣмъ духовнымъ соборомъ. Папа Римскій, выходитъ на встрѣчу св. мощамъ, принимаетъ ихъ въ церкви св. Маріи. Въ храмъ св. Петра и въ храмъ великаго учителя языковъ. Апостола Павла, и въ другихъ церквахъ Рима, пѣли литургію въ языцъ Словенскомъ. На гробницахъ перво-верховныхъ Апостоловъ лежало Словенское Евангеліе.

Наслѣдникъ св. Петра умный Адріанъ не принялъ возраженій противниковъ, враждебныхъ народному богослуженію Словенъ, а тѣхъ, которыми утверждали, що священ-ными книги могутъ быти писанными только въ трехъ языкахъ: Еврейскомъ, Греческомъ и Латинскомъ будто бы, що въ нихъ только, повелѣніемъ Пилата, написано было на крестѣ нѣа распятаго Спасителя, проклятъ и нарекъ пилатиньями и трезычниками.

Продолженіе слѣдуетъ.

Короткая исторія Черной Горы.

Событія, которыми въ нынѣшнихъ времена обратили на Черногорцевъ вниманіе всеи Европы, осуждиваемы бывають розлично, будь во пользу хороброго сего славянскаго племени, будь на его вредъ и обиду. Даже тѣи, которы до сихъ поръ и незнали, существуютъ ли якіи Черногорскій край, смотрять нѣмъ прилѣжно за извѣстіями, относящимися къ исторіи Черной Горы и розсуждаютъ,

якъ нѣмъ захочется. Думаемъ, що сдѣлаемъ ч. читателей нашихъ не малую прислугу, подавая нѣмъ короткое обозрѣніе исторіи Черногорцевъ.

Исторія Черной Горы и такъ званого Сербскаго Пригорья начинается съ четырнадцатымъ столѣтіемъ; о событіяхъ, случившихся прежде того времени, извѣстно дуже мало. Тоѣ только неоспоримо, що якъ у всѣхъ славянскихъ племенъ такъ и у Сербовъ были многіи удѣльными князья (господари). Роздѣленіе державы и такъ не дуже великою на множан области было головною причиною упадка сербскаго Царства, которое разрушено было въ 1389. году во время владѣнія Царя Лазара на Косовомъ полѣ.

Въ тоѣ же время владѣли въ Зетѣ*) и въ Черной Горѣ особныи князья. Кроме тѣхъ было еще больше князей (господаревъ) въ оныхъ сторонахъ, именно: въ Герцоговинѣ, Приморію и Альбаніи и всѣ они стояли между собою въ сродствѣ. Найстаршій между ними былъ Балша, сынъ бана Странича. Когда Турки преодолѣли Сербскаго Царя на Косовомъ полѣ, не спѣшили тѣи поменьшіи князья съ помощію, котору нести ему будь не могли, будь не хотѣли. По разрушеніи Сербскаго Царства владѣли тѣи князья въ своихъ удѣлахъ самостоятельно и уважали Балшу за наслѣдника Сербскихъ Царей, найвысшаго господара Сербской державы.

Турки нападали иногда и на княжескіи области, но не могли тамъ osiąгнути жела-

*) Зета есть рѣка втекающая недалеко Подгорицы въ рѣку Морачъ. Тутъ подразумѣвается подтѣтъ именемъ край лежащій понадъ рѣкою Зетою межи Герцоговиною, Альбанією, Черною Горю и озеромъ Скадерскимъ. Кроме города Подгорицы суть въ Зетѣ еще двѣ крѣпости: Стужъ и извѣстный нѣмъ Жаблякъ.

тельного успѣха. Ажъ тогда, коли неосторожныи Господарово Боснійскіи улегшии Туркамъ приступъ до Босніи, могли тіиже реченымъ областямъ больше вреда наносити. Жители Герцоговины, Албаніи и Зеты боролись за свой бытъ и независимость свою почти полтора вѣка; но наконецъ истощились и поддалися Туркамъ. Въ продолженіи тогожъ времени отступилъ князь Черной Горы и Приморья Дюрядъ важный по своему мѣстоположенію и инымъ выгодамъ городъ Скадаръ неблагодарной и неспасыщенной Венецкой (Бенатской) республики. Республика таѣ была тогда сильна и могуча: на противъ Сербская держава упала съ дня на день. Такъ и не дивно, що Дюрдо, сынъ бана Странича отдалъ Венетамъ реченный городъ желая по крайней мѣрѣ съ той стороны имѣти нѣкую помощь противъ Туркамъ. И воистину, когда потомъ Турки хотѣли добыти Скадаръ, оборонили его Сербы и Венеты.

По смерти Балша послѣдовалъ братъ его Стефанъ, которого попомки назывались по его прозвищу Черноевичи. Стефанъ, союзившись съ тестемъ своимъ Скандеръ — бейомъ, выступалъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ летописцевъ, 66. разы на поле битвы противъ Туркамъ. Сынъ его Иванъ воевалъ также безъустанио противъ Магометанамъ, которые всѣ свои силы обратили на подбитіе Иванова удѣла. Но успѣхи ихъ были неуспѣшны Иванъ, яко независимый Господаръ, женилъ сына своего съ дочерью Бенатского дожи и такимъ образомъ вошелъ въ дружескіи отношенія съ Италією. Онъ создалъ въ Венеціи (Бенаткахъ) для себе и своихъ подданныхъ сербскую церковь. Бенатскій дожа выдалъ дочь свою за сына Иванова по той лише причинѣ, понеже надѣялся съ таковаго союза различныхъ для себе корыстей. И надѣя не обманула его; оба бо тіи князья были со своимъ народомъ

для Бенатчанъ правою рукою. Однакомъ Бенатчане имѣли звычайно тупую память и оплачевали за то Сербямъ неблагодарностію. За тотъ грѣхъ преслѣдовала ихъ потомъ судьба многократно.

Дюрядъ, сынъ Ивановъ, пребывалъ яко зять Бенатского дожи. долгое время въ Бенаткахъ. Онъ пріѣзжалъ частѣйше на Черную Гору и основалъ тамъ типографію. А такъ мильше было ему жити въ Италіи и съ той причины отдалъ онъ княжескую власть своему сроднику Ивану, который также оженился съ Италянкою. Сію власть препоручилъ Иванъ сыну своему Дюрядю а тотъ, проживая съ дѣтствія въ Италіи, изрекся правленія и передавши оно въ г. 1516. сербскому Митрополиту Герману, поѣхалъ опять до Италіи.

Мимо того потомки Странича владѣли независимо; и въ Исторіи Черной Горы нѣтъ даже слѣдовъ, абы они когда либо Туркамъ дащъ платили; сказано только, що города, въ которыхъ не могли остоягися, уступали одинъ за другимъ магометанскимъ наездникамъ. которые во время княженія Дюряда Черноевича такъ ихъ уже обсадили, що Дюрядъ принужденъ былъ отдать власть свою Митрополиту. Тотже Дюрядъ оставилъ ему и державную печать съ двома орлами, которая до нынѣ сохраняется у Черногорцевъ.

Князья владѣвшіи во время Сербского Царства, правили Черною Горою и ея областями 127. лѣтъ по битвѣ на Косовомъ полѣ супокійно. Турки отнимали вправдѣ то одну часть ихъ края то другую, но Черная Гора оставала для нихъ пріютомъ, на которую Турки долго еще не отважались нападати.

Въ г. 1450 палили Турки въ битвѣ на Ченовскомъ полѣ брата Иванова, Петра Черноевича, неопытного и слабого молодца. Онъ потурчился и потомки его владѣли

въ Альбанин и шли столицу въ Скадаръ до г. 1834. Тойже самъ Петро, борючись почти всю жизнь со своими соплеменниками, отправился въ старости своей яко Турокъ въ году 1522. когда княжеская власть Черной Горы перешла въ руки тамошнихъ Владыкъ, на Черную Гору съ тѣмъ намѣреніемъ, абы край тотъ яко свое наслѣдіе себѣ покорити и прилучити его къ своимъ областямъ. Однакожь не много скорысталъ онъ въ селѣ походѣ, занявши только незначительніи части Черной Горы.

Продолженіе слѣдуетъ.

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Единимъ еще утѣшеніемъ для моей родины была теперь та мысль, що може вѣсть о несчастіи нашемъ злонамѣренно выдуманна или розголошена съ перзасадю; вскорѣ однакожь получили мы письмо съ города отъ одного съ нашихъ друзей, которымъ подтвердилось все несчастное оно приключеніе.

Для мене самого убытокъ нѣзнія былъ дѣломъ дуже маловажнымъ, и только мысль о моей родинѣ, угроженной бѣдностію во будущемъ, — о родинѣ, которая не пользовалась даже тѣмъ высшимъ просвѣщеніемъ ума, для кого не такъ болестною бываетъ утрата благъ вещественныхъ, не такъ болестнымъ презрѣніе холодного свѣта, — тия мысль наполняла сердце мое великою скорбію.

Почти двѣ недѣли прошло, закъмъ покусился я печаль ихъ словами умирят: боялся бо, щобы посильшими мои утѣшенія не умножали тѣмъ больше ихъ горести. Въ то же

время раздумывалъ я надъ средствами. якъ-ни бы можно было ущербъ сей хотя отъ части исправить; наконецъ посовѣтовали менѣ друзья мои податись на одно упрямное тогда и весьма выгодное приходское мѣстце, о десять миль отъ Романовки отдаленное, сирѣчь на село Соломянку. Подавшись, получалъ я оное безъ великихъ трудностей.

Передъ выѣздомъ нашимъ съ Романовки, занялся я обчисленіемъ всего моего движимаго и недвижимаго имѣнія, котораго по сплаченіи долговъ не было выше цѣны трехъ сотъ червонцовъ. Для того головою для мене задачею было теперь, усмирят гордость родины моей о столько, о сколько неприятныя обстоятельства къ тому насъ принуждали. Зналъ бо я, що горделивая бѣдность то крайнее несчастье. „Вы пересвѣдчитесь, мои дѣти, говоритъ я, що ніякъ не могли мы отвратити отъ себе непредвидимое злополучіе: можемъ однакожь во многомъ заиобѣгчи его слѣдствія. Мы теперь бѣдны, и розсудокъ повелѣваетъ жити соотвѣтно нашему состоянію. Для того откажмса безъ горести отъ вѣшнаго блеску, въ которомъ такъ многіи бывають несчастливими, и въ лихихъ обстоятельствахъ нашихъ да ищемъ лучше того внутренняго супокоя, въ которомъ всякій счастливый бити можетъ. Тажъ убогіи люди живутъ весело и безъ нашої помочи, чемужь не жити бы намъ такъ само? Дѣти мои любезныи, съ тѣхъ поръ оставимъ всякіи покушенія на выставное житѣ, довольно еще осталось намъ на то, абы бити счастливыми, если только не опуститъ насъ розумъ; и где не достанетъ намъ средствъ вещественныхъ, тамъ да пособитъ намъ руское наше сердце и веселое радушіе.”

Вскорѣ сближился день, въ которомъ ишли мы розстатись — Богъ знаетъ, на

якое время, а може на всегда розстатись съ найстаршимъ нашимъ сыномъ. Розлука съ друзьями и сродными есть однимъ съ найгорестнѣйшихъ случаевъ въ жизни людей убогихъ. Для богатыхъ не бываетъ она столь болестною, бо они рѣдко принуждены розлучатись на долгое время. Во преки бѣдакъ не находя содержанія въ отеческой хатѣ, уже скоро опускаетъ ю съ болестнымъ сердцемъ — на долго — можетъ и на вѣки! Попрощавшись съ матерью и прочими родными, которыи съ слезами прильнули къ груди любезного брата, приступилъ сынъ мой къ мнѣ и просилъ благословенія. Изъ глубины сердца благословилъ я его и словы и слезами; се благословеніе, сіи слезы и два червонцы. — вотъ все приданное. якимъ могъ я теперь его надѣлать. И къ отходящему сказать я трогательнымъ голосомъ: „Вдешь теперь, сыну мой, въ свѣтъ инокіи искати самобытной доли; тѣмъ и возьми на дорогу слова твоего дѣда, сказанныи менѣ при такомъ же случаѣ: *„Я былъ молодъ и состарился и никогда не видѣлъ, дабы праведный человекъ лишенъ былъ всякой помощи, или дабы семья его ходила за милостынями глѣбома.“*” Тая мысль да будетъ тебѣ утѣшеніемъ и укрѣпленіемъ на жизненной пути, да будетъ она тебѣ всегда и всюду сопутною звездою! Иди съ бодрымъ духомъ прямою дорогою, и якъ бы ни велось тебѣ въ житіи, не унывай, а трудись — и прїѣдъ до насъ свиданія ради хоть одинъ разъ въ году. Такъ съ Богомъ сыну! — прощай, прощай!” И онъ повхалъ, — въ родимой хижѣ оставилъ жалъ, тугу и слезы!

Пересвѣдчѣнъ о высокихъ его дарованіяхъ и благородномъ сердцѣ, я не печалился чрезмѣрно тѣмъ, що выславъ его безъ всякихъ почти пособій въ неизвѣстную путь жизни; къ тому зналъ я наилучше, що будъ

въ счастьи будъ въ бѣдѣ, онъ ролю свою отиграетъ съ честію.

Въ нѣсколько дней по его отъѣздѣ стали мы думать о нашемъ переселеніи, которое и наступило въ двѣ недѣли по Великодніи. Прощанье съ сосѣдами, съ которыми столько веселыхъ часовъ прожили мы въ Романовцѣ, не обошлось безъ слезъ и сердечного жалю; самыи даже твердого нрава люди не могли ихъ угапти. Десятимилевая просторонь, якую надобно намъ было перѣхати, смущала особенно мои дѣти, которы доселѣ едва на четыре миль отдалялись отъ Романовки. Волли сиротъ и убогихъ людей, сопутствовавшихъ намъ почти цѣлу милю за Романовкою, не причинялись во все къ тому, щобы смущеніе оно розсытти.

Первого дня совершили мы половину нашей дороги, и заѣхали на ночь до неоканчальной корчмы, стоящей неподалеку маленького села. Жидъ корчмарь завелъ насъ въ особенную комнату, где розгостившись, стали мы распытывать свѣдущаго еврея про стороны, въ которыхъ едемъ и про будущихъ сосѣдъ. На тѣи вопросы зналъ онъ весьма подробно отвѣчати, именно же описалъ онъ будущаго моего властелина, яко человека, для котораго нѣтъ въ свѣтъ иныхъ заботъ кромѣ собственныхъ увеселеній, и который лихо слыветъ своею пристрастною наклонностію къ женскому полу. „Нѣтъ майже дѣвчины такой” говорилъ онъ съ таинственнымъ видомъ, „котора опертись бы могла его ласкательнымъ словамъ и кознямъ; и на нѣсколько миль вокругъ рѣдко уже найти такой, котору бы онъ не презлстилъ и послѣ не оставилъ на леду.” Хотя вѣсть тая не мало мене поразила, во все однакожъ не такъ подѣйствовала на мою жену, которая столь же много полагала на добрый нравъ своихъ дѣтей, сколько и на

силу ихъ прелестей. Межи тѣмъ, вбѣгла до насъ корчмарка и розсказала мужу, будто молодой Панъ, который отъ вчера у нихъ обѣдѣетъ, хочетъ отъѣзжати не заплативши за постой, понеже, кажется онъ, не имѣю при себѣ. ани слоканного гроша. „Якъ то не имѣетъ гроша!“ воскликнулъ корчмарь. „якъ то не имѣетъ гроша! я самъ видѣлъ вчера, якъ подалъ онъ убогому цѣлого сороковца. и приказалъ ему за то купити новую шапку.“ Когда однакъ корчмарка повторила вызнание молодого Пана, а озлобленный корчмарь спѣшилъ уже къ дверямъ, тогда заступилъ я ему дорогу и попросилъ его, чтобы зазнакомилъ мене съ тѣмъ молодымъ Паномъ, который по сказанію самого корчмара казался быти добродѣтельнымъ человекомъ. Сему не противился онъ и вскорѣ потомъ привелъ въ нашу комнату человека, не больше двадцати пяти лѣтъ числящаго, одѣтого въ черное платье, которое хотя сношено, показывало, что молодецъ сей принадлежалъ къ высшему сословію. Онъ былъ хорошъ собою, и лице его являло мыслящаго человека. Розговоръ его былъ рѣзкій; въ обхожденіи не заховывалъ онъ свѣтскихъ церемоній, будь съ несвѣдомости, будь съ презрѣнія днѣхъ.

Когда корчмарь вышелъ изъ комнаты, не могъ я воздержатись отъ того, чтобы не изъяснить молодцу свое сожалѣніе надъ его неутѣшнымъ положеніемъ; къ тому объявилъ ему, что грошии мои ради подѣлюсь съ нимъ. „Съ охотою принимаю я ваше предложеніе.“ сказалъ онъ. „и дуже радуюсь, что моя легкомысленность, съ якую посбывался моихъ грошей, подала мнѣ случай удостовѣрится, что суть еще въ свѣтъ благородныи люди, въ которыхъ числѣ и Вы, честный Отче. Межъ тѣмъ хотѣлъ бы я узнать нѣмъ мѣсто пребыванія мо-

его добродѣтеля, егоче должникомъ я сталъ отъ той поры.“ Я удовлетворилъ его желанію, извѣщая ему не только нѣмъ и приключившееся мнѣ несчастіе, но и мѣсто моего пребыванія. „Ахъ, тожъ лучше ведется мнѣ, нежели якъ самъ того надѣялся.“ воскликнулъ онъ, „я бо тоуже ѣду дорогою. Возбранная рѣка не позволяла мнѣ черезъ два дни путь продолжати; нынѣ однакъ, якъ дождався, упала она о столько, что можемъ завтра ѣхати разомъ дальше.“ Я увѣрилъ его, что милымъ мнѣ будетъ его товарищество, и просилъ умильно, дабы ѣлъ съ нами вечеру. Онъ согласился на тое только тогда, коли сіеже запрошеніе повторилъ жена и мои дѣвчата. Розговоръ его ставался такъ пріятнымъ, что слушалъ бы я былъ его до поздней ночи, кобы не помнилъ на тое, что нынѣшнимъ сномъ надобно покрѣпити силы къ завтрашнимъ трудамъ.

Съ утра пустились мы разомъ въ дорогу. Моя родина ѣхала трема брычками, однакъ такъ, что въ третьей наибольше отягощенной сидѣла только Амалия съ маленькимъ извозникомъ. Я же и господинъ Раевичъ, пріятель нашъ отъ вчера, ѣхали за ними верхомъ. Хотя зналъ я, что така ѣзда моя не совсѣмъ отвѣчаетъ рускому обычаю; но бывши уже съ юности самымъ пристрастнымъ охотникомъ до такой ѣзды, къ тому уважая на молодого друга, которого скучно мнѣ было оставити самого и которого бесѣда мнѣ такъ понравилась, рѣшился я сопутствовать ему на моемъ ворономъ. Съ радостію узналъ я на пути, что Раевичъ занимается прилѣжно и рускою словесностію; мы говорили о всѣхъ ея корифеяхъ, начавъ отъ Нестора и слѣдуя даже до Котляревскаго, которого то послѣднего онъ умно защищалъ противъ моихъ нападеній. Мнѣ то дуже понравилось, что

онъ, хотя мой должникъ, не отрекался предъ мною своего мнѣнія.

Иногда розсказывалъ мнѣ снова про окрестныя селенія, мимо которыхъ или близъ которыхъ мы проезжали. „Вотъ дворецъ.“ говорилъ онъ, всказывая на хорошій дворъ, принадлежащій теперь Пану Долинскому, властелину вашего прихода Соломянки.“ Желая где-то больше дознаться о будущемъ властелинѣ, сталъ я выпытываться г. Раевича про его нравы, житье-бытье и про его обхождение съ народомъ; хотя бы говорилъ мнѣ много о немъ непотышного корчмаря на послѣднемъ ночлягу, но все-таки не доверялъ я признаніямъ честнаго еврея. По нѣякомъ размышленіи сталъ говорить мой спутникъ: „Панъ Долинскій богатый властелинъ, кажется однакожь, щонитъ не на долго уже будетъ; о доброй бо его ведется больше дванадцать лѣтъ великая тяжба, которая три раза рѣшаема была во пользу его противника; но онъ подалъ еще до найвысшей инстанціи, для того власть его можетъ продолжаться еще пайдалѣй два года. Онъ самъ знаетъ о томъ добре, и для того приходы свои ростокаетъ на собственныя или тѣхъ людей увеселенія: которыя лстятъ его самолюбію. Житіе его не отличается благоправіемъ; въ общежитіи бываетъ онъ обыкновенно со-лодкій, но се ищетъ свои причины; для простого же народа онъ безилосердный.“ Такой образъ моего властелина опечалилъ мене надсвычайно. Имѣя однакожь нѣкую надежду, что по увѣренію моего спутника, власть его не потреветъ долго, хотѣлъ я узнати еще гдѣ-то про его наследника. „Наслѣдникъ его или лучше правый властитель сихъ добръ скитался черезъ 12. лѣтъ по дальнихъ краяхъ. Во время скиталческой жизни познавалъ онъ свѣтъ и людей и удостоивался: что между ними не много добрыхъ, а еще менше счастливыхъ, что при-

чиною жалкихъ отношеній въ ихъ жизни бываетъ иногда недостатокъ полнѣйшаго просвѣщенія. наибольшее же самолюбіе; что истинное счастье состоитъ въ доброй совѣсти и въ удовольствіи при нѣрныхъ средствахъ. Набывши такого убѣжденія, опустилъ онъ чужія стороны, вернулъ въ отечество и весь предался трудамъ во области исторіи и словесности словенской. Если же Господь Богъ подалъ бы ему большіе средства, которыя выдѣлалъ бы ему неправостию, онъ употребилъ бы ихъ только къ добру отечества и того народа, котораго любить всею душою и всѣмъ сердцемъ.“ Получивши столь прекрасное изображеніе втораго моего властелина, я такъ возрадовался, что въ забытіи едва не упалъ съ вороного.

Когда такимъ образомъ занимались мы симъ любопытнымъ разговоромъ, ударилъ насъ неожиданно ужасный крикъ моей Аналіи, котору сполошеними коня уносили съ горы по бездорожію и прямо гнали къ возбранной рѣцѣ. Едва могъ я опамятатись отъ нечаяннаго впечатлѣнія: уже Раевичъ стрѣлою пустился на своемъ буланомъ и въ одинъ мигъ догнавши полохихъ крией, обернулъ своимъ поперѣдъ нихъ и ухвативши счастливымъ случаемъ за узды, принудилъ ихъ остановиться на мѣстѣ. Я поспѣшилъ за ними на ворономъ. прочіи же члены моей родины, схвативши въ переднихъ брычкахъ, сбѣглись чѣмъ скорше на мѣсто спасенія любимой Аналіи, и видячи ю и неосторожнаго извозчика неповрежденнымъ, благодарили Бога и молодого друга, который съ пренебреженіемъ собственной жизни спасъ двое людей отъ очевидной гибели. Что чувствовала тогда Аналія, тое не дастся описать словами, она благодарила своего избавителя воззрѣніемъ, въ которомъ созерцались все нѣжныя чувства благороднаго сердца, и когда Раевичъ приблизился къ

ней, приклонилась она на его рамя, якъ бы еще требовала его помочи.

Продолженіе слѣдуетъ.

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ

Закънѣ станемъ говорити о томъ, якъ Черногорцы борются, познакомимъ прежде ч. читателей нашихъ не много близше съ географическимъ мѣстоположеніемъ Черногоры. И такъ границы ей окружены отъ сѣвера, востока и юга турецкими областями: Герцоговиною, Альбаніею и Босніею; отъ запада австрійскою Далматіею. Весь край обсягающій только 65 квадратныхъ миль, раздѣленъ на 2 головныя части: Черногору и Бердо (Верховины), тѣмъ снова на 8 нагій (областей), по 4 на каждую. Наибольшая изъ всѣхъ нагій есть нагія Катунска, въ которой лежитъ престольный городъ Цетинье. Кругомъ цѣлого краю стоятъ великанскіи горы и допускаютъ легшій приступъ до него только изъ семи сторонъ, именно на юго-востоцъ отъ турецкой крѣпости Жаблякъ, откуда тянется единственная большая дорога черногорскимъ краемъ черезъ Негушь и Цетинье ажъ до Котору, лежащаго на югозападной границѣ. Головная рѣка есть пограничная Морача, которая пріявши въ себе Зету и Ситницу съ черныхъ горъ втекаетъ въ скадерское озеро. Путешествіе по краѣ семъ отбывается ради великихъ горъ будь пѣшки, будь на маломъ словянскимъ конику. Единственный на европейскій ладъ сбудованный городъ есть Негушь; престольный же городъ Цетинье, въ которомъ кромѣ княжескаго дворца находится еще только 10 иныхъ домовъ. Всѣхъ жителей считается до 120,000 душъ обоюго пола, и тѣмъ подѣлены на 39

племенъ. Каждое племя имѣетъ въ одной изъ нагій особый свой округъ.

Постояннаго войска не имѣютъ Черногорцы; но каждый кто только силенъ мечъ подвигнути, во время нужды не исключая даже женщинъ, беретъ за оружіе; изнѣженность уважается за наибольшій стыдъ. Обыкновенно считается однакожь до 20,000 ковенныхъ людей. Оружіемъ ихъ есть: ганджаръ (великій ножъ), два пистолеты, стрѣльба 3 — 6 стопъ долгая, наконецъ калитка на порохъ. На челѣ ихъ стоитъ 8 сердаровъ или полковниковъ съ прапорщиками (баряктарами), которые въ опасное время, истремлиютъ на якомъ холмѣ прапоръ (хоругвь) и тѣмъ знакомъ сзываютъ вооруженныхъ мужей, въ окрестности находящихся. Если Турокъ намѣряетъ вторгнути въ черногорскіи предѣлы, поспѣшають всѣ муми къ тому мѣстцу, откуда грозитъ опасность. Турки ступають обыкновенно въ двоухъ отрядахъ и то сперва такъ, же мадигого недосягнуть черногорскіи кули; когда однакожь сближаются къ горамъ, острѣываютъ ихъ Черногорцы со всѣхъ сторонъ, причаиваясь то въ ущелинхъ скалъ то за деревомъ или въ гущахъ, въ которомъ то случаѣ закидаютъ они фезы свои (червоныи шапки) на вѣтви выстихъ деревьевъ, такъ же Турокъ стрѣля въ шапку, думаетъ же вцѣпмъ въ голову. Турки ударяють обыкновенно съ наибольшею яростию на горянъ; що угодно бывастъ Черногорцамъ понеже любятъ такую борьбу, где мужъ на мужа бьетъ изъ близка. Тогда начинается ужасная битва. Тутъ нѣтъ отпочинку, нѣтъ помилованья; увидить ли Черногорецъ упадающаго Турка, прискочитъ къ нему стрѣлою и отрѣзаетъ голову. Своихъ же раненыхъ или мертвыхъ уносятъ Черногорцы чѣмъ скорше съ поля битвы; абы не допустить Туркамъ, такимъ

же способомъ утинати головы упавшимъ Черногорцамъ. Головы Турковъ несутъ они потомъ яко найдорожшій добытокъ до княжеской столицѣ въ Цетинѣ, где вѣшаютъ ихъ на башни. Одна съ найяростнѣйшихъ битвъ яку когда либо Черногорцы имѣли съ Турками, была въ 1708.

Конецъ слѣдуетъ.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Прибавительно къ моему донесенію первому о печатаемыхъ книгахъ въ Вѣднѣ поспѣшаю еще съ одною вѣстію, що Христоматія для вышней Гимназіи составлена Вч. Г. Профессоромъ Головацкимъ будетъ принята В. Министерствомъ просвѣщенія. Такожъ чути, що и Грамматика для школъ нормальныхъ сочинена симъ трудолюбивымъ мужемъ уже одобрена. Всѣ тѣшимся тѣмъ, ибо знаемъ, що Вч. Г. Головацкій своимъ глубокимъ знаніемъ нашего языка, удовлетворить достойно всѣмъ ожиданіямъ. Въ концѣ мѣсяца мнѣ и говѣ донести, яко и рускій Букварь Всеч. Г. І. Кульичко министерство одобрило, и якъ здѣяся сими днями начнется уже печатати первый листъ. —

Вѣднѣ . . . . . Р.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ.

— Якъ довідуюся, собираетъ многоученый Г. Шамбера профессоръ чешского языка въ Вѣднѣ старинныя историческія и топографическія матеріалы, изъ которыхъ нахѣтаетъ доказати, що первобытныи жителями чешско-словенскихъ краевъ были Словене, якъ о томъ свидѣтельствуютъ Пражскій летописецъ Косма и нашъ Несторъ; а не Кельты и Нѣмцы, якъ то утверждаютъ новѣйшіи писатели, слѣдующіи свидѣтельству Римлянъ и Нѣмцевъ.

— Господинъ И. Р. властитель добръ въ Баго-
німъ въ Угорщинѣ подалъ по причинѣ злопамятного приключенія, сбывшагося дня 18 февр. с. г. въ Вѣднѣ сіе разумное предложеніе: абы добродѣтельными жертвами заводити по всей Угорщинѣ „сѣмелища для воспитанія учителей народа;“ понеже только черезъ доброе воспитаніе народа запобѣжится подобнымъ огиднымъ слѣдствіямъ во будущемъ.

— Якъ высокую надгороду нужно давати лѣ-
карямъ въ Калифорніи, видно изъ того що ни одинъ лѣкаръ не посѣтитъ больного скорше поки тотъ же не заплатитъ ему 12 долларовъ (долларъ стоитъ 2 р. 6 кр. ср.); за посѣщеніе въ ночи платится 100, за хирургическую операцію 1000 долларовъ!

— Годъ 1852 похитилъ соплеменникамъ нашимъ Чехамъ двоихъ кайзнакомитшихъ поетовъ. Въ началѣ года умеръ І. Коляръ, при концѣ Фр. Челяковский. Память сего послѣднего повинна бы дорогою быти и для Русиновъ. Не говоря о многихъ его сочиненіяхъ чешскихъ, скажемъ только що онъ написалъ „Мудрословіе славянского народа въ проповѣдкахъ,“ гдѣ глубокоумно разобралъ такожъ народныи рускіи поговорки и познакомилъ съ ними ближе своихъ соотечественниковъ. Къ тому составилъ онъ прекрасное поетическое дѣлце подъ заглавіемъ „Отголосъ пѣсень русскихъ“ межъ которыхъ есть нѣсколько удачныхъ подражаній думъ и пѣсень малорусскихъ. Для сохраненія памяти Челяковского препоручило корол. Общество Наукъ въ Празѣ Дру. Ганцшу, абы составилъ его жизнеописаніе, по которой то причинѣ др. Ганцшъ собираетъ всѣ событія, касающіяся жизни безсмертнаго пѣвца.

— Въ концѣ года 1851 имѣла Чешская Матица 3,690 членовъ и 107 громадъ, или обществъ. Для того всякое сочиненіе надобно было печатати тогда въ 5 000 экземплярахъ. Въ томъ же 1851 году прибыло до Матичной кассы 16,774 рс. 55. кр. ср.

— Въ началѣ минувшаго года выходило въ Австріи 50 славянскихъ часописей, однакожъ въ теченіи года перестали нѣкоторыи изъ нихъ существовати такъ що при концѣ 1852. года было ихъ только 43 Съ новымъ 1853 годомъ выходитъ въ Австріи — вчисляя къ тому и нашу не много опозненую Зору 38 славянскихъ часописей. —

— Въ Франціи выходитъ современно — не вчисляя къ тому Парижъ — 300 политическихъ часописей. Съ тѣхъ похѣстило 250 занимательную повѣсть Американки Генриетъ Стове подъ заглавіемъ „Хижна стріяа Ооми.“ Бсть то новая повѣсть, которая удостоилась всеобщихъ похвалъ и дѣлать нынѣ почти такое же впечатлѣніе, якъ некогда „Вѣчный жидъ“ Евгения Сн. Со временемъ погово-
римъ и мы о ней больше

— Весною с. г. начнеть печататися въ Стрѣлянцахъ въ Мекленбургскомъ клѣжествѣ, пространное сочиненіе І. Коляра подъ заглавіемъ „О ретранскихъ

старожитностей" Оно написано въ немецкомъ языкѣ и будетъ обнимати изображенія всѣхъ въ Ретрѣ изобрѣтенныхъ божествъ славянскихъ. Дѣло тогоже сочинителя „Старо Италія славянская" печатается одновременно коштомъ ц. к. Академіи Наукъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЕЛЬНЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

Якъ розсылати овощи въ дальшую дорогу?
Два головныя условія, которыхъ при посылкѣ овощей въ дальшую дорогу наблюдать нужно, суть, абы къ обложенію ихъ не употреблялись мокры вещества и потомъ такім, которымъ вредити бы могла природной вони овощей. Найлучшее къ тому средство есть *дробленкій, чистый, сушій пѣсокъ*, которымъ овощи обсыпыватись повинны въ такой способъ: на двѣ бочки, определенной для ихъ посылки, насыплется верства чистого пѣску, потомъ верства овощей, которыя засыпнутся пѣскомъ такъ, абы не было между овощами порожнихъ мѣстцъ; потомъ слѣдуетъ новая верства овощей и снова верства пѣску и т. д. ажъ пока не наполнится бочка: послѣднюю верству въ горѣ занимаетъ также пѣсокъ, бочку же потреба добре покрыти вѣкомъ. Такъ посылаются овощи съ южныхъ сторонъ Россіи до Петрограда, куда и въ тамошней зимѣ приходятъ они такъ свѣжи и красны, якъ бы не давно сняты съ дерева. Въ недостатку добраго пѣску можна употребити *сычу* съ *пшеничном* соломы, добре высушеную, которая и наименьше мокроты втагаетъ въ себе изъ воздуха и не отбираетъ овощамъ пріятной вони: Къ тойже цѣли *можно* уживати не совѣтуемъ, для того, же прородною своєю мокрою вредитъ овощамъ и надаетъ имъ вони сильнѣйшю. Когдаже овощи посылаются въ паперѣ, да изберется къ тому паперѣ чистый, незаписанный или непечатанный, понеже чернило потомъ растаиваетъ и вредитъ овощамъ.

— *Золото въ Австраліи и Калифорніи.* О пріобрѣтеніи золота въ тѣхъ двохъ краяхъ сообщаютъ почти всѣ часописы дуже занимательными извѣстія. Количество добываемаго золота помнажается, особливо въ Австраліи съ дня на день чрезвычайно. Съ Австраліи пишутъ, що если оно и дальше будетъ такъ само помнажаться, то *ежедневно* прибавитъ до 20 миліоновъ золота. Наибольшую корысть нѣтъ при той способности Англіи. Якімъ же будутъ изъ того слѣдствіа? — Англичане радуются, о отъ части такожъ боятся. Первое слѣдствіе есть

що цѣна золота упадетъ, и то уже частію наступило; бо дукаты не стоятъ уже нынѣ такъ высоко якъ стояли въ теченіи послѣднихъ лѣтъ. Другое слѣдствіе будетъ, що Англія возростетъ, хоть бы на нѣкое время, и укрѣпитъ свои силы. Притѣрь сего нѣтъ на средновеѣчной Испаніи. Передъ тремя, четырма ста лѣтъ, когда изобрѣтено Америку и когда Испанцы съ оттаи множество золота и серебра получали, возмоглась Испанія въ короткомъ времени такъ, що стала тогда *наисильнѣйшою державою въ Европѣ*. Но сіе великое богатство принесло потомъ Испаніи вредъ и упадокъ. Въ слѣдствіе своего богатства Испанцы злѣнивліи; все стремилось лишь до Америки и каждый хотѣлъ легкимъ способомъ, безъ труда сбогатиться. Тѣмъ дѣломъ уменьшался народъ, упалъ и упадетъ даже до нынѣ. О Испанцахъ мало нынѣ чутъ. Ихъ можно бы нынѣ сровнати съ тѣмъ паничѣмъ, который рости чилъ имѣнье родичей и оставилъ себѣ только хорошее платье, абы могъ въ чемъ свѣту показатись; но свѣтъ уже на него не уважаетъ. До сихъ поръ находится въ Испаніи много областей, въ которыхъ на нѣсколько миль не встрѣтишь ни кусень заораннаго поля. А однакожь были тѣ области передъ 5 сотъ лѣтъ богато заселены, и хорошо обдѣланны. Такимъ то бывають слѣдствія, если народъ скоро, легкимъ способомъ сбогатѣетъ! *Легко прійшло, легко розойдется* Такому богатству нѣтъ благословенія изъ Выше. Въ прочемъ, якъ послужитъ Англичанамъ новое сіе пріобрѣтеніе богатства, о томъ еще не знаемъ, кажется однакожь, що лучше Англичане то народъ трудолюбивый, который не такъ скоро злѣниветъ. Наконецъ австральское золото подастъ великую выгоду англійскимъ виробникамъ. Когда бо много изъ нихъ достаются на корабляхъ до Австраліи, уменьшается число рабочихъ рукъ въ Англіи, и въ слѣдствіе того принуждены промышленники и фабриканты лучше платити оставшимся въ краю виробникамъ, абы и тѣмъ не порозбѣгались отъ нихъ за золотыми горами."

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія Церковная новаго завета написана Андрей Балубанскій въ лицѣ Унгоградскаго Исторіи и права церковнаго учитель, и кафедральнаго церкви Мукачевскаго каноникъ Изданіе третьяго исправленнаго и умноженнаго. Въ Вѣнѣ 1852. Издательство Ивана Ф. Головацкаго. Типомъ П. И. Оо. Мехитаристовъ. Продаются по лавочной цѣнѣ 4 ренскихъ м. к.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ
почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к.
м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ТАЙНА

Я не вздыхаю, и не плачу,
А только сѣжусь иногда;
Уста жь мои, лице и очи
Не скажутъ тайны никогда.

Она и страшны всѣ мученья
На днѣ души моей лежатъ;
Хоть излѣчиться хочеть сердце,
Но все уста мои молчатъ.

Спроси дитину въ колыбели,
Спроси гробовъ, спроси могилъ:
Такъ, чей они тебѣ розскажутъ,
Что все предъ тобою я крыль.

ПОЕТЬ

На Руси пѣвчихъ осемь сотъ,
(А можетъ даже больше ихъ),
Которы поютъ изъ мотъ:
Я самъ зналъ шестидесять такихъ.
Но я такого зналъ пѣвца,
Кой безъ начала, безъ конца,
И безъ разборовъ, безъ расчетовъ
Прекрасно пѣлъ съ чужихъ постовъ,
Или изъ стороннихъ газетъ.
Всѣ говорили: „то Поеть!“

КЪ ГОРОЖАНЦЪ.

Люблю твои прекрасныя взоры,
Твои насѣшки и укоры,
И сердечко твое люблю,
И польску бесѣду твою.

Да, ты совсѣмъ така дѣвица,
Якой мнѣ Русь, ни заграница
Не дастъ: во мнѣ — жь нашла и ты
Предметъ своей любви, мечты.

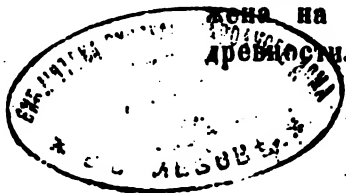
Ты мною самодержко правилишь:
И иногда полюбишь таймо,
И утѣшишь, и забавишь —
Погоди измѣнишь, — икъ звычайно!

Богданъ А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦЪ.

(Продолженіе.)

Якъ цвѣты вянутъ люди, и оставляють
только по собѣ дѣла, котры вѣчно живутъ, и
благодарность потомности собирають. И нашъ
Константинь, изнуренный многими трудами
предчувствовалъ свою кончину и облекся въ
иноческіи ризы и принялъ въ Римѣ имя Ки-
рилла. Не долго по тому, минуло пятьде-
сять дней онъ скончался въ сорокъ и двоихъ
лѣтахъ своего житія 14 Февраля 869. го-
да. Еще и теперь находится въ Римѣ цер-
ковь св. Климента хранящая его мощи пре-
несенны Кирилломъ. Таа церковь располо-
жена на три части, и все говоритъ о ея
древности. Ту покоются и нетлѣнны остан-

ки Первоучителя нашего письма, св. Кирилла, которому мы обязаны разумнымъ Словомъ Варь. — якобы задогомъ що колись весь племена соединятся въ одное стадо подъ правленіемъ правдивого наслѣдника святого первоверховнаго Апостола Петра, о чемъ неперастаетъ ежедневно наша святая гр. к. церковь молитися. Передъ своею смертію напоминалъ святой Кириллъ своего брата, абы неоставлялъ дѣла начатого у Словенъ: „Мы съ тобою,” говорилъ онъ, „якъ чета воловъ взрывали одну борозду. Я кончилъ свой дѣль и надаю на ляхъ (грядцъ). А ты любишь гору, не покидай ради своего Олимпа, нашего ученія, который спасенся.” Методій исполнялъ завѣщаніе брата.

Труды Славянскихъ Апостоловъ розошлись борзо по Славянскихъ краяхъ Конецъ. Князь части Моравіи лежащій за Дунаемъ посылаетъ пословъ къ Папѣ съ просьбою отступити Методія. Адріанъ отвѣчалъ: „Не тобѣ одному но и всѣмъ тымъ Словенскимъ сторонамъ посылаю учителя отъ Бога и отъ святого Апостола Петра” Въ своемъ письмѣ къ Моравскимъ Князьямъ, Адріанъ прибавилъ щобы святое Евангеліе читалось впередъ по Латини а потомъ по Славянски.

Методій повернулся въ Моравію въ самыя бурныя времена войнъ меже Ростиславомъ и Святополкомъ (869 — 870). Въ мирной землѣ онъ продолжалъ дѣйствовать, вводилъ Словенскую литургію. Коли кончилась Моравская война, Методій въ 873 году крестилъ Чешскаго Князя Буривоа. Словенская литургія любезная народу, быстро розширялася въ сосѣднихъ сторонахъ въ Хорватіи, Сербіи, Чехахъ, Польшѣ и дальше.

Было время, коли все наши соплеменники, разомъ съ нами въ Варѣ составляли одно и колись тымъ самымъ языкомъ; ко-

трымъ мы теперь молихся. Только недавно ученые розгадали тую духовную связь, соединявшую въ началѣ весь племена Словенскій. Но предки наши хранили о томъ всегдашнюю память. Въ одной русской рукописи 1494 года читаемъ: „Еще посланъ бысть Константины въ Мораву Михаиломъ Царемъ Моравскому князю, просившу философа, и тамо шедъ научи Мораву и Ляхи и Чехи и прочая языки и въру православную утверди въ нихъ, и книги написа имъ Рускымъ гласомъ и добре научивъ.” —

Последныя годы жизни Методія были все омрачены. Его оклеветано предъ Римскимъ престоломъ, куда Іоанномъ VIII, наслѣдникомъ Адріана, возванъ былъ къ отвѣту. Методій явился къ Іоанну, оправдался передъ наслѣдникомъ св. Петра и снова списалъ отъ него позволеніе служити обѣдню въ языцъ народномъ.

Въ 800 году пишетъ тотъ самъ Папа Римскій Іоаннъ къ Святополку такъ: „Словенскій письмена” говоритъ онъ: „изобрѣтенныи нѣкиимъ Философомъ Константиномъ мы похваляемъ — Священное писаніе велитъ не трога языками, но всема славити Господа; хвалите Господа всея языцы. Апостолы исполнясь Святого Духа, глаголали всеми языками величіе Божіе. Небесная труба Павелъ гремитъ въшая: всякъ языкъ да не повѣсть, яко Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца, — и въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ ясно увѣщаваетъ насъ, да, глаголя языками, созиждемъ Церковь Божію Нищо не препятствуетъ здоровой върѣ и ученію спѣвати литургію въ Словенскомъ языцѣ, или читати святое Евангеліе или Божественныи поученія Нового и Ветхого Завета, хорошо переведенными и истолкованныи, или все другіи церковныи книги: ибо кто создалъ три головными языки: Еврейскій, Греческій и Латинскій, тотъ же сотворилъ и все прочіи во

славу и хвалу Свою. — Однакоже повелеваемъ, що бы во всѣхъ церквѣхъ земли вашей, ради болѣе важности, Евангеліе читали въ Латинскомъ, а послѣ для нерозумѣющихъ переводили на Словенскій языкъ.”

Въ году 886, по иному въ Римѣ, куда былъ призванъ, но вѣроятнѣе въ Велеградѣ, скончался онъ, за три дни предсказавъ свою кончину и назначивши себя наместникомъ ученика своего Горазда. Такъ довершилъ онъ великое дѣло, начатое разомъ съ братомъ: — но не для того народа, среди котораго дѣйствовалъ.

Межъ прочими Словенами въ Болгаріи и Сербіи процвѣтало Словенское Богослуженіе трудами новыхъ подвижниковъ. Климентъ Епископъ Болгарскій, Григорій Иеромонахъ, и самъ Князь Симеонъ, сынъ крестившагося Бориса, переводили святыхъ Отцевъ: высокіи творенія Іоанна Златоуста, Афанасія Александрійскаго, Іоанна Дамаскина, становились доступны для народа въ языкѣ словенскомъ. То продолжалось въ теченіи многихъ столѣтій; но въ послѣдствіи, у Болгаръ и у Сербовъ, распри ихъ съ Греками и вторженіе Турковъ, были причиною того, що книжны богатства не уцѣлѣли. Сохранити было предоставлено намъ, — и мы принимавшіи ихъ постоянно отъ нашихъ соплеменниковъ въ теченіи всей древней жизни, благодарно и вѣрно заховали, какъ для насъ самыхъ, такъ и для нихъ, той словесный памятникъ.

Вся извѣстія о введеніи Христіанства въ Русь можно принять за извѣстія, о расширеніи у насъ Словенскаго письма, потому, що Вѣра Христова не иначе дѣйствовала, какъ словомъ устнымъ и, письменнымъ, и повсюду къ пародамъ необразованнымъ вносила съ собою письмо. Самъ отъ себе является вопросъ, какое было первоначальное нарѣчіе наиболѣе участвовавшее въ перево-

дъ священныхъ книгъ? Несторъ говоритъ, що одно и тоже письмо у Русъ и у Болгаръ Дунайскихъ. Шлецеръ съ якимъ то предчувствіемъ обернулъ вниманіе на тѣ слова Нестора *). Добровскій назвалъ самое нарѣчіе Болгаро-Сербо-Македонскимъ, отдавши такимъ образомъ преимущество участія въ его образованіи Болгарскимъ Словенамъ. Новыи изслѣдованія Шафарика окончательно утвердили то же мнѣніе и оправдали слова летописца. Шафарикъ родною Церковного языка полагаетъ Словенію, которая занимала собою сѣверную часть Македоніи и прежнюю Мизію, а въ послѣдствіи Болгаріи. Имя Болгаръ, народа — побѣдителя вытѣснило названіе Словеніи точно такъ какъ у насъ имя Русовъ пришельцевъ замѣнило Словенскіи именования племенъ. То древнее нарѣчіе должно быть совершенно отличено отъ средняго и новаго Болгарскаго.

Треба такожъ на то памятовати, що многіи Словенскіи нарѣчія черезъ различныхъ ученыхъ, объявляли право на первое участіе въ языкѣ церковномъ. Вся мнѣнія были ошибочными, но такожъ имѣли свое основаніе. Треба допустить, що Словено — церковное нарѣчіе первоначально образовавшееся грамматически у Словенъ Болгарскихъ, по мѣрѣ того какъ проникало къ другимъ племенамъ, подвергалось вліянію ихъ нарѣчій и собирало въ себе отдѣльныя черты ихъ. Такъ было во времена самыя первоначальныя, коли было единство Вѣры и слова. Въ томъ смыслѣ не совсѣмъ несправедливо думали тѣ, которые почитали языкъ церковно Словенскій первоначальнымъ общимъ язы-

*) Слова Шлецера: „Болгарія, которую Несторъ именемъ означаетъ, теперь дуже мало намъ извѣстна; мы знаемъ навѣтъ Словено Болгарскаго нарѣчія. Можно надѣяться, що въ тамошнихъ монастыряхъ суть еще рукописи писанныя древнимъ Кирилловскимъ письмомъ.“

комъ, простораючи тоє мнѣніе ажъ до того, що видѣли въ немъ источникъ всѣхъ нарѣчій Словенского языка, попадающіеся въ прочихъ нарѣчіяхъ только отдѣльно, по частямъ, словно обложки послѣ бури и наводненія, въ церковномъ все находятся разомъ и въ цѣлости. Такимъ образомъ представляетъ намъ Словено — Церковный языкъ избранный цвѣтъ всѣхъ Словенскихъ нарѣчій, изъ которыхъ каждое, во времена первоначальныя, внесло въ него хотя одну черту свою.

Про тоє желательныя есть сровнительну Грамматику и такіи Словари Словенскихъ нарѣчій составити. Исследования нача-

лись у декотрыхъ Словенъ. Но у племенъ Словенскихъ движеніе въ науцѣ неможесть остатися отвлеченнымъ. Оно находитъ прекрасныя отголоски и въ жизни.

Словакъ среди Мадяровъ, спѣваетъ теперь грустно — торжественную пѣсню соединяючи съ нею воспоминанія о святомъ первоучителю Слова Божого Методію. По пѣнямъ таа пѣснь древная; по другимъ сочиненіямъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, коли возобновлена была наукою память великою минувшости. Она роздається и у Моравовъ, и у Чеховъ и у другихъ народовъ Словенскихъ. Отъ слѣдуетъ:

Нитра мила, Нитра, ты висока Нитра!
Кдѣже су те часы, въ которыхъ си ты квітла?
Нитра мила, Нитра ты Словенска мати!
Що позремъ на тебе, мусимъ заплакати.
Ты си была вѣжды пилицкии краиъ главы,
Въ которыхъ тече Дунай, Висла и Морава;
Ты си была сидло краля Сватошлука,
Кдѣ ту пановала его моцна рука:
Ты си была свате мѣсто Методово,
Кдѣ ту нашімъ отцомъ казавъ Божье слово.
Вчилекъ твоя слава въ тони скрыта лежи:
Такъ са часи мени, такъ тебѣ то свѣтъ бежи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самими написанна.

(Продолженіе)

Послѣ того заѣхали мы до поблизкон корчмы, где отпочивши и съѣвши скромный обѣдъ попращалися честненько съ г. Раевичемъ, который обѣщавшися посѣтити насъ за недолгое время, отъ тонже корчмы въ лѣну пустился дорогу. Потомъ выѣхали и мы; въ третьей брычцѣ ѣхалъ теперь я съ женою и наименьшимъ сыномъ. На дорожъ открыла мени жена, що Панъ Раевичъ дуже

ей понравился, и що, кобы былъ богатшій и достойного роду, она найсердечнѣйше желала бы наречи его своимъ зятємъ. Слышати ю тако говорящую не могъ я сдержатись отъ смѣха; а таки признаюсь, никогда не былъ я непріателемъ таковыхъ безвредныхъ обольщеній, которы не мало причиняются до нашего счастья.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новое наше жилище стояло на концѣ села не далеко приходской церкви, которая построена на значительной возвышенности, придавала всей околлицѣ нѣкую то печать благовѣнія. Село Соломянка пороз-

кидано то по горбкамъ близкихъ горъ; то по окрестной долинь, озвненное къ тому многими огородовыми деревьями, нмло видъ дуже пріятный и првлекательный.

Увѣдомленны о моемъ прїѣздѣ прихожане собрались численно у каменного креста, стоящего на краю села при дорожѣ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы на прлвѣть подати хлѣбъ-солъ новому приходнику. Одинъ поважный старикъ изъ числа собравшихъ, промовилъ при томъ случаѣ къ намъ нѣсколько похдорovitелныхъ словъ въ мномъ горскомъ нарѣчію; я же отрекъ на то короткою бесѣдою, приводя нѣкоторые соотвѣтныя мѣста изъ священнаго писанія. Потомъ вѣхали мы медленно, сопровождаемъ сельскимъ народомъ въ приходское загородье, где мы при помочи добрыхъ людей заполняли нашими вещами порожнее жилище.

Въ нѣсколько дней присмотрѣлся я ближе всему приходскому обыстью и всей окрестности; прехорошій видъ показался мнѣ особливо съ горы, на которой стояла церковь; съ одной стороны разстелилось смиренное село; съ другой представлялась великая долина, проразана шумящимъ ручьемъ, произтекающимъ изъ окрестныхъ Карпатскихъ горъ. Въ той долинь находились мои поля и сѣнжати, которые весь могъ я изъ той горы обняти однимъ взоръніемъ. Познакомившись съ мѣстоположеніемъ Соломянки, старался я потомъ познати и ея жителей.

Хижины того села, хотя весьма непоказны съ верху, но за то опрятны во внутрь; они мѣстили въ себѣ народъ богобоязливый, благонравный, довольный собою и малымъ своимъ господарствомъ; отдаленъ отъ большихъ городовъ, и не имѣя нужды посѣщать ихъ часто, переховалъ онъ въ чистотѣ добрыя природныя свойства души, откровенное, доврчивое, ко всякъ пріятное

сердце и языкъ свой найже въ большой неповредности, чѣмъ Подолане. Наймилшмъ его утѣшеніемъ здавалась быти невпана, бознскусственная пѣсня или заунывная пригравка на сопльцѣ.

Якъ мнѣ было менѣ тутъ уже въ первыхъ дняхъ послѣ моего прїѣзда, когда для лучшаго познанія хлѣбородной земли прохоживаясь по полонинамъ или по долинь, слышалъ я съ различныхъ сторонъ тужливый отгласы родныхъ нашихъ пѣсней! Тогда садалъ я себѣ подъ конарыстымъ дубомъ или сумною березою и вслушиваясь въ солюдкіи звуки мимовольно вспоминалъ слова одного нѣмецкаго пѣвца:

Wo man singt, da setz' dich nieder;

Boese Menschen haben keine Lieder!

который то стихокъ мой сынъ Романко переселъ въ послѣдніи вакаціи въ Романовцѣ слѣдующимъ образомъ:

Где поють, тамъ можешь отпочати;

Злыи люде не знаютъ спѣвати!

Такъ забавлялся я въ первыхъ дняхъ моего пребыванія въ Соломянцѣ. Межи тѣмъ родина моя занималась исправленіемъ и пристроеніемъ нашей хаты. Дѣвчата украшали внутренни стѣны хорошими образами, которыхъ было у мене, яко великаго ихъ любовника, цѣлая скрыня. Жена пряталась въ пекарни, а хлопчики ставляли собѣ хатку въ садѣ.

Когда сталъ у насъ якій такіи порядокъ въ хатѣ, старался я вовести давній ладъ въ ежедневныхъ нашихъ занятіяхъ. Вставши со восходомъ солнца съ постели, собирались мы въ первой большой комнатѣ на утреннюю молитву, по свершеніи которой ишелъ я вразѣ съ племянникомъ нашимъ Федоромъ, сопѣвчимъ церковнаго крилоса и сотрудиномъ домашнаго нашего господарства, до церкви, где ожидали насъ уже обыкновенно дѣкъ и панамаръ приход-

скій. По оконченіи Службы Божіей, которой присутствовало довольно побожного народа даже въ будни, возвращались мы домой съядати. Для съяданья опредѣлялъ я четверть, для объѣда полъ години; въ то время забавлялись мы самымъ веселымъ разговоромъ: думалъ бо я всегда, що человекъ, наслаждаясь тѣмъ насущнымъ даромъ Божіимъ долженъ быти и самъ веселый и веселити другихъ; и що къ тому объѣдъ, споживанный со скукою или печалью, бываетъ не вкусенъ и даже, по мнѣнію лѣкарей, вреденъ здоровію.

Со восходомъ солнца начинали, съ его заходомъ кончили мы дневныя наши занятія. Вечеромъ съѣдали мы вокругъ стола и дѣвчата попеременно читали намъ будь духовныя, будь свѣтскія сочиненія древней и новѣйшей словесности русской. Иногда зазвѣжалъ до насъ вечеркомъ въ гостиную приходникъ съ Верховники, или кузъ его, лѣсничій Пана Долинского, и подчивались останками славного Романовского меду. Тѣ оба сосѣди забавляли насъ своимъ веселымъ разговоромъ, или яко сыны романтическихъ верховцевъ, прехорошимъ пѣніемъ въ двоемъ при содѣйствіи которой съ дѣвчатами, играющей на фортепьянъ. Послѣ вечера совершали мы вечернюю молитву; хлопчонки мои обязаны были при томъ читати нѣчто изъ русскаго молитвослова, и который изъ нихъ отличался добрымъ выразительнымъ чтеніемъ, получалъ еженедѣльно отъ мене и матери нагороду.

Такъ шло все по моимъ распорядкамъ, и только въ Божію Недѣлю, когда я почти цѣлый день занятый былъ въ церкви, присвоила собѣ родина моя полное право распорядкати собою свободно. Всякому извѣстно, що женщина, хотъ бы яка поважна и просвѣщенная, всегда таки имѣетъ большую якъ мы наклонность къ мірской суетѣ,

къ блескоткамъ; всегда больше преданна желанію, приподобатися свѣту. Отъ того порока не были свободны ни мои дѣвчата, ни даже (про що скрывать правду) — моя жена. Не разъ думалъ я, що проповѣди мои противъ гордости и выставному житію навѣрнуть ихъ наконецъ къ смиренномудрію; но такъ все замѣчалъ, що сердца ихъ любовались въ прикраскахъ давнѣйшихъ временъ, въ перстеньяхъ, вѣсяжочкахъ и иныхъ ничтожныхъ блескоткахъ, оставшихся со дней минувшаго нашего благосостоянія. Такъ и жена моя убиралась иногда въ праздничныя дни въ розовую сукню, для того понеже когда то — за давнихъ лѣтъ — сказалъ я былъ ей, що она лежитъ на ней дуже хорошо.

Уже первой Недѣли возмущился духъ мой надъ ихъ легкомысленнымъ поступованьемъ. Въ субботу вечеръ просилъ я ихъ, дабы завтра раненько одѣлись въ скромныя платья, и въ свое время пошли на службу Божію до церкви. Случалось бо не разъ еще въ Романовцѣ, що пришедши въ слѣдствіе своего продолжительнаго страсія поздно до церкви, мѣшали порядокъ и молитву прихожанъ а еще больше любопытливыхъ прихожанокъ. Сей же Недѣли совершивши утреннюю въ церковь и не могли потомъ ихъ дождатися, пошелъ я до нихъ самъ, дабы обвѣстити, що вскорѣ стану на Службу Божію. Но що узрѣлъ я тамъ! жена и дѣвчата въ самой пестротѣ, въ самыхъ суетныхъ блескоткахъ, въ сукняхъ широко фалдистыхъ и такъ опущенныхъ, що съ шумомъ сметали порошокъ въ хатѣ. Я не могъ превозмогти себе, чтобы во внутрь сердца не засмѣяться надъ ихъ легкомысліемъ, особливо же надъ моею женою, у которой надѣялся найти больше здороваго розума. Желая укорити ихъ за тое доткнѣно, велѣлъ я моимъ паробкамъ приладити старинный по-

возъ, убрати коней хорошо въ шоры и сейчасъ везти Еймость съ панянками до церкви. Дѣвчата засмѣялись съ такого повелѣнія; но я повторилъ оно паробкамъ еще разъ, и то съ видомъ всен поваги, яку лишь во ту пору прибрати на себе возмогъ.

„Навѣрно ты жартуешь Игнатій,” сказала ко мнѣ жена, „не далека дорога, такъ не тяжело и пѣшки зайти; по що намъ ажъ повоза?”

— „Не жартую моя мила; до такого убранства потребно вамъ конечно поюза; инакше будутъ дѣти за вами бѣгати и смѣяться съ долгихъ вашихъ сарафановъ.” —

„Воистину,” отрекла жена. „я думала, що мой Игнатій всегда радъ дѣти свои видѣти хорошо и опрятно убранны...”

— „Но, убирайтесь,” сказалъ я. „хорошо и опрятно. убирайтесь. якъ лишь возможете. а я васъ только любить буду еще больше; — но се не опрятность, а самы пустыи вымыслы. Тѣ пестрыи всяжки, тѣ ничтожныи блескотки, тѣ преширокии сарафаны подадутъ лишь причину къ несправедливости вашихъ сосѣдкамъ. Такіи суетныи уборы оставите городскимъ панямъ. гонящимъ за новыми медами; намъ же, неимѣющимъ теперь ниже столько средствъ, чтобы пристойно и по вашей волѣ одѣться, они вовсе не приличны. Незнаю, уходятъ ли они даже богачамъ въ нашихъ уединенныхъ сторонахъ, а не то намъ, которы хотѣли бы неблагорозумно покрывать бѣдность свою плащемъ суеты и тщеславія!”

То представленіе подѣйствовало успѣшно; въ минуту удалились они во свѣтлицу, чтобы перебраться, и на другій день радовался я не мало видѣчи, що дочери мои передѣлываютъ, по совѣту матери, сарафаны свои въ маленькіи платья для братчиковъ, и що мене наибольше радовало: тѣ платья

казались въ слѣдствіе сей передѣлки далеко красивѣе и пріятнѣе моему взору.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

За нашихъ огородами на краю возвышенности посадилъ мой предшественникъ четыре березы, которыи разрослись уже широко. и въ тѣни ихъ построилъ дерновыи скамейки и столъ деревянный. Тутъ звыкли мы въ погодныи вечера сидѣти и наслаждаться красотою западающаго солнца и просторной околнцы. Иногда зли мы тутъ и вечеру и забавлялись яко бы въ нашей комнатѣ. Дѣвчата пѣли при созвучіи гитары, на которой довольно знала играти Наталія народныи, именно нѣкоторые украинскіи пѣсни. що научилась отъ покойной тетки Ростиславы. пребывавшей нѣсколько времени на Украинѣ и подарившей насъ богатыхъ собраніемъ пѣсеней и повѣстей малорусскихъ. Тогда восхищаясь вторилъ я ихъ пѣнію, или отступивши на нѣкое отдаленіе съ радостію прислухивался отгласу солодкихъ напѣвовъ. Вообще былъ я яко Русинъ самъ ревнѣйшій любитель гудьбы и пѣнія. и хотя по неимуществу средствъ ни способности въ юныхъ лѣтахъ не изучился самъ вкусно изъ ногъ играти, то за то не щадилъ средствъ для моихъ дѣтей, особливо дѣвчатъ, для которыхъ, по моему мнѣнію, почти необходимы суть гудьба и пѣніе; тѣмъ бо не только облагородняется нравъ ихъ, но и нѣжнѣйшимъ становится дѣвственное сердце.

И такъ дознали мы, що во всякомъ случаѣ человеческой жизни можно найти свои занятія и свои увеселенія. каждого утра пробужались мы къ новой полезной работѣ; а каждый вечеръ вознаграждалъ насъ сладостію ничемъ невозмущеннаго отпочинка. Такъ прожили мы въ Соломянцѣ весну и первыи мѣсяцы погоднаго лѣта 1847: Мы не на-

дѣлалъ тогда еще, що и насъ ожидаютъ волненія жизни.

Было то середѣ лѣта въ день праздничный, коли пошли мы однажды въ прекрасное усторонье подъ лѣсомъ, где мои дѣвчата, взявши съ собою гитару, стали пѣти на свой ладъ различными пѣснями. Такъ забавляясь узнѣли мы недалеко насъ бѣгущую серну, по еяже великой полохости догадаться было можно, що знати убѣгала отъ преслѣдующихъ ю стрѣльцевъ. И такъ было вонстину; въ минуту выскочили изъ гущей лѣса гончіи псы и конныи стрѣльцы, и погнали шо силъ за серною. Сейчасъ хотѣлъ я ити домовъ и велѣлъ моимъ послѣдовать за собою; но будь любопытство, будь нечаянное впечатлѣніе, будь якій нибудь поводъ сдержали жену мою и дѣвчата на мѣстѣ. Стрѣлецъ вѣхавшій на передѣ, помчался мимо насъ стрѣлою, за нимъ послѣдовали съ такою скоростью четыре или пять нныхъ. Съ задѣ показался молодецъ, оказавшійся якъ прочіи поверхновости, который узрѣвши насъ, вмѣсто шобы нмыль вѣхати за другими, соскочилъ съ коня, и передавши его идущимъ за нимъ слугамъ, сблизился къ намъ съ повагою вилкосвѣтовца. Ему казалось не нужнымъ, познакомлѣти насъ съ своею достойною особою; онъ паче приступилъ съ незначительнымъ уклономъ къ моимъ дочерямъ и сталъ говорить съ такою смѣлостію, яко бы зналъ ихъ уже отъ давнѣхъ давня. Но они отвѣтствовали на таковыи разговоры его взоромъ презрѣнія. Потомъ объявилъ онъ намъ свое имя и свое достоинство; былъ то Панъ Долинскій властелинъ четырехъ селъ и одного мѣстечка. Узрѣвши въ рукахъ Наталіи гитару, сталъ онъ просити ю умильно, шобы заиграла ему и воспыла нзку хотьбы и рускую пѣсню. Не нмѣя охоты заходить съ нимъ въ близшее, къ тому неотвѣтное знакомство, далъ я дочерямъ моимъ

знакъ, дабы не угодили его просьбѣ; но понука матери, противная моему желанію, подѣйствовала во пользу Пана Долинского, который по объявленіи имени своего и достоинства удостоился у женщинъ большого уваженія; такъ и стали спѣвати они одну изъ улюбленныхъ думокъ Омика Падурѣ и видно было по нимъ, шо пѣли съ великою охотою. Панъ Долинскій плескалъ въ долони и восторженно хвалилъ пѣніе и выборъ думки; потомъ взялъ въ свои руки гитару, и бряцалъ ни сакъ ни такъ, якъ бы отъ неволи; нмѣя того изъявила ему моя Наталія свою похвалу и увѣряла, шо игра его превосходить всѣ, якіи она доселѣ слышала. За то поклонился онъ низенько, и сталъ съ своей стороны хвалити вкусъ. Я еще больше остроуміе ея. Жена моя оказала при томъ случаѣ найжившую радость почитая такую похвалу любимого дитяти за найвысше счастье.

Шо касается мене, во время всего того произшествія стоялъ я якъ не самовитый, п только полсловомъ отвѣчалъ на похвальные слова Пана Долинского.

Когда смеркалось, попрощался онъ съ нами, и просилъ о соизволеніи посѣтити насъ въ нашей хатѣ, шо, яко нашему властелину, не могли мы ему отказать. Потомъ розойшлися мы во свояси.

Еще того же вечера созвала жена моя тайный совѣтъ, въ которомъ розобратись нмыли всѣ подробности нынѣшняго приключенія и произойти оттуду могущи наслѣдства. По ея мнѣнію, удался намъ нынѣ велики богатый половъ; „досвѣдчила го я.” прибавила она, „шо приключаются въ свѣтъ еще не такіи рѣдкіи странности. Надѣюсь, шо прійдетъ время, коли и мы поставимся на ноги и сровнаемся съ богачами; не понимаю бо, для чего и наши дѣти не могли бѣ достигнути такового счастья, яко

нашли дочери приходника съ Улавицъ, которые повиходили за дядичевъ?”

На тое сказалъ я ей, що и я не понимаю, и кажется такъ не пойму николи, для чего сосѣдъ нашъ съ Улавицъ выигралъ два раза по двѣсти червонцовъ на лотерію, межъ тѣмъ, когда мы уже двѣсти разы проиграла.

„Оже, ты Игнатій,” отекла она, „всегда такой, если стану утѣшатись нѣкою для дѣтей моихъ надеждою: ты сейчасъ отбираешь ю менѣ и оставляешь всѣхъ насъ въ бездѣйствіи.”

„Скажи, Амаленько моя, що думаешь ты о Пану Долинскомъ? Не здавался ли онъ тобѣ человѣкомъ доброго сердца?”

— „Такъ, Мамо. менѣ здавался онъ добрый, къ тому такъ привѣтливый и разумный, що майже не видѣла я разумнѣйшого.” —

„Онъ такъ,” сказала Амалія съ нѣкимъ неудовольствіемъ, „похожий на мужчину; но менѣ такъ не понравился; онъ такъ несносенъ съ своими пресмѣлыми разговорами, за которыми скрываетъ гордость своего сердца.”

Изреченія моихъ дочерей толковалъ я собѣ въ смыслъ совсѣмъ противномъ; узпалъ бо я изъ того, що сколько презирала его Амалія, столько почитала Наталія. Таково то всегда женское еердце!

„Якъ вы ни думаете собѣ о Пану Долинскомъ,” сказалъ я потомъ къ моимъ дочерямъ. „я такъ признаюсь вамъ, що онъ вовсе не припалъ менѣ до сердца. Пріязнь между людьми неровного сословія кончится найчастѣе хлопотами, и мимо всего приличія, якое оказалъ онъ намъ при первой встрѣчѣ, замѣтилъ я однакожъ, що въ душѣ сѣялся надъ вашимъ простодушіемъ. Онъ сѣялся, що поповны такъ легко увѣрили лестными словамъ вельможного Пана, и для того радъ розставлялъ свои сѣти. Отъ, скажу правду, намъ искати дружества съ людь-

ми собѣ ровными. А и то скажу, що подлый у мене тотъ молодець, который искае жени, не старается познати ей особу, но пытается за ей богатствомъ; такъ же нехорошо для дѣвицы. меньше уважати на молодца самого, чѣмъ на его ниянѣ. И такъ, если бы намѣреніе его было доброе, (о чѣмъ я однакожъ ниже думаю,) тогда оказали бы ся мы годными презрѣнія; если же нѣтъ! — ахъ, я дрожу на само воспоминање!... Правда, що касательно моихъ дѣтей не боюсь ничего тому подобного; однакожъ правъ его о которомъ доведася я отъ людей, наполняетъ мене страхомъ!”

Я хотѣлъ еще больше говорить, но рѣчь мою перервалъ дворакъ Пана Долинского, принесшій намъ отъ него съ поздоровленіемъ хорошій кусъ серны; къ тому извѣстилъ онъ намъ, що въ нѣсколько дней загоститъ до насъ Панъ Долинскій. Тое поздоровленіе, а еще больше тотъ даръ, принесенный въ самъ добрый часъ, проговорили такъ сильно въ его пользу, що все мое многорѣчіе не имѣло бы уже ніякой поваги. Для того постановилъ я молчати и удовольнися въ крайней мѣрѣ тѣмъ, що указалъ опасность, которой дабы избѣгти предъоставилъ я собственному ихъ благорозумію. Слава бо, котору безъустанно стережи нужно, и недостойна стражи. (Продолженіе слѣд.)

О СПОСОБѢ ВОЕВАНЬЯ ЧЕРНОГОРЦЕВЪ.

(Заключеніе)

Турки наведенными тогдашною бенатскою республикою, вторгнули подъ трема везирами трема шляками въ Черную гору, а между тѣмъ обсадили Бенатчане границу. Окруженным со всѣхъ сторонъ врагами, Черногорцы зываютъ на помощь Всевышняго Бога, кланутся, що хотять лучше пасти за вѣру

и свободу; чѣмъ поддались невѣрнымъ, и ставятся числомъ 10,000 противъ 100,000 Турковъ. Турки нахлынули на Черногорскую землю, палили мирныя села и убивали слабыхъ женъ и дѣтей; но тамъ, между горами ожидалъ ихъ непобѣдимый противникъ, хоробрый Черногорянинъ. Укрывшись въ ущелія скалъ разилъ онъ побѣдинокими выстрѣлами враговъ. Надармо вызываютъ его Турки на широкое поле; онъ стрѣлялъ съ лоза скалъ своихъ девять недѣль. Но тутъ и пороху не стало; погибель недалека. Однакожъ небо умилилось надъ несчастливимъ народомъ: 4 новембрія дождь цѣлу ночь льялся ливцемъ; въ вражьемъ таборѣ повстало замѣшательство, Черногорцы пользуются нимъ и отбираютъ Туркомъ всѣ за собою пороху. И снова быють турецкихъ кезирировъ, поки тѣмъ наконецъ незная якъ перезимовати съ войскомъ въ горахъ, уходятъ бездорожїями, покрывая ихъ трупами. Въ черногорскихъ яругахъ даже не возможно, абы лучшая военная тактика отнесла побѣду. Турки загнались уже не разъ ажъ къ Цетинской долинѣ, николи однакожъ не пребывали тамъ долго. Въ новѣйшемъ времени захотѣлось и Французамъ Черной Горы, именно тогда, коли за Наполеона I обсадили Дальмацію. Тамошній маршалъ Мармонъ намѣрилъ сперва загорнути Черногору лестїю и уговорами; но Черногорцы отрекли, же почитали бы себѣ за велику честь, кобы самого Наполеона узрѣли въ своихъ горахъ, най однакожъ прїидеть яко гостя а свои планы най оставить дома. Тѣмъ отвѣтомъ розсердился Мармонъ такъ дуже, же поприсягъ собѣ що „Черная Гора“ не имѣтъ на даль называтись черною, но „Червоною.“ И послалъ отрядъ французского войска на Черную Гору. Но Черногорцы розогнали ихъ на четыре вѣтры и Мармонъ изрекся дальшихъ предпрїятїй.

Народная черногорская пѣсня оцѣнаетъ поражение Французовъ въ яругахъ и ущелїяхъ горскихъ.

В С Я Ч И Н А.

— Найдорожшїй фортепянь, и кїй только коли существовалъ, всть тотъ, которого купилъ нынѣшній цѣсарь Франціи Людовикъ Наполеонъ для молодой своей со-пруги за 40,000 франковъ (16,000 р. ср.). Фортепянь сей былъ уже подивлянный на славной Лондинской выставѣ, и що до полноты и прїятности збуковъ не имѣтъ доселѣ собѣ ровного. Красная со-пруга Наполеона цѣсарева Евгенїя играеть на немъ ежедневно.

— На послѣдней выставѣ домашнихъ птицъ въ Лондинѣ купилъ нѣкїй любитель дробью великого когута азїятской породы за 1000 р. ср. Тое когугище можеть теперъ гордо пѣти кукурику!

— Посля найновѣйшихъ статистическихъ датъ припадаеть на каждыхъ 100 душъ въ Австріи 1500 домашнихъ скотовъ, или на каждого жителя 15 штукъ. Наибольше домашнихъ скотовъ, въ размѣрѣ къ числу жителей, имѣтъ Моравїя.

(Отважность ученного. Знаменитый французскїй естествоиспытатель, проходилъ разъ въ сенарскомъ лѣсу и замѣтилъ гадюку, которая, по своей величинѣ, здавалось ему, принадлежала къ роду еще неизвѣстному во Франціи. Онъ взялъ ея рѣшительпо въ руки росчитиваючи убити ея, сломавши еи хребетъ. Но не знати, или оттого, що животное было досытъ сильнымъ, или оттого, що его схватилъ не за то мѣсце за которое слѣдовало бы, оно глубоко укусило противника. Шесть послѣдовательныхъ ранъ въ руку немогли заставить профессора отпустить добычу и гадюка была заду-

шена и осталась въ его власти. Къ счастью съ почтеннымъ ученымъ былъ сынъ его, докторъ медицины. Онъ поспѣшилъ высосати раны и выпечи ихъ лаписомъ. Несмотря на тѣи предосторожности и немедленные пособія, ядъ сдѣлалъ уже свое дѣйствіе. Ученый привезенъ домой, оставался подъ вліяніемъ яда черезъ два дни; но третого, коли опасность минула, началъ свои лекціи о пересмыкающихъ животныхъ.

Живучесть жабы. Г. Дюмериль профессоръ въ Паризу, представилъ былъ разъ въ Академію жабу, найденную будто бы живую внутри камня. По поводу возникшихъ сомнѣній о возможности такого явленія одинъ изъ Академиковъ извѣстилъ, що онъ желаючи повѣрити на опыть достоверность розказовъ о подобномъ фактѣ, посадилъ десять жабъ въ глиняны горшки отъ 15 до 20 сантиметровъ вышиною и закрылъ ихъ слобомъ весьма твердой гипсовой замазки. Замѣтивъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, що нѣкоторые изъ тыхъ сосудовъ издавали запахъ гнили, онъ разбилъ замазку и нашель, що многіи животны были мертвы. (Открывши наконецъ въ одномъ горшку еще живую жабу, онъ оставилъ прочіи горшки нетронутыми и сохранялъ ихъ въ такомъ видѣ больше шести лѣтъ. По прошествію того времени, коли замазка была разбита, въ одномъ сосудѣ оказалась жаба живая и совершенно здоровая. Въ гипсъ наполнявшемъ всю пустоту горшка, былъ совершенно полный отпечатокъ жабы. Едва разбили тую твердую оболочку, животное сдѣлало усиліе щобы выскочити изъ своей тѣсной тюрьмы, но скачокъ не удался потому, що одна нога еще твердо держалася въ замазкѣ, а коли ея высвободили, жаба дѣйствовала всѣми своими членами, якъ - будто ни на мину-ту не лишалася возможности управлять ими.

КОРЕСПОНДЕНЦІЯ ЛІТЕРАТУРНАЯ.

Всѣ узнають въ насъ потребу Словаря; а особливо учащіяся языки немогутъ безъ того обойтись. Первый Словарь терминологично правничій на полѣ нашої Словесности мы повитали радостно. Но онъ служить для употребленія только въ одномъ отношеніи. Слава и честь трудившемуся мужу изданіемъ оногоже! Не меншу заслугу положить каждый кто займется собраніемъ словъ изъ устъ нашего народа для выраженія всѣхъ понятій такъ домашнихъ, якъ и публичныхъ, торговельныхъ и промыслельныхъ и проч. и проч. Я могу вамъ касательно такого Словаря дежо теперь довести. Свидѣвшись недавно съ нашимъ Отцемъ Скоморовскимъ довѣдуюся, що онъ надъ подобнымъ Словарцемъ сидитъ, — словъ собралъ много, декотра часть есть систематическо уложена, но каждымъ часомъ ро-стеть очевидно тоє сочиненіе поволѣ, для того Отецъ Скоморовскій не рѣшился еще уважати свой трудъ яко усовершенный. — О нихъ трудахъ литературныхъ немогу Вамъ ничего сказати, скоро бы на мглыстохъ литературномъ нашомъ горизонтѣ дежо заблѣсло исполняющее якъ найскорше съ извѣстіемъ поспѣшити. —

Тарнополь —

Н.

ІЗВѢСТІЯ ЛІТЕРАТУРНЫЯ

— Въ теченіи лѣтнего полгодія 1853 преподаватися будутъ въ Львовскомъ всеучилищѣ слѣдующіи предметы :

А.) На выдѣль богословского:

1.) Церковная Исторія преподаваемая проф. др. Криницкимъ по 9 часовъ еженедѣльно.

2.) Введеніе къ студіямъ библіи ветхого за-вѣта, препод. проф. др. Кухарскимъ 4 часовъ.

3.) Языкъ еврейскій и египетскій препод. тѣмъ же 5 часовъ.

4.) Языкъ сирійскій, халдейскій и арабскій съ практическими упражненіями тѣмъ же 2 часы.

5.) Введеніе къ студіямъ библіи нового за-вѣта преподаваетъ заступ. учнт. преефектъ студіевъ Чайковскій 4 часовъ.

6.) Языкъ греческій и толкованіе евангелій свя-того Маттея и первого посланія святого Павла къ Коринтянамъ тотъ же 5 часовъ.

7.) Бгзегетическіи преподаванія о посланіи къ Римлянамъ тотъ же 4 часовъ.

8.) Общая педагогика, преподаваемая заступ. учнт. Малиновскимъ 2 часовъ.

9.) Догматика, заст. учит. др. *Пельцомъ* 9 часовъ въ латинскомъ языкѣ.

10.) Догматика, преподаваемая заст. учит. *Цыгановскимъ* 9 часовъ въ рускомъ языкѣ.

11.) Моральное богословіе, преподаваетъ заступ. учит. *Малиновскій* 9 часовъ.

12. Теологія пасторальная, *Васильевскій* 9 часовъ по польски.

13.) Теологія пасторальная, довременный припавий доцентъ *Юзчикинскій* 9 часовъ по руски.

14.) Катихитика 2 часы } преподаваемы кати-

15.) Мееодика 2 часы } хитомъ *Островскимъ*.

16.) Катихитично — педагогическая наука, префектомъ студіевъ *Чайковскимъ* 5 часовъ по руски.

Б.) На правничомъ выдѣль.

а) Общіи предметы науковыи.

17.) Обще право державы, преподаваетъ проф. др. *Гербстъ* 4 часовъ еженедѣльно.

18.) Общев и практическое европейское право народовъ, тотъ же 3 часы.

19.) Поученіе о финансахъ, проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

20.) Политику культуры. тотъ же 1 часть (безплатно).

21.) Европейскую статистику, проф. др. *Гаммеръ* 5 часовъ.

22.) О камеральной формѣ обчисленія имѣній во обще, и объ отношеніи ей къ приходамъ и экономіи Австрійской державы, до того и о правительской контроли и державныхъ кассахъ, проф. *Стаймера* 5 часовъ.

23.) Общую науку о финансахъ, о приходахъ и экономіи державы, яко и о установленныхъ на то властяхъ администраціи и пѣняжного обороту, не менѣе о органахъ контроли тотъ же 4 часовъ.

б) Предметы администраціи.

24.) Законъ церковный преподаетъ др. *Котеръ* 8 часовъ.

25.) Науку законовъ австр. администраціи проф. др. *Паздѣра* 4 часовъ.

26.) Карный законъ о приходахъ, проф. др. *Гаммеръ* 4 часовъ.

27.) Карную процедуру о преступленіяхъ уставовъ доходowychъ, тотъ же 1 часть.

28.) Химическіи опыты изъ области судовой медицины и медицинской полиціи, проф. др. *Гаммеръ* 2 часы.

в.) Предметы юдиціалныи.

29.) Законъ римскій, а именню право родным и облигаціи преподаетъ проф. др. *Котеръ* 4 часовъ.

30.) Уговоры супружества послѣ австр. цивильного кодексу и въ сравненіи съ римскимъ закономъ тотъ же 1 часть (безплатно).

31.) Испыты австрійского карного закона, проф. др. *Гербстъ* 2 часы.

32. Австр общій законъ цивильный, второе отдѣленіе, проф. др. *Фангоръ* 9 часовъ.

33.) Проценуру издаванія и исполненія рѣшеній въ спорныхъ справахъ, проф. др. *Шольцъ*, 5 часовъ.

35.) Старинный законъ польскій, тотъ же 4 часовъ.

35.) Сумаричну процедуру въ спорныхъ справахъ цивильныхъ, тотъ же 1 часть (безплатно).

В. На философическомъ выдѣль.

а) Предметы философично — историческіи.

36.) Нравственнов любуудріе преподаетъ проф. др. *Липинскій* 3 часы.

37. Исторію любуудрія (старини даже до второго вѣка по Христѣ), тотъ же 3 часы.

38.) Вѣдомственнов развитіе начальныхъ наукъ логики, тотъ же 3 часы.

39.) Общую исторію середного вѣка проф. др. *Вахольцъ* 3 часы.

40.) Исторію Австріи за Цѣсаря Фридерика IV и Максимилиана I, тотъ же 3 часы.

Заключеніе слѣдую.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Исторія древняго Галицко — Руского княжества сочиненіе Дениса Зубрицкаго въ двоихъ частехъ, съ приложеніемъ Родословной Картины. Львовъ. Типомъ Ставропигіянскимъ 1852. Продаётся по лавочной цѣнѣ 5 р. м. к. въ книжной лавцѣ Заведенія Ставропигіянскаго. —

Собраніе русскихъ Проповѣдей издаваемыхъ Дро. Андреемъ Андреевичемъ Радолинскимъ [Радолинскимъ] Томъ первый. Буда, въ типографіи Мартина Баю 1852. Замѣчаемъ, что въ Львовскихъ прекумерантовъ не получили еще нѣкото сочиненія. —

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 3.)

Изданіеніи и типою Института Ставропигіянскаго
Отвѣтательный Редакторъ *Іоаннъ Гушалевичъ*.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточко получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ изъяснено было заданіе нашего письма и рсчотъ меже нами и Вч. пренумерантами пригадуемъ, що для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которыхъ еще черезъ мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минувшого года, начинаеся предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсяччисленію. Про тое просимъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше не можемъ розмѣрнати накладъ нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ первого Марта получить нешое письмо, то будетъ заскавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к. додати. При той случайности неможемъ тое замолчати, що первыи родимцы наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изъявили искренне свое удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ поощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлати чимъ разъ полезнѣйшимъ и занимательнѣйшимъ. —

ЕДВАРДЪ.

(Старинная Шкотская баллада.)

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить?

Едвардъ, Едвардъ!

Зачѣмъ твой мечъ весь кровью облить,

И ты смущенъ такъ и сердитъ? — Охъ!

О, я сокола моего убилъ,

Мати, ахъ мати моя!

О, я сокола моего убилъ

Онъ надовсе мнѣ милый былъ — О!

Кровь соколиная не такъ темна,

Едвардъ, Едвардъ!

Кровь соколиная не такъ темна,

Скажи мнѣ правду, чіа ова? — Охъ!

О, я коня убилъ моего

Мати, ахъ мати моя!

О, я коня убилъ моего

Того каштанка вѣрного — О!

Твой конь былъ старый и норовитъ,

Едвардъ, Едвардъ!

Твой конь былъ старый и норовитъ,

Скорбь нна грудь твою томитъ — Охъ!

О, я отца убилъ моего,

Мати, ахъ мати моя!

О, я отца убилъ моего
И скорбь сія лишь отъ того — О!
И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Едвардъ, Едвардъ!
И якъ за грѣхъ покаешься твой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
Оставлю домъ свой и отчину,
Мати, ахъ мати моя!
Оставлю домъ свой и отчину,
Пойду за море — въ чужину — О!
Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ,
Едвардъ, Едвардъ!
Тогда що будетъ съ теремомъ твоимъ
Вельколѣннымъ такимъ — Охъ!
Да онъ розсыплется во прахъ,
Мати, ахъ мати моя!
Да онъ розсыплется во прахъ,
Не жити мнѣ въ его стѣнахъ — О!
Съ дѣтьми — жъ що будетъ и що съ женою,
Едвардъ, Едвардъ!
Съ дѣтьми — жъ що будетъ и що съ женою
Когда розстанутся съ тобою? — Охъ!
Най за жабраньємъ пойдуть онѣ
Мати, ахъ мати моя!
Най за жабраньємъ пойдуть онѣ
Ихъ никогда не зрѣти мнѣ — О!
Що матеря оставишь дорогой,
Едвардъ, Едвардъ!
Що матери оставишь дорогой,
Скажи, скажи мнѣ сыну мой — Охъ!
Проклятье оставлю и ужасъ могилъ,
Тобѣ, о мати моя!
Проклятье оставлю и ужасъ могилъ,
Съ твоей бо вины я отца убилъ — О!
перев. Б. А. Д.

ПОСЛАНИЕ О ПЕРВОМЪ НАШОМЪ ПИСЬ- МЕННОМЪ ЯЗЫЦѢ.

(Продолженіе и заключеніе.)

Якъ велика сила слова живого виднѣтъ
изъ того, що Кирилломъ и Меѳодіємъ оно
засяно межъ Славянскими племенами че-
резъ многіи дѣйствуетъ столѣтія, и вліяетъ
снова на тѣхъ народы, у которыхъ оно за-
чалось и такъ долго оставалось безжизнен-

но.*) Но нигде оно такъ постоянно не дѣй-
ствовало, такъ не срослось съ жизнью всею
народа якъ у насъ. Исторія церковного язы-
ка нерозривно связанна съ Исторією языка
русского. Черезъ первый мы приняли въ
себе многіи сокровища древнихъ нарѣчій
нашъ соплеменныхъ. Словено церковный языкъ
былъ всегда и можетъ быть еще живымъ
посередникомъ въ общенію словесномъ. Сло-
венскій языкъ въ насъ покорялся также и
вліянію устной народной рѣчи. Правописа-
нне давнѣйшее и теперѣшнее до сихъ поръ
носитъ въ основахъ своихъ слѣды письма
Словено — церковного

Такъ встречаемъ особенное явленіе въ
развитію русского слова, которымъ мы со-
вершенно отличаемся отъ западныхъ наро-
довъ. Мы съ изытіємъ формъ не можемъ
потягнута границу межъ чистымъ нашимъ
и словенскимъ языкомъ, бо второй множе-
ство и множество изъ нашего народного при-
нималъ — Языки Романскіи тамъ состави-
лись изъ двухъ стихій, враждебныхъ другъ
другу: языка завоеванного и языка заво-
евателя. Первый даетъ словарь, второй на-
сильно налагаетъ Грамматику. Все литера-
турное развитіе языковъ народныхъ пред-
ставляетъ борьбу съ языкомъ Латинскимъ, —
и постепенное освобожденіе отъ него ска-
зывается въ важнѣйшихъ произведеніяхъ сло-
весности. Языкъ Италіанскій развивается въ

*) Ту пригадусь замѣчательными слова Евангеліе:
„Дай Боже, чтобы Словено — церковное нарѣчіе
якъ первый или по крайней мѣрѣ древнѣйшій
нашъ извѣстный источникъ Словенского языка,
было изучасно всѣми народами Словенскими, —
хоты не ради вышнего ученого образованія, но
ради сохраненія Словенской народности, для то-
го чтобы нашъ неотатариться, неотуречиться,
для того чтобы неотпасти отъ общаго источ-
ника народности, который не изсякъ не смот-
ря на бури десятилѣтныя.“

борбѣ съ латинскимъ, который подѣ конецъ его одолюваетъ. Языкъ Германскій представляеть, конечно, единство въ своемъ образованіи: ту нема двоихъ стихій враждующихъ, якъ въ Романскихъ языкахъ; но за то въ синтаксическомъ отношеніи онъ подвергается Латинскому и до сихъ поръ носитъ на собѣ его вліяніе

У насъ совершенно иное. У насъ ни языкъ меча ни языкъ насилія долженъ дѣйствовать на устное слово народа; но языкъ духовный, языкъ Вѣры, родной по племени, и долженъ вознестися надъ обыкновеннымъ, но при томъ быти понятнымъ для народа. Онъ имѣеть приносить съ собою сокровища Слова Божія и избранныи выраженія изъ другихъ нарѣчій. Онъ бо такъ слиялся съ новою живою: що самъ подвергается еи вліянію, хотя сохранилъ свои особныи грамматическіи формы. Сколько незабвенныхъ услугъ оказалъ той языкъ рускому слову и русской жизни!

Во времена удѣльныхъ усобицъ, въ тяжкіи времена Татарскаго ига, онъ связывалъ всю древнюю Русь, онъ исполнялъ настоящее назначеніе языка по смыслу коренному того слова въ насъ, якъ силы связующей и соединялъ насъ духовно. Онъ служилъ отпоромъ противъ вліянія чужого.—

Рознати два языки: Словено—церковный и рускій, невозможно. Они срослися другъ съ другомъ во всей жизни нашего народа. Рознати ихъ значило бы, самую жизнь розорвати самую мизнь нашу на двѣ половины!—

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ.

рускій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Желая вчерашнюю соперечку нашу по доброму залагодити, постановили мы, уго-

стити себе на добрый обѣдъ серниною, и сей часъ взялись дѣвчата мои за дѣло. „Жа-лю” сказалъ я, „що нѣтъ у насъ нинѣ якого гостя, или друга, щобы подчити его тѣмъ вкуснымъ яствіемъ! Такій обѣдъ бываетъ намъ въ десятеро пріятнійшій, когда поживаемъ его съ добрыхъ другомъ.” — „Отъ, видите,” воскликнула жена моя, „о гостю мова, а гость у порога!” — И истину заѣхалъ передъ домъ нашъ г. Раевичъ, молодой другъ родины моеи. Вошедши въ комнату и поздоровившись съ нами сердечно сталъ онъ извинятися, що обстоятельства не соизволили ему посѣтити насъ скорѣйше. Пріязнь сего чловѣка была для мене съ двоихъ причинъ дуже милою: во первыхъ, понеже зналъ я, що онъ яко убогій потребуе чоеи помочи, во вторыхъ, понеже казался онъ менѣ чловѣкомъ якъ бы сотвореннымъ для дружества. Въ разговорахъ его проявлялось иногда истинное просвѣщеніе; наипачтено однакожь любилъ онъ бавитися съ дѣтьми, которыми называлъ онъ непорочными сотворѣніями, и которыми розсказывалъ онъ народныи сказочки и байки или пѣлъ веселыи пѣсеньки; и рѣдко показывался онъ гдѣ либо безъ приниковъ, застѣжковъ и иныхъ того рода подарковъ. Онъ обиталъ въ поблизкомъ мѣстечку у одного изъ своихъ друзей; часто однакожь выезжалъ на своемъ буланомъ куда ни будь къ добрымъ сосѣдамъ. Тѣмъ разомъ осталъ онъ у насъ на обѣдъ и повинуюсь нашимъ запросинамъ такожь на вечеръ; жена моя не щадила сего дня солодкого меду.

Послѣ вечера стали мы забавлятися розговорами; онъ спѣвалъ намъ потомъ козацкіи и наши народныи пѣсни, и розсказывалъ дѣтемъ забавныи и поучительныи повѣстки. Нашъ когутъ, который всегда пѣлъ о одиннадцатомъ часу ночи, пригадалъ намъ, що уже время дунати о отпочинку; но тутъ

зайшло одно невыгодное обстоятельство, о котором досель никто и не поминалъ: шло именно о том, где нашему гостю постелити? Въ свѣтлицѣ спали я, жена и наши дѣвчата; въ комнатѣ оба хлопчики на одномъ ложѣ. Такъ и не стало мѣста для гостя, котораго на сѣно до стодола не радъ я былъ выслати. Наймолодшій сынъ нашъ Данилко избавилъ насъ скоро отъ того замятательства, предлагая, що онъ и съ братчикомъ спати будетъ сей ночи въ комнатѣ на соломѣ, котору можно бы для нихъ принести, а ихъ ложе, которое впрочемъ никому бы не отступили, да займетъ любилецъ ихъ, Панъ Раевичъ. Тое предложеніе менѣ дуже понравилось. „Хорошо мои дѣтоньки!“ сказалъ я къ нимъ ласкаво. „гостепріимство есть одною изъ первыхъ обязанностей Христіанина; оно всегда было найкраснѣйшимъ свойствомъ Русиновъ. Дикій звѣрь знаетъ свою пещеру, а птица летитъ въ свое гнѣздечко; только безпомощный челоуѣкъ принужденъ убѣжища искати у своего ближняго. Найбѣднѣйшій чужинецъ въ свѣтѣ семъ былъ Тотъ, который низошелъ спасенія нашего ради. Никогда не имѣлъ Онъ собственной хаты, яко бы желая узнати, сколько гостепріимства осталось еще между нами. Тетянно! рекъ я къ моей женѣ, дай хлопчикамъ нашимъ по два куски сухару а Данилку дай и третій за то, що первый подалъ сію прекрасную думку.

На другій день рано, роздавши каждому паробку свою роботу, позвалъ я Теодора, щоби шелъ со мною розгортати сѣно на поблизкой, позавчера скошенной сѣножатѣ. При такой работѣ люблю я самъ содѣйствовать а иногда идуть со мною даже мои дѣвчата. Тамъ разомъ наперлись они конечно идти на сѣножати; было бо и утро прехорошее, и побуждалъ ихъ къ тому Панъ Раевичъ.

Съ такими сотрудниками работа шла намъ скоренько; только Амалія не всегда успѣвала съ нами сровнаться, оставая часто изъ заду. Но Панъ Раевичъ выбавлялъ тутъ отъ общаго посмѣха своею помощію; и при томъ случаѣ забывалъ я не разъ, що моя Амалія благодарила своего помощника такимъ воззрѣніемъ, якимъ благодарилъ тогда, коли съ егоже помощію спаслась была отъ смертной гибели. Скончивши роботу въ полудне, мы возвращались домой; на пути осмыслился я розспрашивати Пана Раевича про его родъ и отечество: досель бо не зналъ ничего болѣе, якъ только имя его и благородное сердце. И ажъ теперъ довідался я отъ него, що онъ происходилъ отъ шляхоцкой родины; що бывши высланъ на воспитаніе въ чужіи краи, ничего тамъ не учился, а только росточалъ нѣмніе своихъ родителей: що найкраснѣйша юности потерялъ въ распугствѣи съ лихими друзьями и въ совершенномъ бездѣйствіи; що теперъ въ правдѣ опамятався, но опамятався надто поздно.

„И я вамъ откровенно скажу, честный Отче.“ продолжалъ онъ свою рѣчь съ такимъ то видомъ горести: „нѣтъ у мене теперъ ни якихъ либо средствъ, ни даже надежды, пріобрести ихъ моими силами. Я не знаю ни якового ремесла, ни якого полезнаго занятія, которымъ возмогъ бы найти пропитаніе и самостоятельство въ свѣтѣ. Къ счастью нашелъ я добраго друга въ сей окрестности, который не имѣя родины, охотно роздѣляетъ со мною мѣрныи свои приходы. Къ счастью остались при мнѣ еще нѣкыи дружки — спутники страннаго моего житія, остались книжки въ большой части поетическаго содержанія, въ которыхъ я отъ давна любовался. Чувствуя въ собѣ великую наклонность къ поезіи, я составилъ нѣсколько большихъ твореній въ рускомъ

языцъ; и если подпомогутъ мнѣ ревнны соотечественники, напечатаю ихъ въ мою пользу и пользу народа. Есть то одна звѣздка надъи, котора прельщала мене до нынѣ и отводила отъ совершеннаго отчаянія!”

„Яко,” воскликнулъ я, „вы предаетесь надеждѣ, що поетическими плоды въ русскомъ языкѣ пріобрѣтете средства къ пропитанію, що заработаете ними на хлѣбъ насущный, и то заработаете въ нынѣшнее время? О сколь жалю васъ! Великій Шиллеръ омывалъ изъ голода подъ тѣнью нѣмецкихъ дубовъ, середѣ высокопросвѣщенной Германіи, а вы рускій, неизвѣстный поэтъ хотите жити утворами своего ума середѣ русскаго народа, который не купитъ ни одной вашей книжочки, хотя бы была самая лучшая, бо якъ всю да такъ и въ насъ стихотвореніе ажъ познѣе отвѣтну нагороду пріобрѣтаетъ! И я думалъ найти на Руси свою Аркадію; но сколь обманулъ въ моеѣ надеждѣ! Цѣлую купу моихъ русскихъ сочиненій грызутъ голодные моли въ старой скринѣ. О, молодой друже! послушай совѣта опытнаго соотечественника; покинь обольстительную мечту, которая хотя прехорошна и похвалительна, но не принесетъ тобѣ на Руси ни кусочка хлѣба. Если на правду хочешь пріобрѣсти вещественныя средства къ пропитанію: такъ лучше иди въ широкій свѣтъ, и поки еще молодыя силы, учись якого ремесла; — или въ крайномъ случаю рубай дрова, толчи камени на публичной дорожѣ, будь простымъ паробкомъ, пастухомъ или дякомъ, — а не рускимъ поетомъ; бо истощишь силы свои въ нуждѣ и недостатку, погибнешь отъ голода и недоли!... Поезією можно бавитися, если доспѣешь такового становища, на которомъ не нужно тобѣ заботитися о житейскихъ потребахъ; но представити ю собѣ за единственное занятіе, то безрозсудно и въ настоящее время — на Руси — бесполезно!”

Пронзносѣ тѣи слова, подаль я ему дружески руку, искренно желая щобы послушалъ онъ моихъ совѣтовъ, и устремилъ силы свои на нынѣ полезнѣйшіи занятія; но онъ опустивши взоръ свой къ землѣ, началъ безъустанно и только на лицѣ его отбилась глубокая тоска, яко бы жалъ ему было розставатися съ любимымъ сердца предметомъ, съ найкраснѣйшими юношеской жизни мечтами. И мнѣ стало жалъ его; для того перервалъ я печальную мою бесѣду, и завелъ рѣчь о иномъ предметѣ. Когда пріишли мы домовъ, уже жена моя ждала насъ съ обѣдомъ; во время того Паулъ Раевичъ былъ дуже засумованъ и отвѣчалъ на мои вопросы полусловами; вскорѣ послѣ обѣда попрощался съ нами, и похалъ на буланомъ кони во свояси. Я отвелъ его за ворота, и видя печаль его, котору мною всѣхъ успій не смогъ онъ предо мною скрыти, потышалъ надеждою на лучшую для словесности нашу будущность, которая однакожь по моему мнѣнію еще далека. Возвратившись въ комнату замѣтилъ я у моихъ женщинъ нѣкото неудовольство, которое особливо созерцалось на лицѣ Амалии; понимая причину сѣи жалю, сталъ я разводиться надъ теперѣшнимъ направленіемъ юношества, которое предаваясь романтическимъ мечтаніямъ, забываетъ на существенность жизни и проводитъ младенческимъ лѣта въ сентиментальномъ бездѣйствіи, и заключилъ бесѣду мою не много огорченъ тыми словами: „Отъ такихъ то житьемъ живетъ и добросердечный, но легкомысленный другъ нашъ, Господинъ Раевичъ, который лишень теперѣ всякихъ средствъ къ пропитанію гоняется за пустыми надѣями. Безъумный! не лучше было ему употребити за прежнихъ лѣтъ вещественныя достатки и помощь отъ своихъ родичей во свою пользу на будущее время? Кобы былъ чому ни будь полезно-

му научился, былъ бы и самъ счастливъ, и утѣшавши бы могъ другихъ; а такъ, при всемъ благородіи сердца, онъ теперь не доволенъ самъ собою и можетъ статися бременемъ для тыхъ даже друзей, съ которыми ростоцалъ онъ нѣкогда свое имѣніе. Мнѣ жаль его, но при томъ и гнѣваюсь на него. Онъ бѣдный, и не заслужилъ можетъ лучшей доли для того, понеже не только не желалъ быти независимымъ, но и не заботился о томъ, статися когда то истинно полезнымъ свѣту.”

Признаюсь, що были у мене тайныя причины, для которыхъ я мнѣніе свое о семъ достойномъ молодцѣ съ такимъ произнесъ огорченіемъ; мимо того опровергала оно моя Аналія слѣдующимъ образомъ: „Сколь ни достойно есть прежнее житіе его порицанія, то однакожь кажется мнѣ любимый Отче, теперѣшніи его обстоятельства должны бы хранить его отъ горькихъ поруганій. Нынѣшняя бѣдность его есть уже и такъ строгимъ наказаньемъ за прежніи поблужденія, и не разъ говорили вы самъ добрый Отче, що не свободно разити новыми ударами несчастливую жертву, котору уже само небо наказываетъ бѣдствіями. Впрочемъ, мы даже не знаемъ ближе о его отношеніяхъ, которымъ могутъ къ тому исправитися; мы только знаемъ о высокихъ души его достоинствахъ, которыя повинны бы усправедливити передъ нами всю жизнь его поручную.” Тѣ слова, изреченныя съ жаромъ, открыли благородное дочери моей сердце, они открыли и великую привязанность ей къ тому молодцу. Хотя любилъ я его отъ души, но еще больше любилъ я свои дѣти и желалъ истинного для нихъ счастья. И такъ, какъ предостерегалъ вчера Наталію отъ блистательной но пустой и безнадежной мечты; такъ отклонялъ я нынѣ пристрастное сердце Аналіи отъ раждающейся

безплодной любви. Но все тое предоставилъ я времени, думая, що оно наилучше изцѣлитъ любовныи ихъ раны.

ГЛАВА СЕМАЯ.

На другій день рано стали готовитися женщины наши къ пріятію вельможного гостя, который прирекъ вчера черезъ своего слугу быти нынѣ у насъ на обѣдъ. Жена и дочери выстроились какъ можно наилучше и шастались по пекарни то по покоямъ. Около полудня захалъ передъ домъ нашъ Панъ Долинскій, съ своимъ тайникомъ и добръ своихъ управителемъ. Понеже однакожь изъяснилъ намъ вчера Раевичъ, що Панъ Долинскій намѣряетъ свататися съ Панною Юлією К..., съ которою ималъ былъ мой Левъ женитися; то пріятіе его изъ стороны самой господини и моей Наталіи не было такъ сердечно, какъ бы могло быти, кобы они о томъ не знали: но случай уволилъ насъ яко тако отъ сего замѣшанія; когда бо никто изъ нашего общества вспомнулъ случайно про красоту Панны Юліи, увѣрялъ Панъ Долинскій подъ клятвою, будь то не слышалъ еще такъ ложного утвержденія, якъ то: що Панна Юлія хороша; „най съ мѣста не встану,” говорилъ онъ далѣе, „если не правду кажу? що волялъ бы я шукати собѣ невѣсти межъ сельскими дѣвками, якъ вѣнчатися съ дурною Панною Юлією.” Сказавъ сіе, засмѣялся громко, и все общество смѣялось съ нимъ; бо кто не нашелъ бы грубыя сказанія богатаго Пана остроумными и хорошими? Моя Наталія замѣтила при той способности съ нѣякою несмалостію, що Панъ Долинскій имѣетъ рѣдкій вкусъ и хотя похваляетъ иногда сторонно и за много но осуждаетъ весьма справедливо. Не смотря на тое, я выступилъ въ оборонѣ честной Панны Юліи и изъяснилъ откровенно, що во всей окрестности Романовки, не

видѣлъ я нигдѣ такъ много, такъ образованной дѣвицы, какъ есть Паниа Юлія.

„Воронъ ворону ока не выколетъ,” сказалъ Панъ Долинскій. „Попы какъ жиды свою вѣру боронятъ. Паниа Юлія Поповна, такъ и выпадаетъ обстати вамъ за нею честный Отче. А однакожь скажу правду, она и не умылась до вашихъ прекрасныхъ дочерей.”

На дерзкіи слова тѣи не отвѣтилъ я ничего, разъ, понеже не узналъ ихъ достойными отвѣта, во вторыхъ не ручилъ я себя за удержаніе своего хладнокровія, и въ томъ случаю боялся уже при первой встрѣчѣ оскорбить священное право гостепріимства. Когда однакожь сговорились гости наши потомъ и о обрядахъ церковныхъ, и Панъ Долинскій сталъ ругатись надъ пѣніемъ русскихъ дьяковъ, я снова произнесъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ во ихъ защиту.

„За чѣмъ не позаводите въ церквахъ вашихъ органы?” спросилъ Панъ Долинскій. „При звукахъ поважной гудьбы выдали бы ся твердыи слова мертвого старословенского языка пріятнѣйшими слуху, когда жежь тѣмъ дьяки ваши блестятъ какъ бараны. такъ що услышавши ихъ рыкъ я всегда принужденъ былъ смѣяться на голосъ въ церкви.”

„Кому въ церкви смѣхъ, тому и весь грѣхъ,” отрекъ я съ огорченіемъ, „всякій языкъ да славить Господа, какъ знаетъ и какъ сможетъ; мы не порицаемъ ваши органы ни пѣніе въ латинскомъ языкѣ, вовсе не понятномъ польскому народу; языкъ старословенскій или лучше старорусскій для насъ священный, какъ наша Церковь, и пѣнье руского дьяка понятно всему народу; кто надъ церковнымъ пѣніемъ или священными обрядами коего либо народа ругается, тотъ не достоинъ имени честного человека.”

„Извините, достойный Отче,” сказалъ Панъ Долинскій съ солодкимъ усмѣхомъ; „я не хотѣлъ васъ тѣмъ уразити; но опровергну-

ти мнѣніе ваше касательно церковного языка. По изслѣдованіямъ найлученнѣйшихъ историковъ нашихъ и философовъ, языкъ тотъ былъ искони языкомъ Полянъ или Поляковъ Надднѣпрянскихъ, которые съ теченіемъ времени, изобразовали и усовершенши языкъ свой соотвѣтно требованіямъ просвѣщеннѣйшихъ вѣковъ; и онъ стался тѣмъ прекраснымъ языкомъ, которымъ такъ умно владеетъ нынѣ Мицкевичъ, Трендовскій, Кохановскій, Красицкій и пр.; надлежало бы всемъ Славянамъ, употребляющимъ въ богослуженіи языкъ такъ зовимый старословенскій или лучше старопольскій, принять къ той же цѣли языкъ новославянскій или що одно и то же, нынѣшній сладокзвучный языкъ нашъ польскій.” —

Услышавъ такую небиллицу, я едва не сошелъ съ ума; правда, читалъ гдѣ то въ сочиненіяхъ Пана А. Б. будь то языкъ старословенскій принадлежалъ Полякамъ Надднѣпрянскимъ, которыхъ онъ окрестилъ по просту Поляками; но я не надѣялся, дабы таково заключеніе, какое предложилъ Панъ Долинскій, могло когда то сродниться въ головѣ тверезого человека.

Такъ рѣшился снова молчать, опасаясь, чтобы дальшіи его умствованія не помѣшали здоровый мой разумъ. Я любилъ тотъ многообильный, поважный, освященный памятью великихъ проповѣдниковъ Солуны языкъ старословенскій, какъ любилъ природу и все человечество; я посвящалъ его изученію два десятка лѣтъ моеи жизни; читалъ о немъ извѣстія великихъ соподвижниковъ литературы всесловенской, и не встрѣтилъ нигде такъ ужасной бредни, яку слышалъ нынѣ отъ Пана Долинского. Правда, языкъ тотъ есть источникомъ, есть матерью всѣхъ славянскихъ нарѣчій, но отнюдъ исключительно польского, который можетъ больше потерять изъ первобытной своей словенской

природы, чѣмъ которое нибудь иное изъ живущихъ словенскихъ нарѣчій. Мое молчаніе возбудило въ обществѣ тую мысль: будто я совершенно побѣжденъ былъ Паномъ Долинскимъ, которому приписывала съ той причины моя Наталія великую ученость. И вопстиню, когда гости наши розѣхались по объѣзду, стала она снова разводиться надъ его высокими дарованіями. Болѣло мое отцевское сердце надъ тѣмъ не мало, що неопытное дитя мое пребываетъ въ такомъ обманѣ; и болѣзнь тая удвоилась, когда жена моя стала представляти менѣ, яка бы то хороша пара была: Панъ Долинскій и Наталія! „Видишь, любимый Игнатій,” говорила она съ умиленіемъ, „я казала правду, що Панъ тотъ добрый имѣетъ намѣренія; кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ!”

„О такъ, кто знаетъ, що еще на конецъ съ того будетъ,” отрекъ я съ глубокимъ вздохомъ: „но я съ моеи стороны во все тому не радуюсь; и убогій, праведный челоуѣкъ былъ бы менѣ стократно милѣйшій, чѣмъ тотъ вельможный Панъ со всѣмъ своимъ богатствомъ и дурачествомъ. Если бо онъ истинно такіи менѣ кажется, повѣрь Тетьянно, за нищо въ свѣтъ не выдамъ дочь мою за неуча!” —

„Я думаю однакожь милый Отче,” сказала на то Амалія, „що вы надто строго осуждаете Пана Долинского; хотя бо мнѣнія его были бы совсѣмъ блудныи и нерозумныи, должно ли заключати, що они мнѣнія его собственныи, а не чужіи? Можетъ онъ возрасталъ подъ вліяніемъ такихъ людей, у которыхъ было то правдою, що у насъ безсмыслонъ. И въ томъ случаю, скажу откровенно онъ не такъ дуже виноватъ.”

„Моя любина,” отрекъ я, „можно бы то пропустити касательно мнѣнія его о словенскомъ языкѣ, которое у польскихъ у-

ченыхъ рѣдко доселѣ бывало справедливымъ; но не пропушу ему злобныхъ израженій противъ Пани Юліи, противъ рускиихъ церковныхъ обрядамъ и даже противъ нашихъ дякамъ! Израженія бо тіи доказываютъ или дитинную пустоту легкомысленного челоуѣка, или що уже всего лукавое его сердце.”

Слова мои якъ прежде такъ и теперь не много дѣйствовали на Наталію: взмагающаяся чѣмъ разъ больше привязанность къ Пану Долинскому, не дозволяла ей узрѣти поблужденій испорченного его сердца. Любовь дѣлаетъ насъ слѣпыми, тая правда извила грудь мою. Съ тыхъ поръ сталъ я частше раздумывати надъ будущею судьбою дѣвчатъ моихъ. Она казалась мнѣ помярченною, и я глубоко опечалился. Я желалъ имъ смѣренного счастья въ тихомъ устороніи сельскомъ, якое достигнути можетъ дочь руского священника съ своеплененнымъ молодцемъ тогоже сословія, я желалъ имъ тойже пріятной доли, яку имѣла родная ихъ мати, добрая моя Тетьянна; а они предавались безполезнымъ мечтамъ: одна стремилась надто высоко, на которой то высокости однакожь не было ніякого счастья; другая наклоняла сердце свое къ молодцу, который, хотя найблагороднѣйшій, не былъ однакожь въ состояніи упевинити ей долю! Ахъ куда все тое поведетъ?!...

(Продолженіе слѣдуетъ)

Короткая исторія Черной Горы.

(Конецъ.)

Когда російскій Царь, Петръ Великій, сталъ съ Турками воевати, воззвалъ онъ прежде всего Черногорцевъ, потомъ и прочихъ христіанскихъ Славянъ, дабы низвергли ярмо турецкой неволи. Черногорцы возбу-

рились противъ Турковъ и довели до того, що съ тѣхъ сторонъ ни одинъ Турокъ не возмогъ ставитись противъ Россіянамъ. Когда же Петръ Великій заключилъ миръ съ Турками, выправилъ Султанъ Ахметъ 1712 г. противъ Черной Горы 60.000 мужа. Владыка Данило поразилъ со своими Черногорцами велику сію Османскую силу. Когда потомъ Данило, довѣряючи Туркамъ, которые поклялись на бороду Могамета не нападати больше на Черную Гору, пошелъ въ Россію, Турки пользуясь отсутствіемъ его, двинулись снова подъ начальствомъ башы Думана Джуприлича числомъ до 120.000 мужа противъ Черногорцамъ. Баша Думанъ позвалъ хитрымъ способомъ больше 30 черногорскихъ начальниковъ къ уговору, задержалъ ихъ у себя и велѣлъ убить; потомъ же ударилъ опъ на народъ вояковъ своихъ лишенный со всею огромною силою. Къ тому помагали еще Туркамъ неблагодарны Бенатчане. Тогда вдерлись Турки во внутрь несчастнаго края, и разносили по немъ смерть и разрушеніе; въ короткомъ однакожъ времени повернулъ Владыка Данило, сгромадилъ народъ свой и прогналъ всѣхъ Турковъ, которые вселились были уже въ нѣсколько городахъ Черной Горы. За того Владыки было много кровавыхъ борбъ съ Турками, которые однакожъ не змогли завладѣти черногорскимъ краемъ. Года 1716 поражены были Турки на голову и бѣжали безъ отдыха въ свояси; г. 1717 помагали Черногорцы Бенатской републицѣ; г. 1727 побили башу Бечира; 1739 отнесли жители одного только повѣта Кучи побѣду надъ Махмутомъ Беевичемъ; 1750 сбили герцоговинскихъ и боснійскихъ Турковъ; потомъ вошелъ снова боснійскій везиръ съ 40.000 мужа въ край черногорскій, но и тогда не повелось ему, 60 Черногорцы плѣнили много босній-

скихъ беевъ (турецкихъ начальниковъ) и вымѣняли ихъ потомъ за свиней. Когда Стефанъ Малый съѣвился на Черной Горѣ, ударили на край тотъ три турецкіи везиры съ неизмѣрнымъ войскомъ — Черногорцы подають число Османского войска на 180.000 мужа. И Бенатчане связались съ Турками. Стефанъ Малый выдавался за російскаго Царя, и съ той причины доминивались Турки и Бенатчане що онъ отбереть такъ однихъ икъ другимъ всѣ, подъ ихъ владѣніемъ находящіися сербскіи области. Для того впа-ли они по взаимному уговору съ такъ огромною силою на Черную Гору; однакожъ и теперь были побиты и оттягли съ великою потерю изъ поля жаркой битвы. Г. 1785, въ то время, когда Владыка Петръ I. пребывалъ въ Россіи, вдерлись они снова въ край черногорскій. Подкунивши грошии простой народъ на пограничій, загнались ажь подъ Цетинье и спалили тамже монастырь. И тѣмъ разомъ не долго гостили они на Черной Горѣ; не прошло три лѣтъ — а Владыка Петръ ударилъ съ Черногорцами согласно съ волею Россіи съ нѣсколько сторонъ на Турковъ и прогналъ ихъ за родными горы. Г. 1760 напалъ Махмутъ, баша Скадерскій, на Бердинъ (Горинъ), но былъ побѣжденный и самъ покрывся ранами. Тойже баша, который отторгнувшись отъ Султана, и преслѣдованный за то по не покоренный тремя везирами, выступилъ по другій разъ противъ Черногорцамъ г. 1796 съ 34.000 мужа, однакожъ Черногорцы — числомъ 5 — 6000 мужа — привели не преодолитое войско его на Лешкополъ 22 октября въ бѣгство съ такимъ успѣхомъ, що и его самого поймаи, тѣло его спалили и голову и саблю занесли въ Цетинье, где донынѣ крыются они во память блестящей побѣды. Г. 1798, возмѣрили Турки, немогше ничего сдѣлать оружіемъ, покорити Черную Гору ле-

стію. Прирекли они Черногорцямъ уступить Зету и Зетскіе города, если тише признаютъ надъ собою власть турецкого Султана и во знамя своего подданства отставить ему 300.000 окъ (ока - 2½ австрійскихъ фунтовъ) волны. Владыка Петръ не хотѣлъ о предложеніи сему ничего и чути лише отослалъ Вуича, Поляка, который предложеніе оно принесть отъ Султана, назадъ до Цариграда. Во время французской войны ударили Черногорцы по уговору и въ союзъ съ Россією на Турковъ въ Герцеговинѣ съ одною а на Французовъ въ Ботъ Которской съ другой стороны, и выгнали послѣднихъ изъ Боки и съ Дубровницкаго повѣта. Тотъ повѣтъ уступили они по заключенномъ мирѣ и на желаніе Царя Александра Австріи. Борьбы съ Французами яко и съ Турками были ужасны.

Г. 1824 въ Апрѣлѣ напалъ Боснійскій везиръ на Черную Гору, намѣряючи отторгнути отъ неи Морачу; былъ однакожь побѣжденъ. Г. 1829 заключили Турки съ Черногорцами уговоръ, яко съ независимымъ народомъ. О зависимости Черногорцевъ нема и наименьшого слѣду въ цѣлой ихъ исторіи. Они вели съ Турками г. 1832 войну, которую сами розпочали. Корысти не было тогда ніякой ни на одной ни на другой сторонѣ. Г. 1834 ударили на Жаблякъ, отняли Туркамъ двѣ пушки, крѣпость же саму отъ части розрушили. На одной съ тѣхъ пушокъ стоитъ написано: „Когда 1834 года побѣдоносные Черногорцы на Жаблякъ ударили, плѣнили мене старина и привели на Цетинское поле.“ Г. 1842 боролись они съ Арбанасами, которы хотѣли завоевати Бѣлонавличчи, но были поражены. Г. 1844 ишелъ Мостарскій везиръ Сточевичъ противъ Грахову, но Черногорцы стрѣтились съ нимъ на пути и принудили къ заключенію пере-

мирья, по которому одна половина Грахова досталась Черногорцамъ а другая присоединена была къ Герцоговинѣ. Тогда отняли Турки два острова (Вранину и Лесандру) на Скадерскомъ озерѣ, которые то острова были въ то время безъ сильной защиты. Упокоившійся передъ двома годами черногорскій Владыка Петръ Петровичъ Негошъ не былъ въ состояніи ихъ пазадъ отобрати.

Тутъ исчислили мы важнѣйшіи битвы между Черною Горою и Турками; про ины меньшіи борьбы даже не вспоминаемъ, скажемъ только, що почти не было дня на Божиємъ свѣтѣ, абы не случилась якая битка между тими двома народами.

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

— Ученый *россійскій* писатель г. В. М. Удольскій открылъ въ одной старой книжцѣ старинную пѣснь, которую нарекъ: „Слово о великомъ князѣ Димитрію Иванковичу и братѣ его Владиміру, якъ побѣдили врага своего царя Мамал.“ Открытіе тое есть тѣмъ важнѣйше, понеже подтверждаетъ подлинность „Слова о плѣку Игоревѣ“, сказано бо тамъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ о пѣсняхъ *Бояна*, который воспѣвалъ славу Игорю Рюриковичу, Владиміру Святославичу и Ярославу Владиміровичу, князямъ Кіевскимъ, къ тому же многіи изразенія и поговорки дужо схожественны съ изразеніями „Слова о плѣ. Игор.“ нѣогда даже слово въ слово тѣ же самыя. Ученый *Бѣласев* думаетъ, що новонизобрѣтенная пѣсня сія принадлежитъ къ началу XV. столѣтія, когда битва на Куликовскихъ поляхъ была еще въ живой памяти.

(Заключеніе преподаваемыхъ предметовъ въ теченіи лѣтнего полугодія 1853 на Львовскомъ Университетѣ.)

41.) Практическія упражненія относительно къ старинной исторіи въ филологично-историческомъ свѣщеніи, тотъ же 2 часъ.

42.) Высшую педагогику, именно о образованіи чувства и воли, заступ. учнт. *Малиновскій* 3 часы.

б) *Предметы математичні и природоискусн.*

43.) Высшую мат. анализисъ, преподаветъ проф. *Лемонъ* 4 часовъ.

43.) Стихи алгебры, тотъ же 4 часовъ.

45.) Физику экспериментальную для учительскихъ кандидатовъ проф. *Пьерре* 3 часы.

46.) Общую теорію силъ, дѣйствующихъ въ обратномъ отношеніи квадрата разстояній, тотъ же 2 часы.

47. О отношеніи науки діамнетизма къ науцѣ о магнетизмѣ и электричності. приватный доцентъ *др. Урбанскій* 1½ часа.

48.) Исторію натуральную (цѣлостное), проф. *Добаржевскій* 5 часовъ.

49.) Прогулки въ ботанической цѣли два раза въ недѣлю тотъ же.

50.) Исторію натуральную (звѣтословіе), проф. *др. Шмидъ* 5 часовъ.

21) Практично зоологическіи упражненія, тотъ же 1 часъ (безплатно).

52) Житіе звѣрей, тотъ же 1 часъ.

53.) Общую химию неорганическихъ существъ, проф. *Плесъ* 5 часовъ.

54.) Аналитическую химию, тотъ же 9 часовъ.

55.) Химию скотскихъ и человѣческихъ животныхъ, тотъ же 5 часовъ.

б) *Предметы языковедны.*

56.) Греческую синтаксисъ, преподаветъ проф. *др. Кергель* 3 часы.

57.) Бесѣда Цицерона за Милономъ, тотъ же 2 часы (безплатно).

58.) Илиду Гомера тотъ же 2 часы (безплатно)

59.) Югурту Салустія, тотъ же 2 часы совокупно съ выкладомъ наукъ филологическихъ яко упражненій филологично — историческаго сѣщенія, тотъ же 2 часы (безплатно).

60.) Нѣмецкій языкъ совокупно съ практическии упражненіями, проф. *Глозъ* 3 часы (безплатно).

61.) О Фаустѣ Гете ч. II, тотъ же 2 часы.

62.) Сравнительную грамматику *рускаго языка*, а именно видословіе, проф. *Головацкій* 1 часъ.

63.) Исторію *рускаго словесности* отъ XII до XVI вѣка, тотъ же 2 часы (безплатно).

64.) Теорію *поэзии, и краснореч.* тотъ же 2 ч.

65. Приготовленіе къ практичной грамматикѣ *еврейскаго языка*, приватный доцентъ *др. Изель* 1 часъ.

66.) Изъясненіе книги *Кусари*, тотъ же 2 часы.

67.) Изъясненіе книги *Іереміи*, тотъ же 1 часъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛОВЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— *Теплолоды Ериксона.* До сего времени употреблялись къ плаванію кромѣ обыкновенныхъ людей, кораблей и пр. такожъ паровыи лоды; но теперь прибудетъ къ тому же употребленію еще одинъ родъ корабля, о якомъ до сихъ поръ никому не было и не случилось; есть то *ново изобрѣтенная теплолоды Ериксона*, который за движимую силу своей лоды употребилъ вѣсто водной пары *самъ только теплый воздухъ*. Англійскіи Новины возвѣщаютъ, что дня 3 января отбылась первая, а 11 тогожъ мѣсяца с. г. другая проба въ морской пристани мѣста Нью — Йорка, и обѣ повелись дуже хорошо. Мы подаемъ тутъ ч. читателямъ нашимъ о новомъ изобрѣтеніи семъ столько изъясненій, сколько сами знаемъ. И такъ, движимою силою оной лоды есть розогрѣтый воздухъ. О дѣятельности той же силы можемъ и въ каждой хатѣ очевиднѣе пересвѣдѣчигся. Если возьмемъ *подушадутый свинскій мѣхуръ* (пухиръ) завяжемъ и положимъ на теплоу печи; увидимъ не за долго, что мѣхуръ надулся; если же полегимъ тамъ долше то иногда и *лугне*. То справляетъ воздухъ, черезъ теплоту въ высшей степени разтянутый и напаятый.

Для движения лоды или машинъ употребляютъ *Ериксона* ту же силу теплого воздуха, при чемъ не только *дѣль третинны* дровъ можно зашадити, но и отстраняется совсѣмъ оно небезпеченство, яковъ иногда случается при паровыхъ котлахъ, се есть: разрывъ тыхъ же котловъ. До сего времени не могли паровыи лоды пускаться въ путь на великій „Тихій океанъ,” понеже не могли брати съ собою столько угля, сколько нужно было употребити, абы доплыти до наиблизшаго мѣстца на суши; но теплолоды Ериксона наберетъ столько палива, что можетъ безъ отпочинку изъ Англіи плыти до 5 части свѣта, до *Австралии*. Сія *теплолоды* есть 250 стопъ долгая, 40 стопъ широка, 26 глубока и унесетъ 38,000 нашихъ центнаровъ. Она переплыветъ въ теченіи одного часа 9 — 10 миль противъ вѣтру, и скорость таа дастся побольшии черезъ поднесеніе теплоты. Найзамѣчательнѣйшая часть машинъ есть такъ званый *регенераторъ*, т. е. онаа часть, где теплый воздухъ, по исполненіи своего содѣйствія, охолождается. Состоитъ онъ изъ 200 тоненькихъ, доротянныхъ свѣточокъ, сложенныхъ одна по надъ другою. Доротки тыхъ свѣточокъ суть такъ тоненьки, что въ цѣломъ регенераторѣ находится ихъ

100 миллионов. Тутъ, середъ дорожныхъ съточокъ охолодитъ теплый воздухъ якъ найскорше, що для порушенія машини конечно есть нужно. — Одинъ изъ найславнѣйшихъ испытателей природы нынѣшняго вѣка, г. Морсе, изобрѣтатель чудовныхъ, электрическихъ телеграфовъ, присутствовавшій онымъ приборамъ, сказалъ при томъ случаю, що отъ изобрѣтенія книгопечатанія онъ не знаетъ лампнѣйшого вынайденія для добра человечества, якъ теплолодь Ериксона.

— Великое вниманіе обратили на себе въ Англіи новыя электрическія паллицы, которыми продаются въ тамошнихъ купеческихъ лавкахъ. Тѣ паллицы содержатъ въ себѣ гальваническую машинку, а если однимъ концемъ ударится о якое твердое тѣло, на пр. о камень, выдаютъ они изъ себе ясное, далеко сягающее свѣтло, и такъ употреблены быти могутъ въ ночи не только для подпоры и охоронки, но такожъ яко, латарни.

В С Я Ч И Н А.

— Замѣчанія достойно есть оно согласіе дать современной исторіи, що изъ владѣющихъ нынѣ въ Европѣ трехъ Цѣсарей, каждый вступилъ на престолъ державный для 2 Декабря. Такъ Царь Николай вошелъ на престолъ 2 Декабря, передъ 27 лѣтъ, нашъ всемилостивѣйшій Цѣсарь Францъ Іосифъ тогоже дня передъ 4 лѣтъ, а Цѣсарь Л. Наполеонъ тогоже дня минувшаго года.

— Въ г. 1852 спотребовано въ цѣлой Австріи: табаки 64,712 центнаровъ (!), тютюну 504,437 центнар., сигаровъ австр. 635,783,648 штукъ, сигаровъ заграничныхъ 9,060,005 штукъ. Табаки больше употребляютъ въ Тиролю, тютюну больше въ Солноградъ, сигаровъ въ нижнихъ Ракусахъ и въ Терстѣ. Наименше табаки употребляютъ въ Уграхъ и въ сосѣднихъ краяхъ въ Семиградъ, на Буковинѣ и Шлезску, тютюну наименше въ Венецкомъ ко-

ролевствѣ. Наша Галачина всего употребляетъ въ середной мѣрѣ.

— Въ волнахъ американской рѣки Миссисипи утонуло въ теченіи минувшаго года семьдесятъ осемь паровыхъ кораблей! При случаю майже каждого затопленія погибло по нѣсколько людей! Такая неосторожность случается только въ Америцѣ, где якъ извѣстно всѣ паровыя машины имѣютъ въ два и три разы большую скорость немѣ въ Европѣ.

— Просторонъ города Лондина обоймаетъ с. г. уже 114 квадратныхъ англійскихъ миль. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ обоймали старинный города Вавилонъ и Ниниве первое 225, второе 216 квадрат. англ. миль просторони. Такимъ дѣломъ были они почти въ два разы такъ великии якъ Лондинъ!

— Въ г. 1853 отбудутся въ Россіи слѣдующіи торжественныя рочницы: 150 лѣтняя во память заведенія флоты на Балтикомъ морюг. 1703 — и заложенія Петербурга, 16 мая 1703 г. — 100 лѣтняя рочница уничтоженія внутреннихъ линій, и пловыхъ коморъ въ рос. державѣ, 20 грудня 1753. г. — 50 лѣтняя во память оглашенія новыхъ статутровъ царской академіи наукъ 25 липца 1803. г. — Первого путешествія вокругъ свѣта Россіянами предпріятій въ 1803 г. — Заведенія института св. Катарини въ Москвѣ, 1803 г. — Присовокупленія Мингрелии къ Царству 2 грудня 1803. г. — 25 лѣтняя заключенія мира съ Персією въ Туркманчау 10 лютого 1828, въ слѣдствіе котораго Канаты Бривану и Накичевану присовокуплены zostали до Россіи. — Заведенія высшего института педагогичнаго 30 вересня 1828. —

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Въ 3омъ числѣ Зори Галицкой случилась на сторонѣ 33 въ 20 ряду ошибка, которую исправить просимъ вмѣсто „сказала Аналія“ на „сказала Наталія.“

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 4).

ЗОР ГАЛИЦКА

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаётся въ Среда два листы, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четвертьрочно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЖЕНА.

(Романъ по Гейне)

Такъ страстно двое любилось людей,
Она ласково была, онъ злодѣй;
Но онъ украсть, она скрывала,
Тѣшилась тѣмъ и хохотала.

Ночи и дни такъ сладко имъ текли!
Однажды словили его и вели
Въ тюрьму: она въ окнѣ стояла,
Смотрѣла за нимъ и хохотала.

Съ тюрьмы сказати велѣлъ онъ жене:
„Прійди моя мила, прійди ко мнѣ,
Я гибну отъ тоски!“ Она покачала
Головою и хохотала.

О шестомъ рано стяли ему лобъ,
О семомъ тѣло сокрыли во гробъ.
Онажъ о оскожъ ужъ гостей пріймае,
Вино пила и — хохотала!

Б. А. Д.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Отъ остатного оголошенія загальныхъ складокъ на Храмъ Господень и домъ народный во Львовѣ въ Числѣ Зори 60. зъ р: 1852. всплынули новыи жертвы, которыи до вѣдомости всенародной подаемъ. Значительна жертва честного и преподобного Господина Петра Мединского, приходника въ Ягол-

ници старой, выносяща 3.000. зол: ринс: ср. выказана уже въ Ч. Зори 84.

Кромѣ тыхъ всплынули отъ остатного липири до 1. листопада т. р. слѣдующіи жертвы:

1) Всечест. и Высокопреп: Господинъ Теодоръ Хомѣнскій, Намѣстникъ Бобреекскій, надзиратель школъ народныхъ и приходникъ въ Миколаснѣ, жертвовалъ отъ себе самого 100. р. с.

2) Тойже самъ прислалъ собрану складку зъ Миколаева и Подсоснова 105 р. ср. зъ Гринева 33. рс: 13. кр. зъ Подяркова 15. р. ср. — разомъ 153. р. 13. кр.

3) Честный и преп. Господинъ Винкентій Лѣсенецкій, приходникъ Оугриня и Залѣси, прислалъ 25 рс. 45. кр.

4) Всеч: и Высокопреп: Господинъ Алексей Мойсеевичъ крилошанинъ, намѣстникъ Залозецкій, надзиратель школъ народныхъ и приходникъ въ Милнѣ, жертвовалъ отъ себе 20. р. ср.

5) Вс. Г. Менѣвскій Іоаннъ, пр. профессоръ гимназіальный въ Перемышляхъ. 1. рс. ср.

6) Вс. Г. Меруновичъ Клементъ, профессоръ гим. въ Тернополи. 1. рс. ср.

- 7) Вс. Г. Свнкевичъ Іоаннъ, приходникъ Любина, округа Перемыского 5. рс. ср.
- 8) Чест: и Преп: Госп: Трохлинскій Іоаннъ, приходникъ въ Искани, Намѣст. Бѣрецкого, собиратель на 3. приходы 24. рс. 30. кр. ср.
- 9) Чест. и Преп. Госп: Алексевичъ Юліанъ, поднамѣстникъ и приходникъ Устрицкій, прислалъ 37. рс. 40. кр. ср.
- 10) Чест. Господ. Петрашевичъ, капелянъ Снкова, Золочевского округа, собралъ 10. рс. 40. кр. ср.
- 11) Чест. и Преп. Господ: Михаилъ Керекярто, приходникъ въ Липѣ и книгохранитель Намѣст: Бѣрецкого собралъ 18рс. ср.
- 12) Всеч. и высокопр. Господинъ Воеводка, намѣстникъ Жуковский и приходникъ Обертына, собралъ 31. рс. 30. кр. ср.
- 13) Чест. и преп. Господинъ Антонъ Здерковский, приходникъ Товстого и собиратель Намѣстнический прислалъ 90. рс. 4. кр. ср.
- 14) Всеч. и высокопр. Господинъ Іоаннъ Козловскій, Намѣстникъ Городенскій, прислалъ 128 рс. 30. кр. ср.
- 15) Всеч. и высокопр. Господинъ Михаилъ Бьельецкій, Намѣстникъ Городецкій и надзиратель школъ народныхъ прислалъ 6. рс. ср.
- 16) Честни и достохвальни громады въ Лучичи и Шарпанцехъ Жолковского округа прислали 85. рс. 30. кр. ср.
- 17) Честный и препод. Г. Мартинъ Прокоповичъ, приходникъ Сушна и Ордова 51. рс. 4. кр. ср.
- 18) Честный и препод. Господинъ Михаилъ Козловскій, приходникъ Утѣшкова 14. рс. 4. др. ср.
- 19) Всеч. и высокопр. Господинъ Лопатинскій, намѣст. Богородчанскій и надзиратель школъ народныхъ 86. рс. ср.
- 20) Всеч. и высокопр. Господинъ Грабовичъ Андрей, собиратель нам. Збаражского, приходникъ Любянокъ 148. рс. 9. кр. ср.

- 21) Всеч. и препод. Господинъ Теофілъ Павликовъ, приходникъ Бережанъ и собиратель Намѣстнический прислалъ 35 рс. 36. кр.
- 22) Чест. и достохвальни громады Спасова и Перватына округа Жолковского зложили и привезли 195. рс. 30 кр.
- 23) Чест. и препод. Господинъ Іоаннъ Квасницкій бывший довр. Намѣстникъ, парохъ въ Буску зложилъ собравши въ Намѣстничествѣ жертвы 107. рс. 34 1/4 кр. ср.
- 24) Чест. и преп. Господ. Аенанзій Волошиновичъ, приходникъ Кролики Волоской округа Сяноцкого прислалъ 5. рс 24. кр. ср.
- 25) Ч. и преп. Г. Михаилъ Яцковский, приходникъ Жукова зъ Жук: и Ремизовець 6. рс.
- 26) Чест. и преп. Госп. Штокаль Алексей. капелянъ Стремильча собралъ 5. рс. ср.
- 27) Благородный и высокодост. Госп. Щербньскій Петро прислалъ собрану въ Ришовѣ складку 48. рс. ср.
- 28) Благородный и достохвал. Госп. Дроздовскій Теодоръ, правитель школы головной въ Кентахъ жертвовалъ 2. рс. ср.
- 29) Всеч. и высокопре: Господинъ Швецицкій Намѣстникъ и приходникъ Львовскій зложилъ зъ Дмитровичъ и Сороки 11. рс. ср.
- 30) Всеч: и высокопр: Господинъ Алексей Мойсеовичъ, крилошанинъ, Намѣст. Залозецкій и приходникъ въ Мильнѣ прислалъ зъ Мильна собрани 3. рс. 30. кр. ср.
- 31) Честный и препод: Господинъ Іоаннъ Волянскій, приходникъ Чернева собралъ въ Черневѣ 34 рс. 39. кр. ср.
- 32) Всечест. и высокопрепод. Госп. Терентій Сметана, Намѣстникъ Олескій, школъ народныхъ надзиратель и приходникъ въ Туремѣ собралъ въ Туремѣ 100 рс. ср.
- 33) Н: Н: зъ Винограда не хотащій имене своего изъявити жертвовалъ на домъ народный 50 рс. ср.

Подаючи сіе до общою вѣдомости комісія примѣчае що:

а) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Хомбівській, намѣстникъ Бобрецькій и крилошанинъ Алексей Мойсеовичъ уже многократно щодросги своей и ревности о добро народне явны дали доказы. Уже попередно взирали дѣланія рады головної якъ долго тая существовала, а теперъ неустаютъ такъ собственными датками яко и вліяніемъ своимъ на собратію и соотчичей дѣланія и трудъ комисіи сильно ввирати; що б) честный и преп: госп: Здерковскій Антоній собиратель намѣстничества Скалатского занялся ревн. собираніемъ складокъ; що в) всечестніи и высокопреподобніи Господинове Воеводка намѣст: Жуковский, Козловскій Намѣст: Городеньскій; Лопатинскій Богородецкій; Павликонъ Собиратель Намѣст: Бережаньского и Шведицкій Намѣст: Львовскій уже многократно значительными прислали складки; що г) всечестное и достохвальное духовенство Намѣстничества Бѣрецкого такожъ дуже ревн. занимается собираніемъ складокъ: що д) честныи громады Лучичи и Шарпанць, Спасовъ и Первятынъ, не токмо значительныи сложили жертвы, но тѣи подъ проводомъ ревныхъ и достойныхъ своихъ душпаستырей Іліи Мидзиньского приходника Лучичкого и Даміана Магурского умыслными высланниками честными газдами: Іосифомъ Придатокъ и Теодоромъ Дѣгай провѣзоромъ Лучицкимъ и Іоанномъ Свѣдъ, провѣзоромъ Первятынскимъ и Іліемъ Куликъ провѣзоромъ Спасовскимъ комисіи заслали; при которой то способности тѣи честныи высланники цѣлу фабрику старанно оглянули, и величавостію поднятого предпринятія любовались; е) що честное и достохвальное духовенство Намѣстничества Збараньского и Буского не осталось бездѣльное але за примѣромъ собратіи и содѣлателей заняло ся такожъ

съ многонадежною ревностію собираніемъ складокъ и що ж) и въ сторонахъ граничныхъ Руси Галичской живутъ мужи чувствующіи сильно движеніе Русиновъ на дорожѣ вѣры и просвѣщенія.

Тое увѣреніе, що усилія комисіи попрають мужи съ сильнымъ и незломнымъ духомъ и постоянною волею, ободряя комисію до дальшого дѣланія и укрѣпляя до вѣры, що съ упованіемъ въ Божѣ всѣ препятствія, которіи доси утрудняли то общенародное предпринятіе усунутся, а комисія въ состояніи будетъ распочатое дѣло до совершенія довести.

Комисія не залишаетъ такъ жертвующимъ яко и собираніемъ жертвъ трудящимъ ся свое искренное благодареніе изъяснити, и до дальшого ревного содѣланія просити.

Отъ комисіи предстоящей справамъ создаемого дома народного и другои городскомъ церкви во Львовѣ дня 7. (19) лист. 1852

*Кузьемскій.
Предсѣдатель.*

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

*рускій приходникъ изъ Соломянки.
Повѣсть, нимъ самымъ написанна.*

ГЛАВА ОСМАЯ.

Другого дня рано посѣтилъ насъ снова Панъ Раевичъ, и отъ того времени вступалъ онъ до насъ почти що другіи вечера. За всякимъ разомъ приносилъ онъ то нечъ то женщинамъ книжки до читанья. И той гостинъ его, такъ часто повторяемой, былъ а для нѣкихъ причинъ не дуже радъ. Хотя бо разговоры, съ нимъ веденныи, были вельми пріятныи; хотя онъ такъ прилично и охотно помагалъ намъ въ домашной господарцѣ; однакожь надто великая приклонность его къ моеи Аналіи казалась менше

совсѣмъ пригожею. Мимо того, нилое обхождение его прилягало чимъ разъ больше до сердца моей родины, и я самъ съ каждымъ днемъ привязывался къ нему чимъ разъ больше.

Однажды, укончивши роботу нашу на добрый часъ передъ западомъ солнца, пошли мы всѣ разомъ за огородъ въ любимое наше пристанище подъ четырьма березами. Моя Амалия завела рѣчь про Основаненька „Марусю.“ котору сими дни съ великимъ читала замцлованіемъ.

„Есть то найкрасная цвѣтка изъ украинскихъ степей.“ сказалъ Раевичъ, она розвилась подъ пріятнымъ небомъ руской Италіи, куда влекутъ насъ воспоминанія дорогой старины; въ томъ краѣ, где когда то роздольно гуляли Козаки; въ краѣ чудныхъ думъ и сердечныхъ, тужливыхъ пѣсней!”

Я подтвердилъ мнѣніе Пана Раевича касательно Маруси, котору всегда уважалъ за наилучшую повѣсть, яку доселѣ пропозвала не только Украина, но и вся Русь Малая. Сожалѣлъ однакожь надъ тѣмъ, що вся новая украинская словесность заключается только въ сказкахъ, повѣстяхъ и пѣсняхъ; и не смотря на то що въ Кіевѣ писалъ Несторъ и ины славныи дѣлатели старинной нашей словесности; новѣйшіи украинскіи писатели не старались обогащати простонародный языкъ свой неизчерпаемымъ сокровищемъ старорусского, не тщались сдѣлати его соотвѣтнимъ высшому требованію нынѣшняго просвѣщенного вѣка. И того ради не появилась на Украинѣ дотолѣ ни одна вѣдомственная книга, ни одинъ вышестепенный учебникъ, съ той только, думаю, причины, понеже украинское нарѣчіе, переходило лишь простолюдиномъ испорчено къ тому вліянію сосѣднаго, не подасть уже нынѣ само собою словъ къ высшимъ понятіямъ.

„Хотя много правды въ томъ вашемъ замѣчаніи, достойный Отче.“ отрекъ Раевичъ, „однакожь я, яко преданныйшій любовникъ всего, що касается Украины, боронити ю долженъ передъ вами. Украина сдѣлала уже такъ много для словесности и общего просвѣщенія, що желати отъ ней больше не можно. Въ старину былъ Надднѣпрянской край средоточіемъ всего образованія и могущества Руси; къ сожалѣнію, благосіятельное свѣтло Кіева потухло вскорѣ подъ насилиемъ Монгольскихъ дикарей. Но въ другой половинѣ средовѣчія возсіяла Украина свѣжимъ блескомъ славы и просвѣщенія; ретивыи сердца Козаковъ защищаютъ милую отчину, отъ вліянія и нашествія Литовцевъ и Поляковъ, а меже тѣмъ Бурсаки Кіевскіи засѣвають широкое поле Русіи сѣменами умнѣнія и благочестія. Украина, столь вѣковъ борющаяся за свой бытъ, за вѣру праотцевъ, истощилась наконецъ совершенно, и въ груди ея осталась только великая тоска и глубокий жалъ за погибшую свободу, которыи иногда вырывались изъ подъ сердца тяжкимъ вздохомъ и тужливою пѣснью. Къ тому выдала Украина довольно знаменитыхъ людей, заслужившихся въ новѣйшее время и у своихъ сосѣдовъ. Помню только про Богдана Залеского, Гощинского, Максимовича, Срезневского, Бодянского, а сколько еще прочихъ! Ото, великіи заслуги и подвиги Украины, котора поле умятованія радо уступаетъ Галичанамъ, придерживая собѣ всегда пѣти на свой прекрасный ладъ и пѣніи своими восхищати племена сосѣдственныи. И такъ: да вѣчно поетъ Украина, а разумуютъ Галичане.”

Я ничѣмъ не могъ опровергнути рѣзкихъ доказательствъ приведенныхъ во оборону Украины Паномъ Раевичемъ, и призналъ ему неоспоримую правду.

Дабы поминку нашу обь Украинь ны-
нѣшного вечера достойнымъ образомъ уван-
чати, просилъ я Раевича, щобы заспѣвалъ
намъ яку украинскую пѣсню. Онъ не да-
валъ долго проситися, только взявши гита-
ру и перегравши искусною рукою отвѣт-
ный напѣвъ, сталъ спѣвати Пугача:

Ой сталъ путачъ на могилѣ
Тай гукалъ онъ: пугу!
Чи не дастъ Богъ Козаченькамъ
Хоть теперъ потугу.

Що день, що ночь усе ждемо,
Поживы не маємъ:
Давно была! про Липаровъ
Уже не сгадаемъ!

Ой колись мы воевали,
Та больше не будемъ;
Того счастья и той доли,
По вѣкъ не забудемъ.

Та вже сабли поржевѣли,
Мушкеты безъ курковъ:
А ще серце Козацкое
Не бонтея Турковъ!

Пѣснь тая и голосъ Раевича подобался
менѣ такъ дуже. що я просилъ его, дабы
повторилъ хотя послѣднюю строфу; онъ сдѣ-
лалъ тую милость, но потомъ стали сновъ
дѣвчата понуждати его, щобы воспѣлъ иъкую
и для нихъ пѣсню. Такъ и взялъ гитару,
и при сумномъ ея созвучіи пѣлъ слѣдующую
баладу:

Свободно — якъ птичка — жилъ молодець
Безъ пѣлн, безъ собственной хаты;
Отъ давна не зналъ онъ що мати, отецъ,
Що сестры и братья и сваты.

Съ тоскою въ груди и съ пѣсню въ устахъ
Онъ долго по свѣтѣ блукался;
Никто его тоски не понималъ въ словахъ,
Надъ пѣсню всякій ругался.

Но была младая дѣвица одна,
Що радо его слухала,
И мило смотрѣла на него она,
И пѣсню его понимала.

„О дѣвичко красна,” сказалъ онъ до ней,
„Меню не слухай такъ страстно:
Бо вступишься въ пѣсни унылой моей,
Полюбишь мене, но несчастно.”

„Пѣвецъ я убогій — безъ родины — самъ,
Якъ соколъ въ степи одинокій;
Якъ нищій скитаюсь по чужихъ странахъ
И свѣтъ обхожу я широкій.”

„Я не желаю любви твоей;
Когда бо мене ты полюбишь:
Разбудишь мученья въ груди моей,
И жизнь молодую свою сгубишь!”

„О дѣвичко красна не пробуждай
Мои хъ терпѣній на ново;
Жалтій падо мною лише — и подай
На отходъ ласкавое слово!”

А що отрекла дѣвица ему,
Що дальше случилось, — не знаю;
Якій тамъ конецъ колись будетъ тому,
Позднѣйше о томъ заспѣваю....

Содержаніе пѣсни той и глубокое чув-
ство, съ якимъ произносилъ онъ всякій
стихъ, казалъ доминуватися, що она была
собственнымъ его твореніемъ. Мы сидѣли
еще долго въ непрерывномъ молчаніи, якъ
бы хотѣли сами догодатися конца прорва-
ной балады. При томъ случаю взглянулъ я
на Амацію, и узрѣлъ слезы въ очахъ ей!

Наше молчаніе перервалъ намъ Федо-
рій, который поспѣшно прибѣгъ возвѣстити
намъ, що захалъ до насъ въ гости при-
ходникъ изъ Верховинки съ двома панича-
ми. Чиякъ скорше поспѣшили мы имъ на встрѣ-
чу. Сосѣдъ мой поздоровившись съ нами,
представилъ своихъ сопутниковъ яко уков-
ченныхъ Богослововъ, изъ которыхъ одинъ
былъ его сродникъ, а другій сынъ его ста-
рого друга, наместника на Подолю: По-
томъ сталъ извинятися, що такъ поздно къ
намъ захалъ, вертая бо изъ Львова конь
его занемогъ въ дорожѣ, и не можно ему
нынѣ дальше вхати; такъ и принужденъ про-

сити у насъ ночлягу хотьбы где ни будь въ стодолахъ.

Я изъяснилъ свою радость надъ ихъ прибытіемъ и просилъ въ комнату где они вскорѣ розгостились. Тутъ представилъ я молодымъ Богословамъ мою родину и Пана Раевича, которого Подолянинъ поздоровилъ яко своего знакомого изъ Львова.

Оба молодые гости были якъ обыкновенно наши юныи Богословы несмысли и маломовны; но за то говорилъ много жартобливый сосѣдъ изъ Верховинки; иногда заговаривалъ онъ и про мой дорогоценный товаръ, съ которыми я будто нигде не показуюсь, а только якъ скупецъ золото крыю его въ своей хатѣ. Дѣвчата моп румянились при тыхъ словахъ дуже, но мимо того старались показати и миною и словы, будто они все ихъ не понимаютъ.

Такіи и тымъ подобныи жарты моего сосѣда возбудили радость въ цѣломъ нашомъ обществѣ; а только Панъ Раевичъ казался быти не совсѣмъ веселого расположенія и часто поглядывалъ то на Амалию, то на молодыхъ гостей.

Потомъ, видя общую радость и якъ бы не хотѣти ей печалію своею мѣшати, попращался съ нами, и мимо моихъ усиленныхъ сопротивленій, поѣхалъ уже въ поздний вечеръ домой. Я былъ бы дуже радъ имъ его у себе переночевати; новыи гости имѣли великую охоту до разговоровъ и забавы; къ тому можно было потомъ еще развеселитися пѣніемъ, особливо, когда нашлося больше мужчинъ, а до того Русиковъ. Все тое представлялъ я Раевичу, но онъ упорно стоялъ при своемъ и опустилъ веселый нашъ кругъ. О несчастливый другъ мой, сколь люблю тебе, — и сколь сожалею, що не могу ничѣмъ помогчи тобѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Не обманулась моя Тетянина, сказывая менѣ вчера вечеръ по тихомьку, що молодыи гости приѣхали нарочно ради дѣвчатъ нашихъ. Еще бо вчера намекалъ честный сосѣдъ изъ Верховинки жартобливо о моихъ дорогоценныхъ товарахъ, съ которыми я будто крыюсь; другого дня далъ онъ срозумѣти менѣ, що если я самъ полѣзю въ возити мебели свои по сосѣдамъ, то добрыи люди тѣи могутъ отомстити менѣ за оно преступленіе въ такой способъ, що самы привезутъ знатокѣвъ и любовниковъ на вышереченныи мебели, которы, по его мнѣнію, чимъ дольше стоятъ въ нашей хатѣ, тымъ больше упадаютъ на своей цѣнѣ.

Тѣи слова открыли менѣ надто ясно цель, для какой привезъ онъ до насъ молодыхъ Богослововъ. Хотя конь его поздоровалъ на другій день значительно, однакожь онъ самъ а еще больше молодцы не оказывали найменьшой охоты поспѣшати до Верховинки, тожь и мы радовались гостиною ихъ чрезвычайно и задержали у себе до вечера.

Былъ то день для мене дуже пріятный. До полудня забавлялся я съ моими милыми сосѣдамъ, когда межъ тѣмъ молодыи гости разсмѣялись мало помалу до моихъ дѣвчатъ и завели съ ними веселыи разговоры. По обѣдѣ поѣшли мы въ нашу пасѣку, где приготовано было выгодное мѣстце для гостей. Они подивлялись порядку и все устройство моей пасѣки, и хвалили мене за то яко опытного пчеловодителя.

„Порядокъ той въ моей пасѣцѣ;” сказалъ я, „приписитъ славу не только менѣ, но и Пану Раевичу, который передъ нѣсколькими днями прилѣжно помагалъ менѣ въ уставленіи ульевъ и цѣломъ внутренномъ ей устройствѣ. Къ тому сообщилъ онъ менѣ одну дуже замѣчательную книгу о пчело-

водствъ, которая подала менѣ думку сдѣлать въ пасъцѣ моей значительныя перемены такъ во пользу пчелъ самыхъ якъ и мою и моихъ веселыхъ гостей.”

Молодой Подолянинъ, услышавши споминку про Пана Раевича, сожалѣлъ надъ тымъ, що онъ вчера такъ скоро опустилъ наше общество. „Я познакомился съ нимъ во Львовѣ,” продолжалъ молодецъ съ Подоля, „и хотя мое съ нимъ сообщеніе не тревало долго, но оно принадлежитъ къ сладчайшимъ воспоминаніямъ въ моей жизни.”

„Кажется,” замѣтилъ я при томъ, „вы такожъ преданный любовникъ русской словесности, и для того сообщеніе ваше съ нимъ яко рускимъ постомъ, было само пріятнѣйшее.”

„Признаюсь,” отрекъ молодецъ, „я стался любовникомъ русской словесности, стался Русиномъ съ тыхъ поръ, якъ позналъ Раевича.”

Я зачудовался надъ тымъ его страннымъ признаніемъ; но могъ бо поняти, для чего нужно было ему ажъ статися Русиномъ, когда онъ, яко сынъ руского священника, былъ Русиномъ уже отъ роду.

Молодой Подолянинъ усмѣхнулся и объяснилъ свое признаніе слѣдующимъ образомъ: „Вы преподобный Отче, — поживая въ сельскомъ уединеніи между самыхъ рускиихъ народовъ, къ тому переживши юность въ Закарпатской Руси, — и поняти не можете, абы рускіи молодцы, живущіи въ большихъ городахъ Галичины, могли быти чимъ инымъ якъ только Русинами. Русинами надлежитъ имъ быти, но къ сожалѣнію, Русинами не всегда они бывають. И не диво; въ городахъ не помнятъ люди про Русиновъ; тамъ все идетъ на польскій ладъ. Въ старинномъ руского Льва городѣ нынѣ польское жительство, польская бесѣда, польскіи обычаи. И якъ же дѣтина руской, привезенной туда

родителями на воспитаніе, сообщаемой безъустанно съ горожанками, не приняти изъ которыхъ ихъ нравы, обычаи, особливо же ихъ бесѣду, которая, яко вѣтъ словенского языка, съ нашою столь много низетъ подобія? Не дивно, що вліяніе тое и на насъ подѣйствовало. И мы забывали уже языкъ отцевъ нашихъ. Къ счастью, сожелся я передъ двома лѣты съ Раевичемъ; разговоры, съ нимъ веденныи, отворили менѣ очи: я прозрѣлъ, взглянулъ ближе въ рускіи книги, понялъ ихъ при его помочи — и возродился тымъ, чимъ сотворилъ мене Богъ, возродился Русиномъ. Жаль только, що таковое возрожденіе рѣдко случается.”

Признаюсь, що зналъ я о спольщеніи рускиихъ городовъ, но думалъ однакожь, дабы оно могло такъ сильно вліяти на рускиихъ юношей, именно приготавливающихся къ Богословскому стану. Я уважалъ по всѣхъ моихъ старыхъ сосѣдахъ, що за ихъ временъ такъ не бывало!

Послѣ тыхъ разговоровъ бавились еще молодцы съ дѣвчатами на просторномъ подворьи въ обруча, и по добрымъ подвечерку отъѣхали съ нашимъ сосѣдомъ до Верховники. Передъ отъѣздомъ вручилъ молодой Подолянинъ Наталіи вторую часть „Вѣлика,” изданого во Вадицѣ Иваномъ Головацкимъ. Такъ и было снова чимъ забавляться нынѣшного вечера.

Про молодцевъ не говорилъ я съ дѣвчатами ничего, былъ бо увѣренъ, що въ такъ короткомъ времени не могли, еще молодыи люди добре познакомиться. Я только самъ въ собѣ утѣшался мыслію, що хоть разъ появились у насъ такіи молодцы, якихъ отъ сердца желалъ видѣти въ нашей хатѣ, которыхъ чей возмогутъ отвлечи Наталію и даже Амалію отъ пустихъ мечтаній; — и тая мысль наповала мене солодкою надеждою. Съ тыхъ поръ пребывалъ въ

душѣ моеѣ милый покой; но жаль, онъ вскорѣ сновъ возмутися.

Въ слѣдующу Недѣлю захвалъ до насъ неожиданно Панъ Долинскій съ двома Паниами, которые представилъ намъ яко свои сестрыниці. Мои дѣвчата приступали къ нимъ съ великими почестями, или лучше реку съ великою несмѣлостію. Дамы тѣмъ говорили много, а все съ тымъ высокимъ тономъ, який употребляется нынѣ на великомъ свѣтѣ. Они стали разводитися надъ пріятностями городского и скукою сельскаго житія; надъ „Вѣчнымъ Жидомъ” и иными твореніями Евгенія Си и Бальзака, надъ нововыдуманнымъ способомъ, якъ забывати скуку житія — игрою въ „виста” и пр.

Мои дѣвчата, которые о тихъ предметахъ не много знали говорить, сидѣли встыдчась своего несвѣдомства. Мимо того замѣтила одна съ Вельможныхъ Панъ, що наша Наталія отличается красотою и значительнымъ образованіемъ, которое могло бы поднестися еще на высшую степень, кобы только она ближе познакомилась съ великимъ свѣтомъ. Другая додало, що нѣсколькомѣсячное пребываніе во Львовѣ переменяло бы мою Наталю въ истинну королю салоновъ. Моя жена соглашалась съ ихъ низніями и благодарила за совѣтъ другой сердечно; къ тому прибавила она, що ничего больше не желаетъ, якъ только послати дѣвчата хоть на одну зиму до Львова.

Я не могъ сокрыти мою нетерпимость, и представлялъ достойнымъ гостямъ, що дѣвчата якъ на свой станъ и скудное наше житіе, довольно образованны, и що высшая политура (якъ выразилась одна съ Вельможныхъ) была бы только иронією ихъ убожества и возбудила бы въ нихъ желаніе за такими вещами и увеселеніями; до которыхъ они ниже имѣютъ права.

„И до якихъ увеселеній они не имѣютъ права,” спыталъ Панъ Долинскій. „они, которые столь много увеселеній подати могутъ другимъ? Що мене касается,” прибавилъ онъ, „я имѣю гроши, имѣю достатки; гасломъ моимъ: любовь, свобода и увеселенія; однакожъ, кобы запись половинны моего имѣнія принести могла красненькой Панинъ Наталіи нѣкую радость, най мене чортъ возьметъ, если не сдѣлалъ бы то для ней: и той лишь одной нагороды желалъ бы отъ ней, що бы въ додатокъ сего дару приняла мене самого.”

Такъ не свѣдомымъ не былъ я въ свѣтѣ, дабы не могъ узнати въ словахъ тихъ пустое болтанье. за которое подобныи люди стараются укрыти подлоту своихъ замысловъ: но я принужденно утлунилъ свой гнѣвъ и съ видомъ ураженнаго достоинства проговорилъ слѣдующія слова: „Ласкавый Пание! родина, которую вы посѣтити благоизволили, дорожить честію своею не меньше васъ. Всякое покушеніе, дабы славу ей оскорбити, могло бы повлечи за собою опасныи наслѣдства. Честь вельможный Пание, то все, що еще нынѣ намъ осталось. и тое послѣднее сокровище должны мы беречь съ подвоенною старанностію!”

Панъ Долинскій казался вовсе не ураженнымъ тыми словами; онъ вопреки подалъ мнѣ по дружески руку и похвалилъ мою великую ревность въ томъ случаю, где идетъ о славу моей родины; замѣтилъ однакожъ, що мое недовѣріе къ нему несправедливо, понеже мысль подобная ниже повстати бы могла къ благородномъ его сердцу.

Сестрыниці Пана Долинскаго стали потомъ весьма многорѣчиво толковать про дѣвочу славу, и высокопарныи слова ихъ не дуже мнѣ подобались, казали бо ся или выученными или не подходящими отъ непо-

рочного сердца! Но жена и неопытные дѣвчата пріймали все то за добрую монету.

Къ вечеру попрашали насъ вельможными гости и просили, абы дѣвчата наши сѣли съ ними до повоза. и сопровождали ихъ хотя черезъ село. Дѣвчата не были отъ того; но я пропзнесъ за нихъ нѣсколько извиненій, которыя и они самы узнали маловажными; то розсердило мене, и я по просту отказалъ просьбѣ вельможныхъ, за що сего же вечера и на другій день снести долженъ былъ неудовольство и однословный отвѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

АФОРИСМЫ

о народной словесности

(соч: Туранъ)

I. Народная мова.

Вола рогами, человекъ словами . . .

А человекъ и человекъ бесѣдою . . .

Чимъ краснѣе будешь говорити, тѣмъ та будутъ просвѣщенѣйшимъ человекѣмъ почитати.

И что скажется о одномъ лицу, то само будетъ говоритись и о всемъ коимъ либо народѣ.

А и мы Русины народъ, и о насъ можетъ нѣчто сказатись . . . не лучше будетъ, коли въ передъ сами о себѣ будемъ сказывать . . . въ передъ приукрасимъ собственный дворѣкъ, чтобъ насъ входящій чужоземецъ не осудилъ . . .

Досыть насъ судили . . . досыть учили куда путь въ горохъ! . . . а мы познали куда путь до словеснаго просвѣщенія.

И что намъ осталось? . . .

Нѣсколько книжонокъ, на коихъ ломимъ голову, чтобъ разумѣти ихъ — днесъ завтра было уже и мовы отрекати ся матерныя, —

учитись ей мало, а образывать ю никто не хотѣлъ . . .

Но она однакомъ осталась.

И теперъ приходитъ намъ пора, поиматись до ней, безъ которой всегда только останемъ *amphibium*, кое днесъ червакъ, завтра бабка, позавтру приберется иными барвами и будетъ мотыль, а на четвертій день останеть *progenies nos vitiosior* . . .

Такая по крайней мѣрѣ судьба наша, ежели до народнѣй мовы не поймемъ и движеніями ея движеніе словесности, и побѣду просвѣщенности не произведемъ.

Но гдѣнъ найдемъ поприще, на коемъ бы можно выступити и боротись съ чужездушнымъ провинціализмомъ словеснымъ?

Гдѣ найдемъ великій словарь для словесности, который намъ не слова еще, но и предѣлы употребленія ихъ выявитъ?

Гдѣ найдемъ источникъ, съ коваго неоскудѣваемо почерпывать будемъ вещество нѣкое — якбы оливу — на непрерывное блестаніе просвѣщенія словеснаго?

И поприще — и словарь — оливу найдемъ въ литературѣ.

II. Литература.

Что есть то за чудо?

Есть ли то орелъ, который летитъ прямо до солнца, и летитъ до высоты человекѣ не дозримой? . . .

Нѣтъ. Литература не двигается выше людей, и блескъ свой вмѣсто блистательныхъ солнечныхъ лучей зѣ темныхъ комнатъ, спорошенныхъ музеевъ, и отъ однихъ малоцѣнныхъ свѣщи получаетъ . . .

Естьли то ачей золото, кое богато, и цѣнно, — и можно ли нимъ даже цѣлаго человека покупити?

Нѣтъ. — Литература не есть только про богатаго, якъ золото, — и нею не бу-

дешь скоро богатымъ. хотя банкротировати можешь . . .

Что же за чудо она?

Зри тамо!

Зри тое поле великое, и пространное; предѣла нѣтъ! Где поглянешь, цвѣтъ и опять цвѣтъ . . . Но зри, се приходитъ двое твореній животныхъ. Одно летитъ рыбами крылами — другое маленькое и презрѣнное двигается на маленькихъ крыльцахъ а третье спускается съ былинки на былинку.

Зри дальй!

Тыя три творенія животная становятся на цвѣтахъ, и кушаютъ ароматы ихъ. . . равное лакомство, равнымъ плоды земли, и коли повертаютъ домовъ то несетъ пчелка сладкій медъ . . . паукъ горкій ѣдъ отравы . . . а пестрый мотиль якъ пришолъ такъ пусто ссалъ . . .

И то есть Литература! —

Есть поле на коимъ можно плодоти, обробляти, производить чудеснымъ цвѣты, — творити и творитись — и сберати медъ или ѣдъ, даже и порожнюю позостати голову; рыбами чужими барвами обвито . . .

Не есть иначе!

Литература есть термометромъ одного народа, якъ загорода есть примѣромъ одного скородника, — но якъ одна загорода множествомъ былинъ и растѣній обсажена есть школою для лѣкаря: такъ литература должна быти такою и школою для народа, — термометромъ просвѣщенія его.

Гдежь тая школа для насъ?

Где тая загорода для русина?

Термометеръ для насъ весьма низенькимъ показываетъ степени . . .

Но тьма отидеть, и приблизится царствіе литературнаго свѣта и литературнаго свѣтла . . .

ИЗВѢСТІЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ

Межи давнѣйшими книгами рускими на особлившу увагу заслужуетъ книжочка напечатана въ Львовѣ року 1591. подъ заглавіемъ: Аделфотисъ. Грамматика доброгоговлаго Еллино — словенскаго языка. Совершеннаго искусства осми частей слова. Ко показанію многоименитому Россійскому роду. Во Львовѣ вдрукарни Братской. Року 1844. Далѣй на сторонѣ 5. „Грамматика сложенная отъ различныхъ грамматикъ, спудейми (студентами) иже въ Львовской школѣ. Всѣхъ листовъ 182. или сторонъ 364. типою неозначенныхъ; въ маленькой осмусѣ. Бетъ — то найцѣрша Грамматика на русской земли, а особливо въ Львовѣ головномъ мѣстѣ восточной Галичины напечатана, о которой вже упоминано въ Памятнику Львовскомъ 1816. Том. I стор. 119, подобие Іосифъ Дубровскій во своѣй Словенской Грамматикѣ во Вѣдн р. 1822. друкованой, на стор. LVII ведля Алтера и Форт. Дурича о ней нагадуетъ, же выраженія техничскія съ этимологіи греческой до русскихъ Грамматикъ введены. Денисъ Зубрицкій во своѣй книжочкѣ: О друкарняхъ Русско — Словенскихъ Львовѣ 1836. на стор. 16 а Самуилъ Богумиль Линде во своѣмъ начертаніи Исторіи Словенности руссійской ведля Греча. Варшава 1823. стор. 55. 56. такожъ о ней дещо пише хотя еи не малъ въ рукахъ. Находятъ ся же съ того изданія два экземпляри (такъ думаю:) итѣю ихъ передъ собою: одинъ цѣлкомъ добре сохраненъ безъ наименьшого вреда, съ подписомъ, же належалъ колісь — то до ученого Іоанна кавальера Могилиницкого; а другій съ передо немающій 8. а съ конца 3. листовъ, котрыя постаралъсь съ добре сохраненного переписать. Тотъ экземпляръ итѣль колісь — то належати до Бібліотеки монастыри Лавровского въ окрестѣ Самборскомъ. теперь оба экземпляри суть достояніемъ Бібліотеки Всечестивѣйшого руского крылоса Пережмского. Денисъ Зубрицкій опровергаетъ во Памятнику Львовскомъ мнѣніе Іосифа Дѣржковского. утверждающаго, якобы таковая въ четвертѣ напечатана была, та доказуе, же во осмусѣ малой была издана, бо неподобна, щобы одного року двое изданій могло при такъ маломъ запасѣ греческихъ буквъ, наступити, котрый — то недостатокъ и настоящее изданіе лишь по полъ аркуша друковати силувалъ; — но мнѣтъ ся въ числѣ листовъ не означенныхъ печатію, числячи ихъ лишь на 169. коли каждый листъ пискомъ означенный не допускае жадного сомнѣванія ся, же ихъ всѣхъ на всѣхъ есть 182;тому о 13. больше. Самуилъ Линде во своѣмъ начертаніи

російском Словесности сокивсясь, щобы та Грамматика Славено-Греческая могла быти уложенъ спудейми, т. е. студентами Львовской школы, лишь идучи за нѣвнѣмъ усопшого Модеста Гриневецкого, котрый таковий ексемпляръ нѣвъ, та быти може, Іоанну Могильницкому тотъ оступити могъ,— утверждае справедливо, же она есть плодомъ учителя той школы Арсеня Митрополита Димонитского и Еласонского; такъ бо во предисловію до той Грамматики сказано: „Понеже святѣйшій патріархъ великія Антіохія Божія града, киръ Іоакимъ во Богохранимій градъ Львовъ прійде, р. 1791 мѣсяца генуарія, увидѣже нераденіе о исправленіи въ роскомъ родѣ; совѣтова сія изряднѣ полезнѣйша быти: Братство, школа, и друкарня, и ко вселенскому патріарху о сихъ возвѣсти. Въ то же лѣто, мѣсяца юнія, отъ вселенскаго патріарха ексаршески прійде Митрополитъ Димонитскій и Еласонскій киръ Арсеніе; иже школьное ученіе наченъше пребытъ зде во градъ Львовъ уча двѣ лѣтъ. Всесвятѣйшій же вселенскій патріархъ киръ Іеремія привилейнимъ писаніемъ своимъ отъ Константинополя вся сія укрѣпи; таже и самъ зде во страны російскія пришедши року 1791 мѣсяца мая, совершилъ неразрушию и неподвижно во вся роды симъ такъ быти повелѣ; школу и книги всякаго наказанія по православію друковати братству утвори.— Таже и архієпископъ всея Россіи, митрополитъ Кіевскій и Галицкій Михаилъ (Рагоза) его же во пришествіи свое вселенскій патріархъ киръ Іеремія рукоположеніемъ своимъ соверши, соборне сія укрѣпи.“— Кромѣ сего предисловія, доказуетъ ще и печать на остатной сторонѣ Грамматики изъображенна, въ котромъ серединѣ нѣа Арсенъ выразне читати можъ; оже на листку 5. поставленныя слова спудейми иже во львовской школѣ, разумѣти подобае: попеченіемъ или тѣнаніемъ тихже. Въ тоє самое время заложена была и Академія Кіевская, котра въ самомъ дѣлѣ больше, нежели школа львовская до просвѣщенія цѣломъ загальнои Руси причинялась и во своємъ блеску до нынѣ существуетъ. Грамматика що по описана ведля нѣвнѣа ученого Модеста Гриневецкого и другихъ добре языкъ греческій выкладающая, причинялась и до образованія руского языка во обще, толкуючи по правой сторонѣ все греческое на лѣвой выложене; тому выраженія техничскія рускія во употребленіе ведля етимологій греческомъ вошли, котрыя до сихъ поръ по цѣлой Руси грамматическыи выраженіи за основаніе служатъ и для того самого ведля організаційного плану австрійского

для Гимназій зъ р. 1849. стр. 123. захвалени суть. Сило теперь можемо гордиться титъ же Львовъ во томъ взглядѣ випередилъ Кіевъ, сталъ ся образцемъ во терминологіи руской и возбудилъ зависть нашихъ соревнителѣ; понеже р 1591. Акваіва генералъ изуитскій зъ Риму прислалъ Маттіа Латериу и Каспра Нагя для взнесенія школы польской во Львовъ. Сія грамматическія выраженія суть слѣдующія: писмо (бува), гласныя, съгласныя, полгласныя, слогъ; нѣа, существо, свойственно или обще знаменуемо; мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе, союзъ, родъ мужескій, женскій, средній, общій; число единственное, двойственное, множественное; падежи: именовой, родимый, дательный, виновный, склоненіе (склопеніе), видъ первообразный, производный, правило, числителныя именна; степени: налагаемая, разсудительная, превосклонна; умалительное нѣа; лице, указательное мѣстоимя; залогъ, супружество, изложеніе (наклоненіе): изъявительное, побелительное, молитвенное, подчинное, необавное; залогъ дѣйственный, страдательный, средній, общій или посредственный, огложный; время настоящее, миношедшее, протяженное, пресъвершеное, непредѣльное, будущее, безличный глаголъ, непредѣльный глаголъ, вынѣтіе, сочиненіе, строптивый глаголъ (апоталц), оксія, варія, облеченная, соединительная —¹— Отъ! маєте ко вѣчнои памяти сія во Львовѣ, сля Арсеній не выѣлъ добре по руски, цевне студентами толкованыи выраженія грамматическія. — И ктои нѣми выѣ цуратясь дерзнуть? та яко изъ за границъ привезенныя осуждати? — Лаврентій Зизаній 1596, Мелетій Смогирскій 1618 (употребляють тихъ выраженій, и таковыя по Руси роспространили. — Сля недовѣдаєтъ ся зъ періодическихъ писмъ, чи ще доякій ексемпляръ того изданія не находится, котре то съисканіе недостатковъ першихъ и послѣднихъ листовъ утрудняеть, во истинну было бы славы достойно мужа ревнителя; тую грамматику для общои вѣдомости въ наше время перепечатати. Видобунаймо тому всѣ древніи писменности памятники и подаваймо ихъ до всеобщои вѣдомости. —

Іосифъ Лѣвицкій.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЬНЫИ И ГОСПОДАРСКІИ.

— Коли сляти, рано чи поздно? Касательно того вопроса и найопытѣйшимъ господарямъ неогласны; одни совѣтуютъ орати подъ яровъ збѣжи

уже въ половинѣ Марта (разумѣется, если можно), другіи думаютъ сдержаться, пока не прилетитъ до села первая ластовка. На которой же сторонѣ правда? По нашему мнѣнію не дается о часѣ перваго оранія ніякое общее правило установить; то бо зависло отъ погоды вообще, а потомъ отъ весенней мокроты въ особенности. Два суть доказательства, которыя произношены бывають во пользу ранняго оранія; во первыхъ, понеже по обыкновенной зимѣ (т. е. если было довольно снѣгу) при ранномъ за- сѣвѣ не бракуетъ сѣмянъ потребной мокроты, когда во прѣки позній орачъ часто вздыхаетъ за дож- демъ и не можетъ его дожидаться. Другое доказа- тельство: що при ранномъ ораніи трудъ земледѣ- лическій раздѣлится лучше, нежъ если тое останется на послѣднее время. Доказательства тѣмъ имѣють въ собѣ много правды; часто бо замѣчаемъ, що яровъ збоже, рано засѣянное, отличается густотою колосья, красотою и полнотою зерна, когда напротивъ поздно засѣянная рожь, не выдаетъ богатаго плода шо иногда случается въ слѣдствіе поспѣшности въ работѣ и не- достатку потребной мокроты. При томъ однакожъ до- лати нужно и то, шо при доброй погодѣ красныи бы- ваютъ и поздныи засѣвы, когда межи тѣмъ ранныи, если потомъ придуть морозы, бывають неудачныи. Такъ и тутъ будетъ середняя мѣра наилучшая.

ОТВѢТЪ РЕДАКЦІИ ЗОРИ Г. НА ВПЫ- НУВШІИ КОРЕСПОНДЕНЦІИ.

*Благородному. Г. Тур. зъ Гомон. засыла-
етъ Редакцію за надосланныи сочиненія. Пов. По-
дат. будемъ въ состояніи по не долгомъ вре-
мени издати по Лаб. позднѣе. — Пс. встрѣтятъ
трудности не изъ стороны Редакціи но изъ икон;
про тое сомнѣваемся о изъ помѣщеніи. — Впро-
чемъ соглашався во всемъ, шо Ваше Благородіе
предложили и будемъ усильно старатися ожа-
даніямы удослестворити.*

— Г. М. Окуф. въ Тарнополи извѣщаемъ за
додержаніе слова благодарность. Надосланое со-
чиненіе всѣ наши повитали чувствительно. — Ско-
ро надослѣте еще прочіи части начнемъ помѣ-
щати вашъ трудъ. Съ вторымъ вопросомъ согла-
шався и просимъ для блага общаго приступитъ
до дѣла. — Замѣчаемъ шо Вы вельми добре собѣ
поступили съ надосланнымъ сочиненіемъ. — Зда-
ется намъ, шо бы не эле было такъ и съ дру-
гимъ поступати а даже и икон заглавіи оному
дати и совершенно до нашихъ сторонъ и обсто-
тельствъ отнести. Но Вы наилучше понимаете
и дѣлайте по своему чувству и расчету. —

(Слѣдуетъ Прилога Поученій Церковныхъ Число 5).

В Относительно до воззванія зъ дня 18го Лютого (2. Марта) т. г., въ которомъ
изъяснено было заданіе нашего письма и росчотъ меже нами и Вч. пренуме-
рантами пригадуемъ, шо для тыхъ Вч. Г. предплатителей, которымъ еще черезъ
мѣсяць Мартъ належалася Зоря Галицкая изъ минувшого года, начинаеся
предплата отъ 1го Цвѣтня т. г. по латинскому мѣсячочисленію. Про тое про-
симъ, чтобы Г. Пр. прислали скоро предплату на Зорю, бо онакше не змо-
жемъ розмѣрити накладъ нашего письма. Если бы кто хотѣлъ отъ перваго Мар-
та получить наше письмо, то будетъ ласкавъ за Мартъ 30. крайнаровъ м. к.
додати. При той случайности неможемъ тое замолчати, шо первыи родины
наши изъ многихъ сторонъ приславши принумерату изъявили искренне свое
удовольствіе изъ нашего предпріятія. Тое будетъ всѣмъ намъ правдивымъ по-
ощреніемъ до дальшого труда, абы наше письмо сдѣлати чинъ разъ полезный-
шимъ и занимательнымъ. —

Издаваніемъ и типою Института Ставропигіянскаго.
Отвѣтательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевичъ.

ЗОР ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Надается еженедѣльно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверточню получить платятъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛАВА ВО ВЫШНИХЪ БОГУ!

Стихъ, во память совершеннаго выздоровленія Его
Величества нашего Цѣсаря Францъ Іосифа.

Слава во Вышнихъ Богу слава!
Веселіе странѣ родной!
Благоволеніе и покой
Тебѣ, Австрійская держава!

Нашъ юный Цѣсарь, нашъ Владѣтель
Сновь мощный, крѣпкій и здоровъ;
И съ Нимъ владѣтъ миръ, любовь
И благочестъ, и добродѣтель.

О дай Ему, Всевышній Боже!
Во многи лѣта сильну власть;
А всѣхъ враговъ и всю напасть
Ты розжени на бездорожье.

И дай Ему всю мощь правленія,
Здоровье, крѣпость юныхъ силъ,
И славу, щобъ вѣкъ прослылъ
Усердіемъ благоволенія!

А мы и вся Его держава
Молитись будемъ всякій часъ:
„Помилуваъ Всевышній насъ,
Слава во Вышнихъ Богу слава!“

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ. *)

Начатки перваго Епископства въ отече-
ствѣ нашемъ совпадаютъ почти съ началомъ

основанія Перемышельско-Галицкаго Кня-
жества. для того скажемъ здѣсь нѣсколько
словъ о первоначальномъ образованіи того
отдѣльнаго гусударства, составляющаго нынѣ
большую часть Королевствъ Галиціи и
Владиміріи. Первый зародышъ упомяну-
той державы состоялъ исперва изъ Пере-
мышля, Червеня и другихъ городовъ, сего
достоянія Св. Владиміра (981). и принадле-
жалъ ко Владиміро-Волинской области. Такъ
городъ Владиміръ, какъ и находящаяся въ
немъ Епископія была основана Св. Влади-
миромъ, въ второй половинѣ X. столѣтія и,
если станемъ вѣрнѣе позднѣйшихъ преда-
ніямъ, самъ сей Равноапостольный князь, во
сопровожденіи двухъ Епископовъ, отпра-
вляясь къ берегамъ Днѣстра, очистилъ во-
дою Св. купели Христовой всю южнoзaпaд-
ную нашу Русь. Преподобный Несторъ раз-
сказавъ подробно крещеніе Князя Влади-
мира, не говоритъ намъ ничего съ обсто-
ятельностью о крещеніи земли русской, огра-

*) На желаніе вsp. Автора умищаеъ сію статію
безъ всякаго отмаъны. Понеже прибыло многихъ
пенушерантовъ новыхъ, которы не нивють
Зори изъ минувшаго года, того ради для нѣ-
лостн начинаеъ отъ отдѣльнаго параграфа, по-
слѣдующа изъявленію многихъ нашихъ чита-
телей. —

начинаясь однимъ замѣчаніемъ общимъ: „и нача (Владиміръ) ставити по градамъ церкви и попы и люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ” (Лавр. Лѣт. 83).

Съ времени просвѣщенія земли нашей святымъ Евангеліемъ Христова, подчинялась она духовному вѣдомству Владимірскихъ Святителей. пока съ разширеніемъ предѣловъ нашего отечества и умноженіемъ послѣдователей Христовыхъ въ немъ, не явилась потреба отдѣльнаго, мѣстнаго Епископства. Въ городѣ Владиміръ, какъ княжеской и Святительской столицѣ, исперва господствовали сыновья Св. Владиміра Всеволодъ, Святославъ, убитый окаяннымъ Святополкомъ, за котораго господствованія заняты были Червенскіе города Болеславомъ Храбрымъ, но Владиміровичи Ярославъ и Мстиславъ присоединили ихъ снова съ русскою державою (1031 г.) Послѣ кончины В. К. Ярослава (1054) достался Владиміръ на долю младшаго сына его Игоря, который по томъ посаженъ былъ братьями своими въ Смоленскъ, упраздненный смертію Вячеслава (1057). Ростиславъ сынъ старшаго Ярослава, Владиміра князя Новгородскаго (скон. 1052), въ слѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ быть сонаслѣдникомъ съ дядьми, которые однако послѣ перевода Игоря въ Смоленскъ дали ему городъ Владиміръ. Тойто князь Ростиславъ былъ славнымъ родоначальникомъ первыхъ нашихъ Перемышльскихъ, Теребовельскихъ и на конецъ Галицкихъ Князей. Но Ростиславъ, недовольствуясь данною себѣ дядьми волостью, покинулъ семейство во Владиміръ и бѣжалъ въ Тмутороканъ въ 1064. году. Городъ Владиміръ оставался теперь въ вѣдѣніи его дѣтей: Рюрика, Володара и Василька, подъ покровительствомъ Вк. Изяслава и Святослава, до 1078 года; первый

изъ нихъ вывелъ даже князя Олега Святославича изъ Владиміра, когда онъ хотѣлъ завладѣти упомянутымъ городомъ. По кончинѣ В. князя Изяслава, принявъ старшинство въ русской землѣ, братъ его Всеволодъ, и распоряжая въ ней, отдалъ онъ Владиміро-Волинскую область племяннику своему Ярополку Изяславичу съ придачею Турова (1078), что было поводомъ къ долгимъ усобицамъ: ибо такимъ образомъ Вк. Всеволодъ лишилъ наслѣдства такъ трехъ нашихъ Ростиславичей, какъ Игоревичей, Давида съ братомъ, которы всѣ видѣли въ Владимірской волости свою отчину. Ростиславичи исключены изъ Владиміра, поселились теперь въ Перемышль. и можетъ быть, что самъ даже Вк. Всеволодъ, надѣлая Ярополка Владиміромъ, отступилъ имъ Перемышльскую волость, награждая новаго Владимірскаго князя, за тотъ убытокъ на югозападѣ, съ востока придачею города Турова. Сидя въ Перемышль, ожидали Ростиславичи только надобнаго времени къ отисканію своей отчины, и пользуясь отсутствіемъ князя Ярополка, бывшаго въ Кіевѣ у дяди; отняли у него городъ Владиміръ (1084 г.): но В. князь послалъ на нихъ сына своего Владиміра Мономаха, который опять возвратилъ Ярополку отнятый ему городъ. Ярополкъ Изяславичъ однако не княжилъ долго въ Владиміръ, ибо В. князь Всеволодъ, надѣливши теперь Давида Игоревича Волинскимъ городомъ Дорогобужемъ, чтобы онъ не беспокоилъ греческую торговлю, озлобилъ тѣмъ поступкомъ Ярополка, видѣвшаго въ томъ намѣреніе Всеволода, уменьшенія его Владиміро-Волинской волости (Лавр. Лѣт. 88. Кенігсб. Лѣт. 128); и когда Ярополкъ стался вооружати противъ В. князя, Всеволодъ отправилъ снова сына своего Мономаха противъ нему. Ярополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Мономахъ отдалъ Вла-

дмѣръ Давиду Игоревичу (Лавр. Лѣт. 88). Изгнанный Волинскій князь увидѣвъ, что отъ Польши, ослабленной внутренними волненіями, ожидать ничего, примирился съ В. княземъ и Мономахъ въ имени отца своего возвратилъ Ярополку Владимѣръ. Съ приниженіемъ Ярополка съ дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича; ибо первые не могли быть спокойны въ городахъ Червенскихъ, видя союзника Польши снова на Владимѣрскомъ столѣ, который Давидъ принужденъ былъ уступати Ярополку. Но они не гнушались теперь злодѣйствомъ освободиться отъ Ярополка: на дорожѣ отъ Владимѣра къ Звенигороду (нынѣ деревня Бережанскаго округа) несчастный князь пораженъ убійцею, который убѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу (1086). В. князь не хотѣлъ оставить сего братоубійства безъ наказанія, и ходилъ еще сего года на Рюрика къ Перемышлю, но походъ его кончился на ничѣмъ (Лавр. Лѣт. 89): Ростиславичи остались въ Червенскихъ городахъ, а Давидъ сталъ опять княжити въ Владимѣръ.

Такимъ образомъ подызли Ростиславичи съ Давидомъ Игоревичемъ прежнюю Владимѣро-Волинскую волость, на два отдѣльные княжества, съ столицами Владимѣромъ и Перемышлемъ.

Послѣ кончины Перемышельскаго князя Рюрика (1092) раздѣлились оставшіеся братья его Червенскими городами, — Володаръ сталъ княжити въ Перемышль, а Василько въ Теребовли, которые города призналъ за ними В. князь Всеволодъ послѣднимъ своимъ распоряженіемъ (1093). На основаніи того же великокняжескаго Всеволодова распоряженія, на первомъ съѣздѣ въ городъ Любечъ, собравшіеся князья съ общаго согласія, утвердили за Володаромъ Пе-

ремышль, а за Василькомъ Теребовль (1097). Мужественный Володаръ, даже послѣ ослабления Василька, и оттуда произшедшей у-собицы за Владимѣрскую волость, а оконченной на съѣздѣ въ Витичевъ (1101), удержалъ за собою Перемышль и Теребовль, вопреки рѣшенію соединенныхъ князей: но Владимѣръ былъ отнятъ у Давида Игоревича, какъ виновника всѣхъ тихъ смутъ и ослабления Василька, и достался Ярославу сыну В. князя Святополка. Непокойный Ярославъ, по смерти отца своего, былъ изгнанъ изъ Владимѣра Ростиславичами и В. княземъ Мономахомъ, который исперва посадилъ въ немъ сына своего Романа зятя Володара, а по кончинѣ его другого сына Андрея (1118). Поляки покровительствуя, убѣгшаго къ нимъ Ярослава, возбудили на себя нелюбіе В. князя Мономаха, отправившаго сына своего Андрея изъ Владимѣра воевати Польское порубежіе (1120). Въ слѣдующемъ году явился снова Ярославъ съ Польскою помощію подъ Червенемъ, но былъ отраженъ. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли ничего взять силою, рѣшились Поляки дѣйствовать лукавствомъ противъ, заклятыхъ своихъ враговъ — Ростиславичей: Володаръ былъ схваченъ тайно и уведенъ въ плѣнъ въ Польшу (1122), а Князь Василько долженъ былъ истощити почти всю казну Перемышельскую, чтобы выкупити пленнаго своего брата. Въ 1123 году, Ростиславичи выступили еще въ послѣдній разъ, принуждены своимъ положеніемъ, съ войсками Венгерскаго и Польскаго Государей, на помощь Ярославу добывать Владимѣрскаго стола, но когда Ярославъ былъ убитъ подъ стѣнами Владимѣра, выскочившими изъ засады двумя Поляками, союзники его, не имѣя уже болѣе цѣли, примирились съ Андреемъ и возвратились домой (Ипат. Лѣт. 9).

Скоро потомъ приставились Володаръ и Василько Ростиславичи (1124), оставивъ потомству своему никакъ уже неоспориваемо право наслѣдія владѣемыхъ ими областей. Самый славнѣйшій изъ сыновей ихъ былъ старшій Володаревичъ — Владиміръ или Владимірко, по своему характеру, совершенно въ уровень своему затруднительному положенію. Окруженный со всѣхъ сторонъ соседями гораздо сильнѣйшими его, далеко отошедшій отъ господствующихъ линій на Руси, Владимірко только въ необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбрании средствъ, игрѣ договорами и клятвами видѣлъ свое спасеніе и силу. Со временъ Владимірка становится исторія нашего отечества уже яснѣе и опредѣлительнѣе, особенно, когда по смерти двоюроднаго брата своего, Іоанна князя Теребовельскаго (1141), мужественный Владимірко, соединилъ въ одно государственное тѣло всѣ три подчиненныя себѣ области т. е. Перемышельскую, Звенигородскую и Теребовельскую. избравъ для онаго Галичъ на рѣцѣ Днѣстрѣ, столичнымъ городомъ. И такъ стался Владимірко первымъ настоящимъ Галицкимъ Государемъ, государствуя почти независимо, въ сравненіи съ прочими русскими князьями, надѣ довольно пространнымъ Государствомъ, т. е. отъ горъ Карпатскихъ и рѣки Дунайца ко верховьямъ обоихъ Буговъ, а на югъ даже до устья Серета и Прута. И такую обширную укрепленную державу оставилъ Владимірко сыну своему и единственному наслѣднику, знаменитому Ярославу Осмомыслу, о которомъ воспѣлъ пѣвецъ о полку Игоревѣ: что онъ, сидя на златокованномъ престолѣ, загородилъ путь (Венгерскому) королю, отворилъ врата Кіеву, и кидая тяжести чрезъ облака; правитъ суды даже до Дуная!

На томъ окончиваю я мой краткій очеркъ основанія и возвращенія Галицкаго княжества дозволивъ себѣ какое отступленіе отъ предмета единственно для лучшаго его изясненія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повѣсть, нимъ самымъ написанна.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Второе посѣщеніе Пана Долинскаго за- было совсѣмъ голову моею Наталіи. Похвалы, якіи наслушалась она то отъ него самого; то отъ его сестренницъ льстили ей самолюбію, которое якъ ствержено опытомъ у дѣвчатъ бываетъ въ большей степени, чѣмъ у молодцевъ. Пріймется ли она за яку работу; все то не идетъ во складъ; поидетъ ли въ огородъ, то все задуманна, що и не слышитъ, когда ю кличутъ до стола. Таково безъумно состояніе ей погоршилось еще, когда однажды заблукалась къ намъ знахарка — Цыганка, котора выворожила ей, що не пройдетъ годъ а она выдастся за Дѣдича. Къ тому стало все село говорити про любовь Вельможнаго Пана къ моею Наталіи. И такъ она влюбилась; — а менѣ сердце рвалось; бо видѣлъ всю пронасть, яка ей грозила, а не могъ ю, ни же- ну мою о томъ удоговорити. У нихъ былъ преобладающимъ несчастливый нравъ: руская легковѣрность! Признаюсь, доверчивъ былъ и я, но не въ такъ высокой степени, и долговременныя опыты научили мене яко тако познавати людей по словамъ ихъ или обхожденію. Одною потѣхою было для мене то, що отъ нѣякого времени сталъ частѣйше посѣщати насъ веселый соседъ изъ Верховинки съ своею родиною и знакомыми молодцами. Хотя моя Наталія при-

нимала сердечныя израженія юного Подолянина съ нѣкимъ хладнокровіемъ; но онъ не терялъ отваги, и оказывалъ ей все больше и больше наклонности.

Сближался день св. Петра и Павла, и честный сосѣдъ изъ Верховинки запросилъ насъ всѣхъ — не исключая и Пана Раевича — до себе на праздникъ. Мои дѣвчата готовились къ празднику цѣлу недѣлю, бо дождались, що будетъ тамъ и Панъ Долинскій съ своимъ дворомъ. Въ павахиду св. Первоапостоловъ пріѣхалъ и нашъ любезный сынъ Романъ, совершившій тогда гимназіальный классъ, изъ Львова на вакаціи. Изъ того была радость велика: разъ понеже привезъ онъ намъ письмо отъ Льва, во вторыхъ, понеже въ нашихъ сторонахъ былъ обычай такий, що приходники съѣзжались на праздники къ сосѣдамъ съ цѣлою родиною. У мене не доставало вправдѣ найстаршого сына Льва, но тотъ былъ уже тогда на своемъ. Писалъ онъ къ намъ, що захалъ на мѣстце своего учительскаго дѣйствованія въ Угорщинѣ здоровъ и все ведется тамъ ему счастливо, и только тужно въ сердцѣ за родиною и Панною Юлією.

Другого дня по свершеніи священныхъ обрядовъ въ нашей церкви повѣхали мы двоиа брѣчками на праздникъ до Верховинки. Панъ Раевичъ сопутствовалъ намъ на своемъ ворономъ. Въ Верховинцѣ засталъ мы численное собраніе гостей: въ большей части священники съ своими родинами съ которыми честная хозяйка вскорѣ насъ познакомила. Столъ былъ уже накрытый, ждано только еще на Пана Долинскаго. Межъ тѣмъ забавлялись мы разговорами, преимущественно о сеголѣтнемъ урожаѣ. О трехъ часахъ по полудни надѣхали наконецъ Панъ Долинскій и его сестрыниці. Обѣдъ былъ весьма вкусный и тревалъ около полтора часа. Во время обѣда болтали дворскія дамы

про всякую всячину, и не давали даже прійти къ бесѣдѣ старшимъ, достойнѣйшимъ лицамъ. Иногда только прерывалъ щебетанье ихъ Панъ Раевичъ, который одинъ осмѣлился приличнымъ образомъ противорѣчить нѣкоторымъ ихъ ложнымъ вѣстямъ или понятіямъ. Однажды протялъ онъ нѣтъ дуже разко за то, понеже высказали нѣку великиа благородную и всему обществу изъ добрыхъ дѣлъ извѣстную Графиню, будь то она по цѣлымъ днямъ такъ прилично читаетъ въ набожныхъ книгахъ, що ажъ ослабла, и хотя не стара, а уже не обходится безъ окуляровъ, въ которыхъ женщины дуже не пристойно.

„Пристойно, или не пристойно,“ сказалъ Раевичъ, „а таки лучше женщины читати хоть бы на ослапѣ священныхъ книгъ, чѣмъ клеветати на побожныхъ.“

Дворскія дамы попекли раки и замолкли, якъ бы ихъ не стало. Изъ лицъ многихъ, вычиталъ я при той способности, що дуже возмущились противъ дерзости Раевича; но мужичины радовались въ духу надъ тою его побѣдою.

Панъ Долинскій, желая укореніе своихъ сродницъ задогодити, сталъ хвалити честнаго господара дому за доброе угорское вино; но узрѣвши при томъ, що я выпорожнилъ свой стаканъ вина, сказалъ съ насмѣшкою: „Панъ Отецъ изъ Соломянки хорошо знаетъ подданныхъ моихъ отводить отъ горѣлки; но не смотря на то, самъ душкомъ испиваетъ стаканъ добраго вина.“

Принимая то за жартъ, отвѣтилъ я, що не отводилъ бы такъ усиленно, кобы прихожане мои столько же пили горѣлки, сколько я пью меду или вина. Честный додалъ къ тому, що доброе вино не мутитъ голову якъ простая горѣлка; оно только розгрѣваетъ сердце, которое, по его мнѣнію, чѣмъ теплѣйше, тѣмъ лучше.

„Признаюсь,” сказалъ потоку Панъ Долинскій, що вовсе не понимаю, для чего священники, особливо рускіи, съ такою ревностію отводить хлопа отъ напитковъ; когда правду сказавши они сами на томъ много страдаютъ.”

„Яко,” спросилъ я, „священники страдаютъ, если стадо ихъ живетъ по тверезому; если неблагонаправленные люди устаютъ злодѣяти? Также Господь Богъ радуется надъ кающимся грѣшникомъ, и чему жъ намъ не радоваться надъ сокрушеннымъ сердцемъ нашего брата?”

„Высоко оцѣню ваши слова, благородный Отче!” сказалъ Панъ Долинскій, „и со всѣмъ съ ними соглашаюсь; но такъ потребно уважать и на себе. Пока хлопы пили, были добрыи времена; были достатки у Пана и у священника; теперь хлопы перестаютъ пить, и всѣ нарекаютъ на злыи часы. Откуда то происходитъ? ото, простой хлопъ, когда устаетъ пить, незная, и для того и не требуя ніякихъ выгодъ житія, стается скупцемъ, и гроши скрываетъ въ землю: уже наслушался я повѣстей о такихъ хлопахъ, которые присягая на воздержанность, присягали за разомъ себя въ души, излишніи гроши въ земли закопати; и отъ, тѣхъ ради позакопыванныхъ грошей для другихъ бѣда и злыи часы! Инакше было, когда хлопы пили; тогда не скупили они ни для Пана, ни для Пана-Отца, ни для корчмаря, который такожъ потребуеть жити. Сердца ихъ были теплѣйшими, — а що жъ лучшого въ свѣтъ, если не теплое сердце, якъ сказалъ милый нашъ господарь, въ егоже здоровіе за то пью сію чашу, и кто его любить, выпьетъ со мною!”

Всѣ гости поднеслись изъ мѣсть и пили во здоровіе господаря, который поблагодаривши ихъ за то красненько, сталъ говорить о погодѣ, желая тѣмъ дѣломъ запо-

бѣгти мою отвѣту на безсмысленныи слова Пана Долинского. Было то въ прочемъ разумно съ его стороны, бо моимъ отвѣтомъ былъ бы можетъ розсердился Панъ Долинскій, отъ того возстада бы соперечка, можетъ и свария великая, и такъ нынѣшній праздникъ закончилъ бы ся былъ не весело. Съ той только причины не перебивалъ я уже болтаній Пана Долинского, и тойже политики держался любимый другъ нашъ Раевичъ.

Однакожь передъ концемъ обѣда не смогъ я воздержати изыскъ свой отъ нѣсколько терпкихъ словъ, вымѣренныхъ противъ мнѣнію Пана Долинского. по которому хлопъ сотворенъ нѣяко на то, дабы робилъ панщину а иногда въ свободныиное время дабы пилъ горьлаку. На счастье, мое опроверженіе перервалъ снова честный господарь, который поднесшись изъ мѣстца сталъ въ голосъ говорити пообѣдную молитву, по совершеніи которой рускіи молодцы пѣли всѣмъ гостямъ „Многая лѣта.”

Послѣ обѣда вышли гости на прохладу въ садъ, где молодые люди подъ тѣнью старинныхъ орѣховъ забавлялись въ пташка; мы же старшіи позасѣдавши на лавкахъ подъ липами, розсказывали себѣ поочередно милыи жизни нашей приключенія. И такъ солодко было намъ — тамъ подъ липами — слухати любопытныи розказы нашихъ содрузговъ, и глядѣти при томъ на веселую дѣтей нашихъ игру.

Къ вечеру сойшлись всѣ гости въ покояхъ, и тутъ роздѣлились они снова: старшіи позасѣдали въ двоихъ приборныхъ покояхъ, одни до картъ, другіи ради продолженія дружескихъ розговоровъ; молодые же люди пустились въ первой, довольно просторонной комнатѣ въ пляску. Старшіи женщины сидѣли въ той же комнатѣ на боку и присмотривались скочному назурку. Ино-

гда подходилъ и я къ плясующимъ, абы приглядаться: бо якъ сказалъ, люблю гудьбу но не мензе и танецъ. Въ первой парѣ плясалъ Панъ Долинскій съ моею Наталією, въ другой съ Ахалією молодой Подолянинъ. Всѣ подивляли легкое и невнужденное уложенье моихъ дочерей, которыя учились плясати отъ тетки Ярославы. Моя Тетянина прибрала по той причинѣ видъ триумфальный, особливо когда даже дворскія дамы хваляти стали пляску Наталіи. Послѣ каждого танцу бавились они въ яковую игру; первая была въ Нана Пастора; и понеже жену мою одноголосно избрано Пасторовою, такъ принудили и мене къ той игрѣ и поручили званіе Пастора. Потомъ наступила снова пляска и снова игра, и такъ дальше.

Не стану пространно описывать различныхъ забавы, якія обыкновенно бываютъ въ рускіи праздники; скажу только, что всѣ убавились до воли, и исключая нѣкоторые непріятности, якія произошли съ причины не добранныхъ къ намъ дворскихъ гостей, праздникъ у моего сосѣда отбылся съ наилучшимъ успѣхомъ. Наибольше подобалось мнѣ, что межи гостями преобладалъ истинно рускій нравъ: радушіе и нелиживая откровенность.

Уже поздно въ ночь разъѣзжались гости во свояси веселы и весьма удовольнены.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

О празднику семъ было черезъ нѣсколько дней много у насъ бесѣды. Жена и Наталія укоряли Раевича за его смѣлость, съ якою выступалъ противъ достойныхъ дамъ. Съ тѣхъ поръ перестали они его такъ любить и переженили совершенно судъ свой о бѣдномъ молодцу, которого теперь называли по просту грубіаномъ.

Досталось и мнѣ отъ нихъ не мало ударовъ; но я не уважалъ на то, только уходилъ съ Романомъ монить где либо въ

удиненье и забавлялся съ нимъ разговорами о различныхъ предметахъ. Я нересвѣдчился, что знанія его были далеко большія, якъ были мои въ его вѣку. Особливо зналъ онъ хорошо разсказывать о нѣмецкой литературѣ, изъ которой — правду скажу — не читалъ я больше, кромѣ сочиненій Шаллера, Гете и нѣсколькихъ лучшихъ историковъ, занимавшихся достопамятностями Словенщины. по тому разсказы его были для мене весьма любопытны и даже поучительны.

Иногда читалъ онъ мнѣ свои собственные поетическія сочиненія въ нѣмецкомъ языкѣ, и особливо подобалось мнѣ описаніе села и мирной сельской природы, въ которомъ то описаніи видѣлъ я образъ Романовки, колыбели моего Романа. где онъ прожилъ дѣтисныи свои лѣта; где ребенкомъ бѣгалъ по тучнымъ полонинамъ, и вслушиваясь въ сумныи напѣвы верховницевъ, вырывалъ изъ вербовой коры свирѣлку и выгрівалъ на ней, что уловилъ слухомъ, или что истекало изъ собственного сердца. Я искренно полюбилъ поетическую его душу; но сколь опечалился, когда подумалъ, что може и онъ пойдетъ во слѣды Раевича, что можетъ и онъ пристрастно предастся безплоднымъ мечтаніямъ. и наконецъ будетъ съ него — жалкое созданіе: рускій поетъ въ Галичинѣ!...

Боязнь о будущую судьбу моего сына побольшилась съ тѣхъ поръ, отколь Раевичъ сталъ снова частѣе къ намъ заходить. Уже за первую встрѣчею прильгнулъ сынъ мой къ Раевичу якъ дитя къ груди матери. Хотя Раевичъ укорялъ его за нѣмецкіи стихи, которыя по его мнѣнію надто посредственны, и въ сравненіи съ меньшими даже поетами високоушной Германіи не удостоились бы нынѣ ни малѣйшаго вниманія; то Романъ мой уважалъ сперва у-

ренія тін несправедливими, потомъ же откровенно призналъ ничтожество измѣцкихъ своихъ речей.

„У Нѣмцевъ“, говорилъ однажды Раевичъ, „есть всего вдоволь: и любовудрецовъ, и богослововъ, и историковъ, и поетовъ; къ тому же поетовъ такихъ, съ какими едва сровняться могутъ пѣвцы Великой Британіи. Но що у насъ Словенъ? Коляровъ. Пушкиновъ, Гундуличевъ, Мицкевичевъ не много. Такъ лучше тебѣ, молодой орле!“ реклъ онъ къ моему сыну, пожавши руку его сердечно, „лучше парити въ воздухахъ по надъ рускою землею, лучше ударити въ гусли Бояню! то гусли многозвучна, гусли родима, и не измѣнятъ истинному вдохновенію Русина! Таята чужда, и только съ трудомъ къ ней привыкнешь; тая своя, и для своихъ на ней заиграешь!“

Тѣ слова убѣдили моего Романа, онъ предалъ измѣцкіе свои сочиненія всеожженію, и сталъ читати Коляреву „Дочь Славы“ котору подарилъ ему Раевичъ. И такъ сынъ мой осталъ поетомъ, перемѣнивши только направленіе свое касательно народности.

На счастье, отъ того времени, якъ, они подружались, не замѣчалъ я въ Раевичу того пристрастія къ моей Амалии; кажется, онъ потерялъ — послѣ столь многихъ, терпкихъ противъ нему моихъ изреченій — всю надежду на ей руку, и занимался исключительно дружбою съ моимъ сыномъ. Но за то овладѣла Амалиєю глубокая тоска. Иногда прїѣдетъ Раевичъ со взходомъ солнца и поздоровкавшись только съ нами уходитъ съ Романомъ въ долину, и тамъ будь полагаетъ они нашихъ работниковъ. будь идутъ въ гущи поблизкаго лѣса — и не возвращаютъ скорше, якъ надъ вечеромъ; а межъ тѣмъ моя Амалия скуча-

етъ цѣлый день за милыми гостями, — наконецъ узреть его на часъ передъ заходомъ солнца только на то, чтобы чѣмъ скорше снова попрощатся. Ей состояніе въ то время было жалкое: но я утѣшался надеждою, що оказанное къ ней хладнокровіе Раевича приведетъ ю само тѣмъ скорше на разумную думку.

Наталія во преки сталась отъ Верховинецкого праздника далеко веселѣйшею. Панъ Долинскій бывалъ у насъ будь самъ, будь съ сестринницами почти всякую недѣлю, и съ тѣхъ поръ переимѣнилъ даже свое обхожденіе. Къ Наталіи оказывалъ онъ всегда тѣмъ же самыми любовными чувствами; а относительно ко мнѣ смѣнилъ онъ свой сварливый нравъ и соглашался съ каждымъ моимъ мнѣніемъ. Иногда говорилъ онъ такъ соотвѣтно моимъ помысленіямъ, що почти вѣрилъ я въ метаморфозу человечества. Однакомъ не забывалъ я при томъ, що тѣмъ именно прельщеніемъ ставался онъ для насъ чѣмъ разъ опаснѣйшимъ. Мимо того, жена моя утверждала упорно, будь то Панъ Долинскій никогда не былъ сварливый, но всегда прїятный; будь то теперь онъ еще прїятнѣйшій къ намъ, понеже, якъ видно, рѣшился на правду думати о нашей Наталіи. Наталія же убѣждена нѣлько уже о своемъ триумфѣ, перестала тосковать и повеселѣла значительно. Только когда кто нибудъ вспомнулъ въ присутствіи ей про Панну Юлію, она измѣшалась, и принимала видъ дуже печальный. То мене возмущало, видѣлъ бо въ семъ ревнованіи дѣвственнаго сердца. Ревнованіе же таково уважалъ я за великій порокъ, за недоброжелательство для другихъ. И у моей дочери замѣтилъ я тотъ порокъ; — якъ болестно для родительского сердца! — Но такъ ли, кажется, созданы мы люди: — въ юности былъ и я ревнивъ; и мѣлъ былъ когдато другъ молодой жены моей недру-

ЗОР ГАЛИЦКА

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издається вжеседмично въ Середу два листы, по пѣтъ годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ чвертьрочно получати платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

КЪ ЮЛІИ.

Я зналъ, что ты любила
Мене, давно я зналъ;
Когда жъ то мнѣ открыла,
Якъ листъ я задрожалъ.

И побѣжавъ межъ горъ
То пѣлъ, то скакалъ я;
Вознесши въ небо взоры,
Сновь плакалъ якъ дитя.

Тогда ужъ солнце крылось;
А серденько мое
Въ груди такъ сильно билось, —
Ахъ, сердце бѣдное!

ЧУДАКЪ.

Куда идешь — всегда и всюду
Якъ тѣнь влачуся за тобою;
Чѣмъ строже поступишь со мною,
Тѣмъ больше ты любить буду.

Мене твой гнѣвный вѣдъ пѣняетъ,
Твоя же милость отгоняетъ;
Такъ хочешь ли мене посбытись.
Должна въ мене лише влюбиться.

Б. А. Д.

О НАЧАТКАХЪ ПЕРВАГО ЕПИСКОП- СТВА ВЪ ГАЛИЦКО-РУССКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ.

(Сочин. Антон. Петрушевича)

(Продолженіе.)

Такъ видѣли мы, что наши мужественные Ростиславичи, изключены преждевременною смертію отца своего отъ притязаній на старшинство въ родѣ, не дались одичко исключити изъ родовой собственности т. е. изъ владѣнія какою-то областью земли русской: что болѣе, они успѣли даже первые въ родѣ Ярослава, владѣемую ими волость, обратити въ отдѣльную собственность для своего рода, подобно Всеславичамъ, господствующимъ уже съ временъ Св. Владиміра въ Полотскомъ княжествѣ. Уже внуку Ростислава — Владимірку удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стати единовластителемъ въ Галичѣ, которое единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ и наследнику его Ярославу. „Такимъ образомъ (говоритъ С. Соловьевъ стр. 243), когда остальная Русь представляла зрѣлище непрерывнаго движенія и перехода, въ княженіи Галицкомъ не было никакого движенія, никакого перемѣщенія князей, въ слѣдствіе сего и боярамъ, княжескимъ

была возможность установиться въ странѣ, получить значеніе постоянныхъ землевладельцевъ, приобрести великое вліяніе на дѣла страны: вотъ почему Галицкіе бояре нѣмѣютъ другой характеръ, чѣмъ бояре въ остальной Руси; касательно различія между обоими можно выразиться такъ: бояре въ остальной Руси были бояре князей, бояре Галицкіе были бояре княжества. Такимъ образомъ на двухъ концахъ — сѣверо-западномъ и юго-западномъ въ Новгородѣ и Галичѣ обнаруживаются въ формахъ быта отъѣны противъ быта въ остальной Руси, а именно въ Новгородѣ, въ слѣдствіе непрерывной сѣны князей, усиливается народовластіе, тогда какъ въ Галичѣ, въ слѣдствіе осѣдлости, неподвижности князей усиливается боярство, при чемъ разумѣется, сосѣдство Венгріи и Польши не могло остаться безъ вліянія." 46)

По такомъ историческомъ обозрѣніи вѣшняго и внутренняго развитія Галицкаго княжества, возвращаясь опять къ моему предмету, дѣлая на основаніи выше сказаннаго мною, слѣдующія замѣчанія о началѣ перваго словено-греческаго Епископства въ галицко — русскомъ отечествѣ нашемъ:

46) Не можемъ, на мѣстѣ томъ, проминути того замѣчанія, что, такъ Новгородское народовластіе, какъ Галицкое боярство, не наблюдающее мѣры, было въ послѣдствіи причиною паденія тихъ обѣихъ державъ: и когда Новгородская волость соединена съ Велико-Русіею слѣлась съ нею въ одно могущественное государство, окрѣпившее самодержавіемъ — тогда на противъ тому Галицкая область, отпавши къ древней Польшѣ, усилила только свои боярство и польское вельможедержавіе кончавшееся раздѣленіемъ Польши и большимъ укрѣпленіемъ Великой Руси. Такимъ образомъ судьба Польши и Руси кажется быти нераздѣльною.

а) Съ временъ раздѣленія Владиміро-Волынскаго княжества, на Владимірскую и Перемышельскую волость, и постоянного поселенія въ послѣдней Ростиславичей, было единственнымъ стремленіемъ тихже, удержаніе за собою владѣемой ими области. въ посѣданіи которой затверждены уже на двухъ княжескихъ сѣздахъ въ Любечѣ и Витичевѣ, и лишены надежды отгсканія отцевскаго Владимірскаго стола, чѣмъ болѣе заботились они объ умноженіи городовъ, народонаселеніи и устройствѣ признаной за ними волости 47) Мужественные Ростиславичи въ продолженіи пятидесятилѣтняго господствованія своего, разширяя русскую державу при скатахъ горъ Карпатскихъ даже къ Черному морю, должны были имѣти попеченіе и о душевномъ блазѣ ими обладаемыхъ единовѣрцевъ: для чего, по всей вѣроятности, постарались они уже объ основаніи отдѣльной Епископії въ своихъ обширныхъ земляхъ, которыхъ главными городами стали быти Перемышль и Тересовль. Каждый почти городъ Руси, бывъ мѣстопребываніемъ князя, какой-то области княжеской, имѣлъ также своего Епископа, чего требовало такъ благо и самостоятельность державы, какъ достоинство господствующаго въ ней князя. Такимъ образомъ, едва не

47) Мы встрѣаемся о томъ изъ откровенной рѣчи, сказанной ослѣпленнымъ Василькомъ въ темницѣ къ иноку Василю, посланному къ нему Давидомъ Игоревичемъ. Лавр. Лѣт. 1113. Предпримчивый Василько питалъ геройскіе замыслы: ибо хотѣлъ онъ нанести рѣшительный ударъ польской державѣ: Возму землю Лядскую (говорилъ Василько) и мѣщу Русскую землю" (кажется за походъ Болеслава); потомъ вознамѣрилъ идти на Дунайскихъ Болгаръ и населити ихъ у себе, наконецъ думалъ онъ ударити на Половцевъ сказывая: „да любо налѣзу себѣ славу, а любо голову свою слою за Русскую землю!"

съ первымъ введеніемъ христіанства, съ концемъ десятого столѣтія, возникли Епископскія столицы въ городъ: 1) Кіевъ (Митрополія), 2) Новгородъ (съ 1166. г. Архіепископія), 3) Ростовъ, 4) Владиміръ на Волыни. 5) Бѣлгородъ близъ Кіева, и 6) Черниговъ; въ послѣдней половинѣ XI. вѣка: 7) въ Юрьевъ на рѣцѣ Росѣ. 8) Переяславъ — Русскомъ, 9) Тмутарокани близъ Азовскаго моря въ концѣ того же вѣка Половцами уничтожена; въ началѣ XII. вѣка упоминается уже Епископія 10) въ Полотскѣ. (съ 1115 Архіепископія), 11) въ Туровѣ. (послѣ въ Пинскѣ) и 12) въ Смоленскѣ. (съ 1475. Архіепископія) 48). Вся упомянутые города были вмѣстѣ и княжескими столицами; следовательно почти одновременно съ основаніемъ и упроченіемъ какого-то княжества, какиѣ то княземъ изъ Рюрикова дома, появляется такожъ въ престольномъ городѣ его и Епископія. По той причинѣ съ большимъ правдоподобіемъ можно полагати, что въ началѣ того же XII. вѣка, въ городѣ Перемышль, какъ столицѣ обширной русской волости, уже стараніемъ князя Володара Ростиславича, учреждена бы-

ла отъ Владиміро-Волынской Епархіи отдѣльная Епископія, которую въ послѣдствіи князь Владимірко Володаревичъ перенесъ въ новую столицу основаннаго имъ Галицкаго княжества, въ городѣ Галичѣ, 49). Такое предположеніе получитъ еще болѣе вѣроятности, когда подумаемъ, что Ростиславичи, Рюрикъ (скончавшійся 1092. г.) а по немъ братъ его Володаръ, успѣли первые въ семьѣ Ярославичей, подобно Всеславичамъ въ

49) Такимъ образомъ есть Галицкая Епископія на Руси съ ряду 13-ая. Въ началѣ XIII. вѣка возникли Епископскія столицы: 14) въ Перемышль, 15) Холмъ (прежде въ Угровскѣ), 16) Муромъ и Рязань, 17) въ Суздали и 18) Переяславъ Залѣсскомъ. Послѣ того до раздѣленія Митрополіи прибавилось еще шесть новыхъ Епархій т. е. 19) въ Саратѣ съ 1261. года въ столицѣ Монголо-Татарскихъ Хановъ, послѣ переведенная въ Москву и называвшаяся Крутицкою, 20) Тверь съ 1271. г. 21) Луцкъ на Волыни, около 1289. года. Въ XIV. столѣтіи упоминается Епископія 22) въ Коложѣ съ 1353 г. 23) въ Бѣлinskѣ съ 1354 г. 24) Звенигородъ близъ Москвы съ 1391 г. — Подъ 1414 годомъ приводитъ Никоновская лѣт. (V. 51. Карамзинъ II Г. Р. V. 238.) между Епископами созданными В. кн. Литовскимъ Витоломъ, въ поставленіе отдѣльнаго Литовскорусскаго Митрополита, послѣ Епископа Холмскаго Харитона, еще Червенскаго Епископа Павла Червенская Епископія была кажется потомъ названа Бѣлзскою и канонически соединена съ Холмскою Епархіею, подобно какъ въ послѣдствіи Берестская съ Владимірскою. Въ Политиковскомъ и Софійскомъ Литовскихъ спискахъ (Schlötzer russ. Annalen. Гетцингенъ 1802 часть III. 104.) поставлено въ числѣ русскихъ Епископовъ, Галицкое, Перемышельское, и Самборское Епископство. Въ городѣ Самборѣ и Сяноктѣ, со времени раздѣленія Перемышельской Епархіи на униатскую и не-униатскую часть въ XVII. вѣцѣ пребывала въ-тогда неуниатскіе Епископы, будто бы въ отдѣльной Епархіи; для чего по послѣднемъ введеніи униатскихъ Перемышельскіе Епископы стали

48) Сочинитель Описанія Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ. 1825. стр. 245; и Исторія Россійской Церкви СПб. 1838. стр. 27. относятъ ошибочно учрежденіе Холмской Епархіи къ послѣдней половинѣ XI. вѣка, ибо городъ Холмъ основанъ Даниломъ около 1220. года, куда перенесъ онъ Епископію изъ города Угровска. Ипат. Лѣт. 196. „Даниловъ князю во Володимѣрь (съ 1114. г.) созда градъ Угорескъ (Угронескъ) и постави въ немъ пискупя.“ Тамъ же стр. 163. подъ 1223 годомъ: „Бѣ бо прежде того пискупъ Асаѣ во Угровскѣ, (т. е. прежде Іоанна перваго Холмскаго Епископа), иже скочи на столъ митрополитъ и за то свержень бысть стола своего — и переведена бысть пискупья въ Холмъ.“ Угровскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Буга, противъ города Опалина.

Полотска, обратити Перемишельскую во-
лость въ неотъемлемую собственность сво-
его рода, и не имѣя никакихъ правъ на нинѣ
волости, старался освободити отъ всякой
зависимости отъ другихъ княжествъ, а тѣмъ
самимъ и отъ подчиненности сосѣднимъ
Епархіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ОТЕЦЪ ИГНАТІЙ,

русскій приходникъ изъ Соломянки.

Повесть, кимъ самымъ написанна.

(Продолженіе)

Не перейшло 4. недѣль отъ св. Петра
и Павла, и мой Романъ выбрался снова ради
продолженія школьныхъ наукъ до Львова.
Передъ выѣздомъ давалъ я ему такіе на-
ставленія: „Дотоле былъ ты поетомъ, теперь
станешь ученикомъ Любомудрія. Скажу
тебѣ, мой сыну! яково есть различіе меж-
ду поетомъ а любомудрецомъ: первый смо-
титъ на свѣтъ очима своихъ мечтаній, со-
грѣтыхъ чувствами теплого сердца, и для
того часто ошибается; другій видитъ въ
немъ то, що есть во истину, и по тому
судъ его справедливъ. Чувствуй серд-
цемъ первого, разсуждай умомъ вто-
рого.— Якій ни будешь: славный чело-
вѣкъ, или безымянный бѣднякъ, всегда
будь благороденъ; благородіе души,
то сокровище данное всякому чело-
вѣку съ

писатися такожъ Самборскими и Сяноч-
скими Епископами. Наконецъ съ 1539. годомъ
востановлено уничтоженную древнюю Галицкую
Епископію въ городъ Львовъ. Львовскіе Епис-
копы назывались такожъ Епископами Галича и
Каменица Подольскаго, гдѣ они имѣли своихъ на-
иѣстниковъ, но съ обновленіемъ Галицкой ми-
трополіи стали тѣ же писатися Митрополитами
Галицкими, Архіепископами Львовскими и Епис-
копами Каменица Подольскаго.

Выше, которое, если только разъ погубить,
не набудеть потомъ всякъ золотомъ свѣ-
та.— Да будетъ всякое дѣло твое до-
бро: отъ добрыхъ дѣлъ покой души и
совѣсть чистая; совѣсть же чистая дастъ
тебѣ внутреннее удовольствіе и веселіе сер-
дечное, съ которыми праведному чело-
вѣку такъ мило жити на Божіемъ свѣтѣ! — Лю-
би ближняго всегда и вѣрь ему до-
толь, пока не убѣдишься, що зло по-
мышляетъ во сердцѣ. На томъ пола-
гаетъ счастье твое въ общественномъ жи-
тїи, котораго желаю тебѣ отъ сердца. Пра-
щай и поминай насъ!”

Послѣ того похалъ мой сынъ. Нѣжная
мать и сестры сопровождали его до камеп-
ного креста, гдѣ попрощавшись съ нимъ,
вернули со слезами до хаты.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

По выѣздѣ нашего сына Романа, стала
жена моя раздумывати надъ тѣмъ, якъ бы
выправити и наши дѣвчата хоть на сю зи-
му до Львова. И теперь случилась къ то-
му наилучшая способность, понеже достой-
ныи сестрѣвницы Пана Долинскаго. выѣз-
жая на зиму до Львова, обѣщались взяти
ихъ съ собою и издерживати черезъ зиму во
властномъ своемъ домѣ. Такова милость ихъ
и снисхожденіе подобалась женѣ моеи чрез-
вычайно и она занялась на правду выпра-
вою дѣвчатъ, которыя самыя дуре тому ра-
ды были. Я не противился теперь ихъ пла-
намъ, понеже надто былъ увѣренъ, що съ
нихъ не будетъ ничего.

Однажды позвано мене къ больному, у
котораго забавившись черезъ весь пополу-
день, возвратился къ вечеру домовъ. Но що
узрѣлъ я тутъ! жена и дочери въ слезахъ;
я спрашиваю о причинѣ слезъ! они не от-
вѣчаютъ. Едва въ полъ часа узналъ я отъ
нихъ, що недавно былъ Панъ Долинскій и

съ глобокую нечашію обвастилъ нѣтъ, що съ ѣзды моихъ дочерей не будетъ ничего, понеже сестрыниці его, передъ которыми нѣкійто подлый знакомецъ нашъ наклеветалъ много на насъ недоброго, отъѣхали уже нынѣшняго утра во Львовъ; що онъ (Панъ Долинскій) не можетъ открыть намъ ни намереніе. ни содержаніе. ни виновника сей клеветы, що мимо того онъ всегда пребудетъ найискреннѣйшимъ другомъ и покровителемъ всей нашей родины.

Выслушавши повѣсть тую до конца засмѣялся я и сталъ имъ представляти несвѣрность панскихъ ласкъ и припреченій; но онъ и слухати мене не хотѣли а только выплакавшись належито. стали разбивати собѣ голову надъ тѣмъ, кто могъ быти тотъ подлецъ. который очернилъ доброе имя нашей родины, родины мирнепѣко со всеми живущей и не пьющей такого богатства, чтобы въ комъ либо возбудити могла зависть или ревнованіе.

Цѣлый тотъ вечеръ и половину будущаго дня раздумывали онъ, якъ бы открыти врага нашей родины: не было сосѣда, на котораго не падало бы ихъ подозрѣніе; но все таки доказательствамъ ихъ не доставало вѣроятности. Едва стали онъ и по обѣдѣ тѣмъ же предметомъ заниматься, принесъ одинъ изъ мальчиковъ нашихъ не великій свитокъ записанныхъ папѣровъ, которые нашелъ онъ случайно въ огородѣ. Развинувши свитокъ. сей часъ узнали мы письмо Раевича, а що наибольше удивило насъ: между папѣрами находился запечатанный листъ съ адрессою: „Благороднымъ господамъ сестрыницамъ Пана Долинскаго въ Соломянцѣ.“ Сейчасъ прійшло женѣ моей на мысль, що можетъ онъ былъ тѣмъ подлымъ допосчиномъ, и мы стали совѣтоватися межъ собою, распечатати ли письмо, или нѣтъ. Я противился тому рѣшительно, но

жена и Наталія, доказывали уворно, що ничто больше якъ только Раевичъ могъ допустить таковой подлости и для того нужно листъ его перечитати. Въ сю же минуту растворила жена моя письмо и читала слѣдующее:

„Вручитель сего листа скажетъ Вамъ, кто его писалъ; Вы узнаете, що писатель тотъ есть ревный другъ невинности. и готовъ препятствовать ея возвращенію. Узналъ бо я, що Вы желаете взять съ собою до мѣста двѣ дѣвицы на воспитаніе подъ Вашимъ попеченіемъ. Понеже однакожъ святымъ есть обязаніемъ всякаго человека, хранили невинность другихъ отъ угрожающей гибели, то перестерегаю Васъ за благовремѣнно передъ найопаснѣйшими слѣдствіями, якіи могутъ съ того для Васъ возникнуть. Никогда не выступалъ я противъ злонамеренныхъ людей; но теперь принужденъ употребити строгіи мѣры, бо легкомысленность тая доведетъ къ преступленію. Для того прошу усиленно, услухайте совѣтъ сего друга, и не берите съ собою реченныя дѣвицы. бо тѣмъ обезчестится родина, которая дотоль поживала въ невозмущенномъ супокое и невинности.“

По перечитаніи сего листа изъяснила жена моя сейчасъ, що въ немъ вищается клевета противъ нашей родины. Правда що содержаніе его можно было и на противную сторону толковати; и я заштилъ що укореніе въ немъ изреченное, можетъ вымѣренно быти противъ сестрыницамъ Пана Долинскаго; но жена не дала мнѣ дальше разумовати, а только стала нарекати на безчестнаго клеветника. Съ нею соглашалась и Наталія: Амалия же плакала сердечно. Я не могъ сперва понять, чтобы Раевичъ былъ человекъ столь неблагородный: но перечитавши еще разъ письмо увидалъ въ немъ тоже само що заштилъ жена и Наталія. Такого подлаго дѣла бы-

ло въ очахъ моихъ найчернѣйшею неблаго-
дарностію. Я не могъ даже розобрать, що
его привести бы могло къ тому, если чей-
же не желанье. удержати мою Аналію на се-
лѣ, чтобы тамъ частѣе имѣлъ способность
видѣться съ нею и говорить.

Такъ сидѣли мы и размышляли надъ
тѣмъ, какъ бы помстити сію обиду: когда
надбѣгъ другій хлопчикъ и донесъ намъ, що
Панъ Раевичъ приближается къ нашимъ воро-
тамъ. Смѣшанныя чувства болю надъ поне-
сеннымъ недавно оскорбленіемъ и радости
надъ близкою местию волновали въ сию ми-
нуту наши груди. Хотя вознамѣрили мы толь-
ко упрекать его неблагодарностію, одна-
кожь постановили сдѣлать то въ такой спо-
собъ, чтобы заболѣло его сердце. Для то-
го условились мы, принять его съ обыкно-
веннымъ радушіемъ, сначала говорить съ
нимъ какъ найпріятнѣйше, дабы такъ его
такъ больше къ себѣ приманить, а потомъ,
середъ того милого спокойствія, напасти на
него, какъ иногда буря нападаетъ на стран-
ника середъ прекрасной околицы, и дати
ему почувствовать тую подлость, яку упо-
требилъ къ поврежденію нашей славы. Моя
жена, подавшая намъ тотъ остроумный планъ,
обязалась привести его къ успѣшному кон-
цу. И для того, какъ только вошелъ Рае-
вичъ въ нашу хату, поздоровила она его
пріятно, и стала говорить о томъ, съ какимъ
восхищеніемъ вспоминалъ сынъ нашъ его до-
стойное мнѣ при своемъ отъѣздѣ, какъ мно-
го пользы принесли ему глубокоумныя на-
ставленія Пана Раевича во время ваканцій,
и вообще, яка то велика радость и слава,
быти такъ ученымъ человекомъ, какимъ есть
Панъ Раевичъ.

„Признаюсь,” сказалъ Раевичъ „ученіе мое
пріобрѣлъ я собственнымъ трудомъ, но къ
тому силъ и розумъ далъ мнѣ Господь
Богъ.”

„Ученіе и розумъ,” отрекъ я на тое,
„суетны безъ праведности; только правед-
ность и постоянный нравъ даетъ человѣку
цѣну. Самъ несвѣдущій простолюдинъ, не
сдѣлавшій ничего злого стоитъ выше, не-
жели философъ, который обремененъ мно-
гими преступленіями; що убо розумъ, що
геній безъ благотельного сердца? Най-
лучшее дѣло Господне праведный
человѣкъ!”

„То истинно, однакожь только въ поло-
винѣ;” сказалъ Раевичъ, „какъ убо при оцѣ-
неніи нѣкой книги не пытаемъ о то, суть
ли въ ней погрѣшенія, а только есть ли въ ней
красота и изящность, такъ должно намъ
не по недостатку грѣховъ оцѣнати человѣ-
ка, а по величинѣ дѣлъ его добродѣтельныхъ;
ученому можетъ недоставати общежитія, у-
рядникъ можетъ быти гордый, а воинъ твер-
дого права; но свободно ли намъ ставити вы-
ше нихъ простолюдина, который, не за-
служивая ни на похвалу, ни на укоры, всю
жизнь проживаетъ въ работѣ, какъ бездуш-
ная машина? Такихъ дѣломъ можно бы пер-
вого лучшего селянина поставити надъ Але-
ксандра Великого, надъ Цезаря и Наполе-
она I, которы всѣ мнѣ великого генія, и
имѣли свои грѣхи.”

„Ваше замѣчаніе справедливо тогда,”
отвѣтилъ я, „коли при малыхъ поблуждені-
яхъ сіяютъ великімъ благодѣтели; но если
случится, що въ одной и тойже душѣ по-
мѣщаются и великімъ грѣхи и необыкновен-
ныя дарованія, тогда характеръ такой за-
служилъ на общее презрѣніе.”

„Можетъ быти,” сказалъ Раевичъ, „що
существуетъ где либо такой уродъ, въ ко-
торомъ получены великімъ дарованія съ ог-
ромными грѣхами; но о сколько менѣ святъ
извѣстенъ, не нашелъ я нигде примѣръ то-
го рода, во преки всегда замѣчалъ, що
тамъ, где душа была велика, находились

и добрыя склонности сердца. И вонистину само провидѣніе кажется сдѣлало такъ уже во нашу пользу, що ослабленъ бываетъ разумъ тамъ, где испорчено есть сердце. и такимъ образомъ уменьшается сила злодѣянія, где къ тому воля склонна. По видимому, даже звѣрята подвержены тому же закону; меньшія оводы бываютъ всегда злобы, жестоки и робкіи; вопреки же сильными и великими звѣрями благородны, храбры и кроткіи."

"Все то хорошо сказано," отрекъ я, „однакожь легко пріишло бы меня въ сей же часъ указать челоуѣка," — и при тѣхъ словахъ вперилъ я очи свои неподвижно въ него — „челоуѣка, котораго разумъ и сердце творять ужасное противенство. Такъ, Пане Раевичъ," продолжалъ я возвышеннымъ голосомъ, „меня случилось открыть васъ въ мнимой вашей безопасности. Узнали вы тотъ свитокъ?"

"О такъ достойный Отче," отвѣтилъ онъ съ непонятнымъ спокойствіемъ, „тотъ свитокъ мой, и я дуже радъ, що его снова нахожу."

"А тотъ листъ?" воскликнулъ я, „узнаете ли его? не мѣшайте; смотрите меня прямо въ лице! Еще разъ пытаю: узнали вы тотъ листъ?"

"Тотъ листъ?" рекъ онъ хладнокровно, „розумѣется, узналъ: я таки самъ его писалъ."

"И якъ могли вы быти столь неблагодарнымъ, столь подлымъ, щобы листъ такой писати?"

"А якъ могли вы," отрекъ онъ съ безпримѣрною спокойностію и почти безстыдствомъ, „якъ могли вы быти столь нечестивымъ, абы листъ мой розпечатати? Тайну листовъ повелѣно наблюдать закономъ,

а вы законъ тотъ переступили; тайна листовъ освященна у всѣхъ просвященныхъ людей свѣчаемъ, а вы свѣчай тотъ стоптали ногами! Въ первый разъ узналъ я при томъ случаѣ, що честь ваша — важъ не дорога!" Такое злословіе розсердило мене до крайности. „Неблагодарный челоуѣче!" воскликнулъ я съ гнѣвомъ, „уступи съ моей хаты! не оскверняй пороговъ ей твоею подлотою! Единая кара, яку для тебе желаю, да будетъ тая: щобы пробудилась твоя совѣсть и ты почувствовалъ все бремя обиды, яку нанесъ на мирную нашу хату!"

Послѣ тѣхъ словъ кинулъ я ему письма его подъ ноги, и онъ поднесши ихъ усмѣхаясь съ земли и поправавши насъ съ спокойнымъ лицемъ, вышелъ изъ хаты, оставляя въ насъ негодованіе надъ его неблагодарностію и хладнокровіемъ. Моя жена особливо сердилась за то, что нищо не могло возбудити въ немъ якового стыда.

"Мое сердце," сказалъ я къ ней, желая усмирить гнѣвъ, который насъ обоихъ повлекъ былъ за далеко, „да не будетъ намъ дивно, що злыя люди не знаютъ стыда; они стыдятся лишь тогда, коли застанемъ ихъ на добромъ дѣлѣ; въ своемъ же лукавствѣ ищутъ они чести."

Такъ сказалъ я къ женѣ; но иначе проговорило въ скорѣ потомъ мое сердце: ахъ можетъ онъ безвиненъ, и для того такъ сильно смотрѣлъ намъ въ очи! И правда не стыдится дѣлать своихъ благодѣтелей. Можетъ листъ той писанъ былъ во нашу пользу; — ахъ, въ такомъ случаѣ розорвалъ я своевольно священную связь, котора соединяла насъ съ наиблагороднѣйшимъ челоуѣкомъ!

Продолженіе слѣдуетъ.

ЗАМѢЧАНІЯ ПРОМЫСЛЕННЫЯ И ГОСПОДАРСКІЯ.

— *Какъ заховати жареное (пращенное) мясо, абы робаки до него не достались.* Жареное мясо, солонина, колбасы и пр. наилучше переходуются въ переставномъ сухомъ пепелѣ съ букового дерева. При томъ поступаетъ такъ: въ скриню, на сухомъ переставномъ мѣстѣ, сыплется не много сухого пепелу, на который кладутся жареное мясо, шинки и пр., тѣмъ засыплются вновь пепеломъ, и такъ поступается, пока не выполнится вся скриня. На верху засыпается пѣла скриня густо пепеломъ, абы овады не могли яйчекъ своихъ въ мясъ укладывать. Хотя такъ переходованое мясо взятъ до ужитку, потребно прежде очистити оно сухою или мокрою щеткою изъ пѣси, на верху повставшей; впрочемъ пѣсьн тая во все не вредитъ вкусу. Жареное мясо, сокрытое въ такой способъ, переходуется цѣлый годъ и бываетъ сочистое, понеже толстота въ немъ не топится и не стекаетъ якъ на открытомъ мѣстѣ. Для захованія чистоты можно таковое мясо, передъ его сокрытіемъ въ пепелъ, въ папѣръ загнути.

— *Многорозличная польза изъ смолы.* Смольная вода, которая составляется изъ смѣшенія смолы и воды въ ровныхъ мѣрахъ, стоявшая въ теплотѣ мѣстѣ 24 годия, оказалась успѣшнымъ средствомъ противъ геморойа, которая, якъ опытни лѣкари твердятъ, происходитъ отъ робаковъ. Употребляется средство тое въ слѣдующій способъ: когда смола опадетъ на дно блюда, пьется вода на верху стоящая три раза на день мѣрною склянкою, и коимъ того попеременно или еже другій день, отваръ изъ яловцоваго корня, заправленный будъ сенесомъ будъ круглымъ анисомъ; при томъ смаруется хребетъ и боки козлинымъ лосемъ. — Всякое четырехножное звѣрь, неимѣющее аппетита, или бѣднее а худое (что найчаще происходитъ отъ робаковъ), если напьется такой, но густо смолою заправленной воды или чистой смолы, достаетъ на другій день сильный аппетитъ, пьетъ добро, и скорѣ поднается. Реченной воды дается въ слѣдующемъ размѣрѣ: коню, рослому бидлягу, разъ въ тыждень не больше якъ полъ кварты, свѣтъ квартирку, пеу пятаю, овцѣ десятую часть кварты, а молодшиимъ звѣрятамъ и меньше. Случалось, что и во время сухотъ лѣчились зараженными скоты смолою успѣшно. — Свербѣчку у людей лѣчатъ

въ некоторыхъ сторонахъ тѣмъ же средствомъ; къ той пѣлѣ мѣшаются двѣ части смолы съ одною горячою водою и тѣмъ натирается хорый; по истеченіи одной годины наступаютъ поты, и тогда смывается тѣло и смаруется елеень. — Абы имѣти сухое жилище, ставляючи новый домъ; подобаетъ запобѣгти мокротѣ слѣдующимъ способомъ: выпровадивши муръ надъ верхъ земли, обливается сухой муръ смолою, по крайней мѣрѣ на полъ цѣля грубости, выготованною въ котлахъ черезъ 20—30 годинъ, остывшою и пережвизавшою въ смолу шевскую, и ажъ на ней мурруется якъ звичайно дальше, а мокрота уже не пройдетъ. — Если кладется во внутри хаты подлога, и поливается каждую доску подъ сподомъ на $\frac{1}{4}$ цѣля такою смолою, то подлога становится долготрвальною, не спачется, не розходитъ и бмвается неповредливою отъ мышей и робаковъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Слово во время торжественнаго Богослуженія въ пресвятый праздникъ Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа в. Января 1853. года въ церкви Ставропигіанской, Успенія Пресвятыя Богородицы говоренное Іосифомъ Кульчицкимъ гр. кав. Львовскою духовною Семинарію Исповѣдникомъ. Типомъ и издѣвненіемъ Института Ставропигіанскаго 1853. Достопочтеннымъ Старѣйшикамъ, предстоятелямъ и всѣмъ членамъ Института Ставропигіанскаго посвящаетъ Авторъ. Въ осмерицы.

Пригадуемъ нашему Всепочтенному Читателю, что уже съ 5. Числою предплата 1го. четверточія укончилась. Просимъ протое о найскоршемъ надосланіи предплаты на второе четверточіе 1853. года, дабы возможно намъ было накласть нашей Часописни отвѣтно розмѣрѣти и всякимъ недогодности изъ опозненья въ присланію предплаты такъ для Редакціи якъ и для Вс. Предплатителей происходяшія усунути.

Уравненія ради „Поученій церковныхъ“ съ теченіемъ Евангелій недѣльныхъ прибавляетъ теперь изъятно цѣлый листъ онихже.

Издѣвненіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.
Отвѣдательный Редакторъ Іоаннъ Гушалевищъ.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедѣльно въ Среда два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ
почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающіи четверочко получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м.
м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСПОМИНАНІЕ НАДНІСТРОВЬЯ.

Знайчики! вы не моя
Колибельная сторона —
За чѣмъ я васъ такъ возлюбилъ:
Що я гнѣздо мое, и Бугъ,
Платѣска мой наймишій другъ.
Не есть менѣ уже такъ мнѣ.

Я весь, якъ естѣ, лишніомъ свѣтъ,
И колька мнѣ сужденныхъ лѣтъ
Сачою жизни, кобы мнѣ
Отдалъ кто ничу свободу

И Кришатицкую гору
И тѣ острова на Днѣстрѣ!

Тамъ бы въ думиню я свѣдѣть
Зъ горы на Русь мою бы зрѣлъ,
Якъ красна дѣла тамъ они!
Подлинна такъ, якъ сельскій цвѣтъ,
Весела, якъ весны розсвѣтъ
Богата, якъ Украина.

Тамъ народъ Русинъ всевъ душовъ,
Неповрежденъ чужинициновъ,
Тамъ древня ширость, древній нравъ;
Въ лицахъ тамъ цвѣтъ и красота,
Въ свѣтлинахъ ладъ и чистота,
Въ гостинахъ дружескій уставъ.

А пѣснь якая тамъ живетъ,
Тамъ всякъ пѣвецъ и всякъ поетъ!
Тамъ танецъ мужескій арканъ
Дрожитъ подъ нитъ свята земли
Сама кесмышна и гудьба он
Въ гуляніи жвавыхъ Поддѣвстанъ.

Тамъ старецъ съ сѣдовъ бородавъ,
Юношеску пьетъ кровь,
Безжурце сердце козака!
Видати можно тамъ не разъ,
Прадѣда съ молодими вразъ
Ще выгинати гонака!
Спроси, въ войнѣ кто пераи былъ,
Царя кто, вѣру зацѣпиль?
То тѣ жваки молодіи
Отъ Буковины, що ихъ тамъ
Есть возлюбленный той арканъ
Що воспитались при Днѣстрѣ
Ой добре съ ними всякому
Кто любить Бога, Отчину,
Кто чить Царя и законъ свой.
Тамъ бы я вѣкъ прожити хотѣлъ
Кобы я кости тамъ зложилъ
Где широрусскій народъ той!

И. Г. Н.

ОТЪ СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМИСИИ.

Оголошеніе загальныхъ складокъ на домоу
народный и другу городску церковъ, же зъ
нашой причины долшій часъ перорванъ, прѣ
должаемъ въ слѣдующій способъ.

Въ числѣ 5. Зоря зъ г. 1853. мы по-
дали до общей вѣдомости списъ жертвъ, дѣла
дѣвшихъ, до дня 1. Листопада, и отъ
того времени выпнуло новыя жертвы.
1. Честъ и преп. Г. Вислюкскій, ирхонскій Ма-
цинскій, и первый членъ комисіи собира-

жельзную колѣй, которая вонистину, будетъ не долго будоватися. Уже составилось особое общество, которое напѣраетъ дѣло оно въ семь еще году роспочати. На той подземной колѣи заведена будетъ такъ звана атмосферическая система, по которой напоръ воздуха въ порожныя, помежъ колѣю въ земли укрытымъ руры, пхати будетъ самъ собою скоровозы. И такъ стануть ѣздити жители великаго того города сквозъ подземную тьму, нѣтъ надъ своими головами все бремя лондонскихъ зданій. Чего еще не выдумаютъ остроумныи Англичанин!

— Съ Виртембергимъ согласилось 200 родитъ, залегающихъ къ сословію богатыхъ селянъ, желая вселитися въ пустынныхъ окрестностяхъ Угорщины. Австрійское правительство отвѣтило имъ, что переселенію ихъ никто не будетъ препятствовать, если только выкажутся свидѣтельствами благоправного житія. Такожъ съ Баваріи и нѣмцы нѣмецкихъ краевъ пришли подобными желаніями.

— Въ Калифорніи найдено кедровое дерево, которое числится можно къ наибольшимъ въ свѣтѣ. При земли имѣетъ оно 91 стопъ въ объемѣ, на 14 стопъ выше надъ землею 61, вышина его выноситъ 285 стопъ а числу обручки слоя, можно вѣкъ того дерева опредѣлити на 2,500 до 3,000 лѣтъ.

— Съ Америки возвѣщаютъ о новомъ открытіи золотыхъ жилъ въ старинныхъ лѣсахъ Канады, о существованіи которыхъ никому ниже случилось.

— Достойники турецкого войска. Чинъ достойниковъ въ турецкомъ войску раздѣляется на три разряды. Къ первому ряду принадлежатъ генералы, которыя присвояютъ себѣ имя баши. Полковникъ и подполковникъ зовется бей. Достойники низшіи отъ полковника именуются ефенди; всѣ же прочіи ага. Турецкіи достойники вообще не пользуются такимъ почитаніемъ якъ въ нѣмцехъ свейскихъ войскахъ. Тожъ не рѣдко случается, что полковникъ выбѣтъ по лицу передъ рядами войска маіора, маіоръ сотника и пр. Уважается правиломъ, дабы никого не подвысшати надъ маіора, если незнаетъ хотя не много читати, писати и числити. Намъ кажется то почти невѣроятнымъ, дабы маіоромъ могъ статися неграмотный человѣкъ: но такъ есть во истину, бо въ Царгородѣ есть много такихъ маіоровъ и даже одинъ бригадовъ гене-

ралъ. который не знаетъ перечитати ни одной буквы!

— Въ Америкѣ есть великій недостатокъ женщинъ. Отъ двохъ столѣтій умножается тамъ число мужчинъ, которыя значительно превышаютъ число женъ. И чѣмъ дальше на западъ Америки, тѣмъ рѣдше встрѣчаются женщины. На противъ въ Европѣ мужчинъ далеко меньше якъ женщинъ; понеже первыи переселяются оттуда въ различныхъ свѣта стороны найчаще же въ Америку не возвращаясь къ намъ уже никогда, а послѣдніи, не такъ скоры къ переселенію, остаются въ отечествѣ. и тѣмъ число ихъ не уменьшается. Мимо того недостатка женщинъ въ Америкѣ удивительно есть, что тамъ же существуетъ въ нѣкоторыхъ сторонахъ религіи секта Мормоновъ, у которой заведено многоженство.

— Въ Лондонѣ показуетъ теперь проф. Андерсонъ двое карликовъ, которыя обращаютъ на себе великое вниманіе тамошнихъ жителей. Карлики тѣи принадлежатъ къ особой расѣ Антекъ званой и происходятъ изъ середной Америки. Одинъ изъ нихъ хлопчикъ, несполна 3 стопъ высокій, друга дѣвчика только 2 стопъ и шесть цалей. Кости у нихъ и составы суть майже пичьей тонкости: голова чрезвычайно маленька, покрыта мягонькимъ, чернымъ и немного кудрявымъ волосемъ, очи черны, блестящи, чело низкое, носъ дуже въ гору задертый, барва тѣла оливная. Замѣчательно и то, что мимо такъ маленького тѣла, они довольно разумны.

Извѣстія торговельныя.

— На торгу дня 19 с. я. въ Львовѣ продавано ко-
роецъ пшеницы по 19 р. 13 кр.; жита 12 р. 55 кр.; ячменя
11 р. 26 кр.; овса 6 р. 32 кр.; гречки 13 р. 25 кр.; земля-
ковъ 6 р. 51 кр.; цетнаръ сѣна 2 р. 19 кр.; околотовъ 1 р.
56 кр. вѣд. в.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дня 20 Сент
Ажіо ц. червонцевъ 16 1/2
" серебра 9 1/2

Переписка

съ ч. Редакцію „Вѣстника.“ Мы перечитали Вашъ „Отвѣтъ“, похощенный въ 67. ч. Вашей времениси — и не нарушаемъ мира.

Ред. З. Г.

(Слѣдуетъ Число 29. „Поученій Церковныхъ.“)

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіанскаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дядицкий.

30

ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЪ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четверточною получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ДА БУДЕТЬ МИРЪ!

Да будетъ миръ на Руси всей
Межъ неученымъ и ученымъ:
Намъ надобно теперь людей
Къ дѣламъ великимъ и священнымъ.
Такъ кто учалый, да учить
Другихъ съ охотой, снисхожденіемъ,
А неученый — да молчать,
И да пользуется ученіемъ.

Да будетъ миръ, бо ужъ и такъ
Междоусобій много было,
И тѣхъ пристрастныхъ споровъ, дракъ,
Что вспоминати ажъ не мило;
Вся древня лѣтопись полна
Изображеніемъ борьбы и военъ;
Но въ миръ днесъ всѣ племена,
И ты, нашъ роде, будь спокоенъ!

Да будетъ миръ, бо то и встыдъ
За букву, за языкъ свариться.
Когда еще полнѣйшій видъ
Не могъ у насъ дотолъ развиться;
Когда еще не былъ такімъ
Писатель межъ Русинами,
Чтобы рекли о немъ: то свой,
То нашъ и духомъ и словами.

Да будетъ миръ, бо нужно намъ
Трудиться всѣмъ по Божьей волѣ,
Народный созидати Храмъ,
Скати на пустынномъ полѣ:

А въ непогоду, въ бурный часъ
Робота всяка перервется,
И недругъ обругаетъ насъ,
И злобнымъ смѣхомъ засмѣется.

Да будетъ миръ, бо ужъ давно
Мы въ дѣлѣ важномъ согласились:
Приняти отъ Старыхъ оно,
Чѣмъ передъ свѣтомъ прославились,
А именно: тѣмъ слова,
Въ которыхъ наша жизнь и сила, —
Да не смотримъ: что и Москва
Языкъ свой ними украсила.

Да будетъ миръ, да пишеть всякъ
По собственному розсужденію.
И что и что, и якъ и какъ,
По слуху иль обыкновенію.
А где прекрасный и объемъ
И чисто-русски будутъ звуки,
Тамъ всѣ мы съ радостію прильгнемъ,
То жъ сдѣлають и наши звуки.

Да будетъ миръ, — иль если кто
Начнешь спорити за азбуку,
Не сѣй же намъ сквозъ решето
Свое самую черну муку;
Не называй своихъ друзей,
Занятыхъ тѣмъ же трудами,
Преданныхъ Матери своей:
„Ея невдачными сынами!“

Богданъ А. Д.

ВСПОМИНКИ СТАРОСЛОВЕНСКІЯ.

VII.

Соотношеніе древнихъ Словенъ къ ихъ божествамъ. Поганскіи предки наши изражали свою зависимость отъ высшего существа именно тѣмъ, что признавали надъ собою покровительство некоторыхъ божествъ. И такъ, всякій вѣкъ жизни препоручано покрову нѣкаго божества, съ тѣмъ соединены были различные обряды.

Главнымъ божествомъ, покровительствующимъ все житіе чловѣка, уважано божество Жива. Божище убо тое воображало себя яко мужеску и женскую стихію въ соединеніи, и приписывано ему, будто оно даетъ, удерживаетъ и развѣиваетъ а потому погубляетъ и уничтожаетъ все житіе. Такимъ дѣломъ божество Жива было вообще жизнедательнымъ существомъ. Тоеже существо подъ образомъ божества Поренука имѣло попеченіе надъ дѣтми въ материнской утробѣ, а яко женская стихія подъ именемъ Злата — Баба бдѣло надъ родами. По той причинѣ приносили мужи во жертву молодымъ звѣрята божествамъ Живъ, Поренуцъ и Златой — Бабѣ. — Въ дозрѣлшемъ вѣцѣ бдѣла надъ чловѣкомъ Лада, богиня любви, которой преимущественно поклонялись дарами молодыя женихи. — Надъ сопругами имѣли особенное попеченіе: Лель (любовь) Дѣдъ (взаимная любовь) и Полель (сопружество). Въ народныхъ пѣсняхъ донынѣ сохранились израженія: Дѣдъ — Ладо! Лель — Полель! которыми нужно уважати яко воззванія тѣхже божествъ.

Въ каждомъ народѣ встречаемъ освященныя обряды, вводящіи дѣтей въ общественное житіе. Такимъ обрядомъ у поганскихъ Словенъ были пострижины. Родители давали 7 лѣтнимъ дѣтямъ въ первый разъ торжественно стрѣгти волосы; при

томъ случаѣ давано дѣтямъ имена, посвящено ихъ богамъ, научая познавати божескіи силы и величіе; остриженны же волосы складано въ жертву Богамъ. На томъ обрядѣ основанъ свѣчай стриженія волосовъ уже во временахъ поганскихъ въ цѣлой Словенщинѣ.

Якъ пришествіе на свѣтъ чловѣка, такъ и его отшествіе изъ свѣта соединено было съ побожными обрядами. Мертвыхъ хоронено двоякимъ образомъ: или похоронено ихъ якъ обыкновенно въ гробъ, или сожжено и пепелъ въ похоронныхъ блюдахъ складано въ землю. Однакожь похороны были въ большемъ обыкновеніи. Они отбывались слѣдующимъ способомъ: Обмыто мертвого, вынуто внутренности, наполнено благовонными мастями, сошито разпоръ якъ найстараниѣ и мащено снова все тѣло. Въ гробъ складано, обыкновенно вся вещь, которы покойнымъ въ житіи были милыми, яко: оружіе, коня, гроши и пр. Тѣло укладывалось на знакъ, лицомъ въ гору, или такожь въ спячей поставъ. На гробахъ насыпывалась земля и каменья, яко нагробіе, и съ тѣхъ то время удержались именно на Руси и въ Польцѣ надгробныя насыпи, извѣстныя подъ именемъ: могилъ или кургановъ. Въ Чехахъ хоронено мертвыхъ въ лѣсахъ и по полямъ, давано имъ подарки для духовъ, надъ мертвымъ ставлено хлѣбъ и свѣчу, яко жертву для божествъ смерти. Послѣ похоронъ брали присутствующи на лице маски и кидали по-за себе каменья, землю и дрова. На перекресткахъ (крестовыхъ дорогахъ) воздвигали каплички для божествъ смерти и за души мертвыхъ.

Сожженіе тѣлъ случалось рѣдше, и тогда обыкновенно шли на всесожженіе за мужами вѣрныя жены. Послѣ похоронъ отбывали

вались пирь, званнй тризнами и стипами.

Понеже древнми Словене вѣрили въ безсмертіе души, то сготовляли таковыи тризны во честь покойниковъ ежегодно; тризны тѣмъ были извѣстны у Поляковъ подѣ бесѣдою дѣдовъ или праздникомъ стариковъ. Словене вѣрили даже, что души мертвыхъ присутствуютъ и участвуютъ въ такихъ тризнахъ, для того запрашивали ихъ торжественно на гостину, а при концѣ изгаяно тѣмъи слова: „Вы душечки наѣлись, напѣлись, бывайте здоровы, оставите благословеніе живымъ, а сему дому миръ и тишину.“

Посмертное состояніе душъ воображали себѣ древнми Словене надто смыслово; вѣрили бо въ соединеніе души съ тѣломъ, и для того давали мертвецамъ до гробу оружіе, яствія, гроши и пр. Литовцы, пребывавшіи долше въ поганствѣ, представляли себѣ посмертное состояніе совсѣмъ такими, какими было предсмертное на земли, а только украшали оно себѣ совершенѣйшими радостями и роскошати и думали, что тамъ будутъ: веселое общество, хорошіи жены, вкусныи яствія, солодкии напитки, въ лѣтъ бѣлое свѣжее одѣнье, въ зимѣ теплыи шубы, пріятный отпочиннокъ на великихъ мягонкихъ ложахъ, неизмѣнное здоровье, веселья, игры и всякіи радости. Жилище покойныхъ именовалось Нева или можетъ нива, съ чѣмъ вѣзятно стоитъ въ отношеніи и богиня мертвыхъ Нія. Судицы судили мертвыхъ и опредѣляли имъ нагороды. Когда еще зажитѣмъ сіе обстоятельство, что во всѣхъ словенскихъ нарѣчіяхъ находится множественное число слова небо, яко: небеса и неба, то легко можно домыслитися, что Словене вѣрили въ большее число небесъ, въ которыхъ мертвыи по различнымъ степенямъ своего совершенства помѣщались.

Духъ и дупа, въ словенскомъ языкѣ имѣетъ тое же само происхожденіе, что дуновеніе или отдыханіе. Предки наши воображали себѣ оживляющее существо чловѣка въ дуновеніи, будто существо съ воздухомъ сходственно, и такимъ дѣломъ найтоншее, найнѣжнѣйшее. И яко воздухъ всякому созданію къ жизни конечно нуженъ: такъ имѣла въ немъ чловѣческая душа наилучшее изъображеніе. Кромя того представляло себѣ душу въ подобіи птицы, которая опустивши тѣло мертвого, дотолѣ не имѣла сопокою, пока тоеже не сожжено или не похоронено. Воображано ю найчастше въ видѣ голубки, чего доказательствомъ есть ижеппо надпись на гробѣ польскаго короля Болеслава Храброго: *Hic jacet in tumba principis, gloriosa columba* (здѣсь лежитъ во гробѣ князь, славная голубка).

Дружба, гостепріимство и почитаніе старшихъ были всегда изыкрасшими свойствами Словенъ. Другъ уважанъ былъ ровно яко родственникъ, и оттуду то до сихъ поръ сохранилось межъ Сербамъ, такъ зовимое побратимство, якого примѣра не встрѣчаемъ больше у жаднаго съ народовъ. Побритимство состоитъ въ томъ: двѣ особы познакомившись и полюбившись, даютъ себѣ торжественное приреченіе взаимной любви и помощи, и съ того времени становятся найвѣрнѣйшими, нерозлучными друзьями во всѣхъ случаяхъ жизни. Такой другъ именуется „Побритимомъ въ Бозѣ.“ Такимъ дѣломъ побратимство уважается у Сербовъ за сродство по душѣ а не по крови, яко родня отъ Бога а не отъ чловѣка, которая съ той причины должна быти неповрежденною, неоскверненною. Якъ мужчины, такъ и женщины завязываютъ межъ собою подобную дружбу, и такіи подружки зовутся „посестрими.“ О томъ обычаѣ поминаетъ Тальви съ почестію и говоритъ

нежь прочими „У Морляковъ вознеслась дружба на нѣкій степенъ религіійного освѣщенія. Я былъ свидѣлемъ, когда двѣ дѣвицы въ церквѣ въ Перуницѣ присягали себѣ посестримство. Давши себѣ торжественнымъ образомъ святое приреченіе взаимной дружбы, видно было, яка радость изъ очей тѣхъ посестримъ сіяла. Есть то доказательствомъ, якъ нѣжны чувства грѣются въ сердцахъ людей тѣхъ необразованныхъ.” Къ тому хорошій тотъ и священный обычай предрекаетъ слабому защитѣ а опущенному помощь во всякихъ случаяхъ. Есть то безспорно найкрасшее свойство народа, доказывающее о искренномъ Словенѣ челоуколюбін и добросердечіи, и сожалѣніи надъ тѣмъ дуже, что у нынѣшнихъ Словенъ съ изытіемъ Сербовъ изъ обычая того само только ния осталось. Найстаршіи лѣтописцы хвалятъ такожъ гостепріимство Словенъ, которое было такъ необмежено, что ради того ни нужденныхъ ни жебраковъ у нихъ не бывало, якъ о томъ говоритъ Гельмольдъ: „Не знаю благочестившаго народа якъ Словенъ ради ихъ гостепріимства. Когда кто изъ нихъ пригнетенъ болѣзнію или лѣтами, есть обязанностью родины взяти его въ свое попеченіе. Дружба убо и любовь къ родителямъ есть у Словенъ найвысшимъ достоинствомъ. Для того нѣтъ у нихъ ни бѣдняка ни жебрака.” Гостепріимство тое было столь необмежено, что во время работы выходя въ поле и не затворяя дверей, — бо ради сей благодѣтели не было у нихъ ни даже причини опасатись злодѣя, — оставляли хлѣбъ и сыръ на столѣ, чтобы путешественникъ, посѣщающій случайно ихъ хату, нашелъ нужное пропитаніе.

Почтеніе, якого дознавали старшіи кромѣ попеченія, было всегда соединено съ первоначаліемъ въ родинѣ, того ради бы-

ли старики начальниками родинъ и громадъ и въ томъ достоинствѣ исполняли разомъ домашніи богослужебнии обряды.

Художество и умѣніе. Истуканы божницъ, отъ части до нынѣшняго дня сохранены, суть доказательствомъ, что Словене изъ давнѣхъ знали ваятельное искусство. Старинныи лѣтописцы удивляютъ часто красоту ваятельныхъ дѣлъ, якими обыкновенно украшаемы были стѣны храмовъ, и то доказываетъ, что Словене любовались въ ваятельномъ искусствѣ и привели оно къ значительному совершенству. Кромѣ того искусства любили Словене больше гудьбу и пѣніе, чувствуя въ себѣ особливый даръ и склонность къ тому хорошему умѣнію, якъ о томъ доселѣ свидѣтельствуетъ неисчисленное множество народныхъ нашихъ пѣсней.

Письмо знали Словене уже во временахъ идолопоклонства, чего доказательствомъ само названіе священниковъ, которы для того звались кнезами, понеже разумѣли книги т. е. письмо, и содержащіяся въ нихъ науки; и утверждаютъ даже преданія лѣтописцевъ, что законы свои на доскахъ писали. Якое однакожь письмо ихъ было о томъ не можемъ рѣшительно сказать, понеже не осталось намъ изъ него нѣкихъ памятниковъ. — Тѣмъ дѣломъ были у Словенъ книги и знаніе уже во временахъ поганства, и отъ того легко заключити можно, что они имѣли такожъ нѣкій родъ школъ, пишетъ бо Балбинъ: „школа поганска была въ Будецѣ, чешскомъ городѣ въ Сланскомъ округу, недалеко горы Рипы, и къ той магической Зороастра школѣ стремилась вся чешская шляхта (*ad hanc magicam et Zoroastris scholam tota properabat bohémica nobilitas.*) По преданію обучались въ тойже школѣ такожъ Любуша и Премыслъ.

О образѣ жизни Словенъ упомина-
етъ лишь коротко, что они преимуществен-
но занимались земледѣліемъ и скотопаше-
ствомъ. Торговля однакожъ процвѣтала у
нихъ уже передъ введеніемъ Христіанства
и посредствомъ ней воздвиглись великіи го-
рода. Такожъ рудокопнею занимались древ-
нии Словене, но тую въ большей части усту-
пали чужинцамъ. Надовсе однакожъ не лю-
били войны, хотя въ нуждѣ доказывали
свою храбрость, именно, когда шло о за-
щитѣ отечества. У нихъ не было бли-
ща войны, якъ у иныхъ народовъ; бо Сло-
вене были преимущественно земледѣльскимъ,
миролюбивымъ народомъ.

Гл. II.

МАЧИХА И ПАННОЧКА.

Украинская повѣстка.

V.

(Конецъ.)

Раненько встала Панночка, умылась сту-
денною водою, помолилась Богу и вы-
шла въ лѣсъ посмотреть на братьевъ Ивановъ.
Утро было во всей красѣ: солнце ярко иг-
рало на росистой темной зелени дубовъ и
ясеней; сытковая тѣнь отъ вѣтвей ихъ рос-
кинулась по дорожѣ; въ свѣжомъ воздухѣ
вѣяло вонями дикой мяты; сѣрый заяцъ ве-
село скакалъ межъ орѣшникомъ; птицы при-
вѣтствовали ясный день громкими пѣснями;
въ чаще лѣса свистѣли дрозды, стонали и-
волги; въ кустахъ пѣли малиновки, а весе-
лый кобчикъ, кружась надъ боромъ, рѣз-
кими криками своими будилъ дальнее эхо.
Якъ прекрасно всякое твореніе Божіе! хо-
рошъ бываетъ и лѣсъ.

Долго смотрѣла Панночка на дорогу,
теряющуюся между лѣсомъ — на дорожѣ
никого не было; сумно стало Панночѣ,
такъ сумно, что она хотѣла заплакать. Ажъ
тутъ — передъ нею, якъ изъ земли вырос-

ла старушка, въ синей юбцѣ, въ лантяхъ
съ посохомъ въ руцѣ, съ кошникомъ и тѣлѣ-
вою за плечами.

Вы вѣрно не разъ видѣли лѣтомъ та-
кихъ старушекъ; они идутъ со всѣхъ сто-
ронъ Руси поклониться святыни Печерской
въ Кіевъ.

Подошла старушка къ Панночѣ, и на-
чала просити милостыни.

— Ты вѣрно на богомолье? спросила
Панночка.

— Да, дитятко.

— А издалека?

— Охъ, издалека, мой свѣте, изъ са-
мого Харькова.

— И ты все пѣшкомъ идешь?

— Пѣшкомъ; я была больна, умира-
ла, и дала обѣтъ пойти до Кіева, теперь
Богъ помиловалъ, поднялась на ноги, до-
бреду якъ нибудь; терплю и голодъ и жа-
жду. Вотъ вчера вечеромъ здѣсь въ бору у-
пала отъ усталости, да тамъ и ночь про-
вела.

— Ты голодна? пойдикомнѣ, я тебе
накормлю и успокою, сказала Панночка.

И скоро въ свѣтлой комнатѣ были по-
ставлены передъ старухою лучшіи яствія и
напитки. Панночка приглашала старуху по-
больше ѣсти.

— Нѣтъ, не хочу, мое дитятко, от-
вѣчала она: я сыта; пора мнѣ въ дорогу.

— Да останься, отдохни.

— Нѣтъ, я не выполню моего обѣта,
когда буду идти съ отдыхомъ и съ рос-
кошью. Прощай, мое дитятко, вотъ — на те-
бѣ на память золотыи перстень; возьми его.

— Не хочу; Богъ съ тобою старушко!

— Возьми его, говорю тебѣ, не бу-
дешь каяться; тотъ перстень дала мнѣ моя
покойная бабка; онъ предохранитъ тебе отъ
всякаго зла.

— Якій бы онъ ни былъ, я его не возьму; я не торговка, Господи прости, чтобы брала гроши за угощеніе.

— Яка упрямая, ну хоть надѣнь его, посмотри; якъ онъ заблеститъ на твоей хохотенькой ручицѣ!

Перстень горѣлъ якъ огонь. Панночка взяла его въ руку, посмотрѣла и надѣла на палецъ — Панночка была женщина!... Въ сей часъ ей сдѣлалось дурно, въ очахъ потемнѣло, грудь затрепетала тоскою, будто тяжелый камень лягъ на ню; она рвала перстень съ пальца, не тутъ — то было; якъ змѣя обвилася онъ около ей бѣлого пальчика; Панночка пошатнулась и упала на землю.

— Теперь Пана будетъ спокойна, проворчала въѣда, и вышла изъ свѣтлицы, свиснула не человѣчьимъ посвистомъ, отъ котораго закрутился вихоръ на пыльной дорогѣ; схватилъ вихоръ скверную бабу въ свои объятія, прикрылъ ю пескомъ и листьями, и выше бора, стоячего понесъ на хуторъ Пана.

Ей, нечестная сила розыгралась, говорили братья Иваны, подѣзжая къ своему дому, когда увидѣли летящій черный столбъ вихря. Они слѣзли съ коней, и привязавъ ихъ, пошли въ свѣтлицу. Тамъ лежала мертвая Панночка; она была также хороша якъ и живая, румянецъ не сбѣжалъ со щекъ ея; опущенныя рѣсницы, казалось такъ и поднимутся, такъ и засвѣтятъ изъ подъ нихъ два блестящіе очка; а безъ дыханія лежала она; надармо братья будили ю, — она была безотвѣтна, безжизненна.

Опустивши руки, поникнувши головами, стояли Иваны передъ Панночкою.

— Надармо мы скликали добрыхъ молодцевъ, говорили они; теперь мы не можемъ выполнить даннаго слова, якъ честныи православныи, козаки: мы поклялись или умерти или унижити передъ очами нашей

гостыи ей злую мачиху; теперь Панночка умерла, и нашъ остается умерти и тѣмъ выполнить свое слово. А якъ хороша она и по смерти! Мы ю не похоронимъ въ землю — жаль будетъ такую красоту засыпати сырымъ пескомъ: мы ю положимъ въ стеклянный гробъ и накроемъ гробъ хрустальною крышкою; мы ю поставимъ подъ открытымъ небомъ — да соловій перелетомъ полюбуется на красоту, и запоетъ про ю, соловку пѣсню! Да солнце, съ высоты смотря на ю, захочетъ заткати такими цвѣтами широкіи луга! Якъ хороша она будто живая! говорилъ Ивасъ, закрывая раковъ хрустальною крышкою, и слезы сбѣжали по ихъ загорѣлымъ лицамъ.

Четыре наѣзники — Козаки, закаленные въ войнѣ, у которыхъ не исторгли бы ни одной слезы, ни вздоха ніякіи пытки въ Варшавѣ или въ Крымскомъ полону, которые умѣютъ умерти съ усмѣхомъ, проклятая своихъ враговъ, тѣ люди рыдали передъ трупомъ дѣвочки!

Недаромъ въ Сѣчи не было ни одной женщины.

Далеко надъ Днѣпромъ есть непроходимая пуща: клены, дубы и яворы роскинули тамъ въ розныи стороны свои вѣтви, переплели ихъ, перепутали и составили одну свѣжую, зеленую стѣну. Топоръ дровосѣка никогда не стучалъ еще въ той пущѣ; она не слышала выстрѣлу стрѣльца. Въ томъ лѣсу есть небольшая поляна, трава якъ шолкъ розлагается по ней, а посерединѣ растетъ дубъ великанъ, дѣдъ дубовъ Кіевскихъ; десять людей взявшись за руки едва обнимутъ грубый его пенъ; подъ тѣнью вѣтвей его укрывается отъ дождя сотня козаковъ съ вѣрными конями. На томъ дубѣ стоитъ стеклянный гробъ, въ гробѣ лежитъ Панночка; надъ дубомъ на всѣ четыре стороны бѣлого свѣта роскинулись мертвыи тѣ-

ла братьей Ивановъ. Умерли добрыи козаки, своиимъ върымимъ саблями сами убили себе и сдержали свое слово.

IV.

Летитъ время, летитъ быстрое — не остановишь его, не умолишь. Осѣдай, козаче, черкесского скакуна; несишь, козаче, по степи! Любо тебѣ! соколы остаются за тобою, а время быстрѣйше отъ тебѣ. Пожалѣй, козаче, доброго коня, дай ему перевести духъ. Ты остановился, а время ушло впередъ, и никогда не догонишь его.

Ждутъ люди весны: пришла она цвѣтущая; когда бы скорѣйше лѣто! вотъ и лѣто шумитъ жатвою: скоро ли созрѣютъ плоды? и осень несетъ вамъ румяныи плоды. Плоды хороши, но якъ же пусто въ природѣ, пора бы снѣгу — явился снѣгъ. Несносная зима! скоро ли ты минуешь, скоро ли будетъ весна?... Такъ бѣгутъ годы — и мы все недовольны. Смотримъ заиспуганно на будущее: тамъ есть что-то такое, тамъ чернѣетъ точка. Вотъ она растетъ, близится, вотъ она передъ нами: темный гробъ! И человекъ не успѣлъ оглянутиса, якъ пролетѣлъ путь жизни.

Пролетѣли пятьдесятъ лѣтъ со времени смерти Паниочки. Пятьдесятъ лѣтъ; ползавка, жартъ ли?... О, якъ скоро прошли они: несчастный ихъ не пережилъ, счастливцевъ ихъ не замѣтилъ! А Паниочка все лежала въ хрустальномъ гробѣ также хороша. Днемъ надъ поляною вились лѣсные орлы, и перекликались въ небѣ, любовались чудною смертію козаковъ; ночью соловѣй садился на зеленой вѣтвѣ надъ гробомъ и, до восхода солнца, въ звучныхъ пѣсняхъ розсказывалъ темному бору о красотѣ Паниочки.

Въ то время у воеводы Кіевскаго Черноуса былъ молодой сынъ красавецъ. Высокій ростъ и черныи кудры, смѣлая постава, пріятная бесѣда, дѣлали его замѣт-

нымъ между всѣми молодыми Кіевлянами. Никогда куля его не пролетала въ синемъ небѣ мимо быстрого сокола; ни одинъ конь не смѣлъ волюнничать, когда рука Черноусенька управляла нимъ. Цѣлый былъ бы козакъ, говорили добрыи люди, но загубить отецъ сына: къ чему онъ учить его во всякихъ наукахъ?

А якъ сидѣть бывало на коня Черноусенько, и поѣдетъ прогулятися межъ народомъ — вы никогда бы не сказали, что онъ такіи грамотный: такъ красивый, такъ ловкій, такъ удалый! Посмотрите, вотъ онъ съ добрыми товарищами выезжаетъ на охоту. Конь подъ нимъ такъ и дрожитъ, такъ и пышетъ, взвился на дыбы, скочилъ въ сторону — сидитъ Черноусенько, якъ гвоздемъ прикованный, только червоная кита козацкой шапки закружилась въ воздуху. Почувалъ конь на себѣ доброго сѣдока и гордо пошелъ по Кіевскимъ улицамъ. Подлѣ Черноусенька ѣдутъ его товарищи; и они храбрыи козаки, и у нихъ кони черкесскіи, и они хороши, но такъ, якъ звѣздочки передъ свѣтлымъ мѣсяцемъ.

Помалу вѣхалъ сынъ воеводы съ своими товарищами; легкая пыль кудрявою волною разбѣгается по слѣдамъ ихъ. Ихъ оружіе блеститъ золотомъ и дорогими каменьями. Любо было посмотреть на нихъ; люди снимаютъ шапки и почтительно кланяются, дѣвочки смотрятъ изъ оконъ. Вотъ выехали козаки за городъ, поворотили по берегу Днѣпра... Ажъ тутъ выстрѣлилъ сынъ воеводы за дикою козою: раненная коза кинулась въ чащу лѣса, стрѣльцы за нею, а лѣсъ становится все густѣйшій, коза скачетъ все быстрѣйше. Уже всѣ товарищи Черноусенька остались на задѣ; того скинула грубая вѣтвь изъ сѣдла; тотъ упалъ съ конемъ въ лѣснѣй оврагъ, тотъ, якъ въ сѣти запутался въ дикій хмѣль и терновникъ;

одинъ Черноусенько скакалъ по слѣдѣмъ раненной козы, но лѣсъ ставался все густѣйшій и густѣйшій. Вотъ уже конь совсѣмъ зашелъ въ густвину, а тутъ терновникъ колеетъ его въ морду; онъ кидается въ сторону, а коза уже далеко въ передѣ. Соскочилъ Черноусенько съ вѣрнаго коня, схватилъ саблю и побѣжалъ за добычею, бѣгалъ долго и выбѣжалъ на поляну.

На полянѣ, середѣ зеленого ясного лужка, стоялъ дубъ. на дубѣ блестялъ стеклянный гробъ, подъ дубомъ лежали четыре человѣческія остовы. Видно было, что давно они лежатъ здѣсь; по бѣлымъ костямъ ихъ вились лѣсныя цвѣты и зеленая трава. Кривыя козацкія сабли были въ рукахъ остововъ. Подошелъ Черноусенько къ стеклянному гробу, взглянулъ на него, и опустилъ руки. А коза давно уже исчезла; въ первый разъ ушла добыча послѣ выстрѣла воеводскаго сына.

Скоро пріѣхали и товарищи Черноусенька, сняли съ дуба стеклянный гробъ, и поставили на зеленой муравѣ. Прекрасная, якъ ясная зоря, лежала въ немъ Панночка, румянецъ игралъ на ея лицѣ; губки, казалось, такъ и усмѣхнутся, такъ и заговорятъ; она сложила на груди крестомъ руки, на указательномъ пальцѣ правой руки ея горѣлъ перстень.

Хорошо, что зналъ Черноусенько всякія науки! Только взглянулъ онъ на перстень, тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло, сказалъ якіе-то ученые слова, схватилъ перстень съ руки Панночки, и кинулъ его на землю: где прокатился онъ, тамъ трава выгорѣла, тронулся дерева, дерево засохло.

Тихо открыла Панночка очи, поднялась изъ гроба и сказала: „якъ долго спала я!“ Тутъ... тутъ я не скажу ничего; я не былъ съ Черноусенькомъ въ то время, и менѣ

никто не розсказывалъ, что тамъ говорилось и дѣлалось.

Вечеромъ Панночка уже сидѣла въ домѣ воеводы. Воевода и сынъ его ласкали Панночку и выпытывались ю, и кормили яствами, и поили напитками, а козакъ на выстрѣмъ скакунъ летѣлъ уже далеко отъ Кіева, въ хуторъ старика Пана — кликнули его на радость великую и просили благословенія на свадьбу дочери съ воеводскимъ сыномъ.

VII

Якъ ты красивъ, старинный Кіевъ! добрый городе, святой городе! якъ ты красивъ, якъ ты свѣтлый, мой сѣдой старику!

Что солнце между планетами, что князь между народами: то Кіевъ межъ городами. На высокой горѣ стоитъ онъ, опоясанъ зелеными садами, увѣнчанъ золотыми макотами и крестами церквей, словно святою короною; подъ горою широко разбѣжались живыя волны Днѣпра — Словутицы. И Кіевъ и Днѣпръ разомъ: Боже мой, яка роскошь! Слышите вы, добрыя люди, я вамъ говорю про Кіевъ, и вы не плачете отъ радости? Вѣрно вы не Русины.

А сколько тамъ церквей, сколько въ нихъ богатства! Войдите хоть въ Соборъ Софійскій — а тутъ толпа народу: тутъ поютъ, вѣнчаютъ. Но ничего дѣлать: въ другое время мы съ вами розсмотрѣли бы церковныя рѣдкости Кіева, и гробницу Ярослава и мозаику Греческую, и много, много — а теперь поглядимъ на свадьбу.

Церковь горитъ въ огню отъ множества свѣчей. Священникъ вѣнчаетъ Черноусеньку съ Панночкой. Кругомъ толпятся родственники. Недалеко отъ олтаря стоитъ старшій Панъ; онъ бѣленькій якъ снѣгъ; преклоняя дрожащія колѣна, онъ благодаритъ Бога, что далъ ему увидѣти дочь еще разъ и въ таковое счастливое время.

Когда молодые поцеловались, въ церквѣ раздался глухой стонъ, и якаясь женщина упала на землю—то была старая Пана. Пятьдесятъ лѣтъ сносили съ лица ей красоту и свѣжесть молодости, и провели на немъ рѣзкіе морщины: она не могла перенести красоты и счастья своей пасербицы, когда сама была дряхлою старухою. Пана упала на землю—и умерла отъ зависти.

А въ Кіевѣ долго еще въ ту ночь гремѣли веселыи свадебныи пѣсни, долго горѣли огни, долго еще пировали добрыи люди; но пѣсни ностепенно умолкали, огни одинъ за другимъ погасли, все утихло, заснулъ Кіевъ... только у подошвы его лѣниво протекаетъ Днепръ, и надъ святыми церквами идутъ себѣ обычною дорогою Божіи звездочки...

Е. Гр.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ О КОРОНѢ СВ. СТЕФАНА.

Корона Угорскаго королевства, найденная недавно вразѣ съ иными королевскими знаменами коло Старой Оршавы, сталась нынѣ предметомъ всеобщаго вниманія. Здѣсь предлагается почт. Читателямъ нашнхъ короткое описаніе и нѣкоторые историческіи извѣстія о сей драгоценной памятникѣ.

Корона тая состоитъ съ двоихъ, внѣшнихъ вѣдохъ и вѣкохъ, различающихся частей. Нижняя часть, составлена съ довольно широкаго золотого обруча, называется латинскою: верхняя, представляющая золотую круглую митру приправлену къ нижней части, есть греческаго происхожденія и носитъ имя греческой. Середъ дорогихъ камней, хорошихъ образковъ и надписей находится на ней такожъ тая замѣчательна греческо-словенская надпись: *ГЕΩΒΙΠΖ ΠΙΣΤΟΣ ΚΡΑΛΗΣ ΤΟΥΡΚΙΑΣ* т. е. Геовицъ (Гейза) вѣрный король Турціи. Корону латинскую, опредѣленную сперва для польскаго короля Мечислава, прислалъ папа Сильвестеръ II угорскому королю Стефану 1000 года, когда тотже принялъ имя и достоинство христіанскаго короля. Корону греческу подарилъ греческій Царь Михаилъ Дукасъ угорскому воеводѣ Гейзѣ 1075 г., который выправившись съ королемъ Шалонауномъ противъ Грекамъ, об-

ходился съ греческими плѣнниками весело ласково и получилъ за то оный драгоценный даръ. Гейза короновался имъ того же года, однакожъ не присваивалъ себѣ имени короля. Якъ и когда были обѣ короны во едину совокуплены, о томъ нѣтъ вѣрныхъ извѣстій.

Въ первыхъ вѣкахъ Угорскаго королевства соблюдало корону тую въ Стольницѣ Бѣлоградѣ (Стульвайсенбургу), где и королѣи короновано; позднѣйше перенесено ю до Вышеграда, славной славянской крѣпости надъ Дунаемъ. По смерти Аларя, послѣдняго короля съ роднымъ Арпадомъ 1301 г., позвала одна часть угорскихъ вельможей на королевскій престолъ чешскаго короля Вячеслава II, который, не принявши самъ короны, наклонилъ вельможей къ выбору своего 12 лѣтнаго сына Вячеслава, и тотъ коронованъ былъ 1301 г. въ Бѣлоградѣ. Понеже однакожъ противная сторона народа избрала Неполитанца Карла Роберта за угорскаго короля: вѣрнулъ Вячеславъ II съ сыномъ и оразъ съ короною до Праги, где оставала она до его смерти, с. е. до 1305 г. Сынъ его Вячеславъ III уступилъ право на угорскій престолъ Баварскому Оттону, и по уговору отдалъ ему корону св. Стефана и прочіи драгоценности. Понеже однакожъ австрійскій воевода Рудольфъ былъ соперникомъ Оттона: то принужденъ былъ Отто ѣхать мимо австрійскіи предѣлы до Угоръ потайно, и при томъ случаѣ сокрыто корону въ деревянную скринку и привязано у сѣдла коня. Прибывши счастливо до села Фишаменту (пониже Вѣдны), замѣтилъ къ своему сожалѣнію Отто, что скринка съ короною где то въ дорогѣ потерялась. Сейчасъ выслалъ онъ за немъ своихъ дворянъ, которыи нашли ю по односторонней протѣдѣ въ болотахъ. Вскорѣ потомъ прибылъ Отто съ короною до Бѣлограда и тутъ короновано его сего же года съ веледѣннымъ торжествомъ. Г. 1307 выбрался Отто до Семиграда за свою невѣстою, дочерью тамошняго воеводы Доброгоста, а для безнечества взялъ съ собою и королевскую корону. Но Доброгостъ присоединился межъ тѣмъ къ сторонѣ Карла Роберта, поймалъ и увязнилъ Оттона, и отобралъ ему корону, которую, однакожъ, понеже самъ надѣлся остати королемъ, не выдалъ Роберту, такъ что для коронованія сего послѣдняго въ 1308 г. нужно было сдѣлать новую корону. Послѣ продолжительныхъ договоровъ отдалъ наконецъ Доброгостъ корону св. Стефана, которою короновано потомъ Карла Роберта по другій разъ дня 27 Авг. 1310 г.

Съ той жорь сохранима была корона св. Стефана до 1440 г. въ Вышеградѣ. По смерти короля Альбрехта приказала вдова его Елисавета короновати нею въ Бѣлоградѣ 1440 г. рожденного по смерти отца, своего сына Владыслава Постума. По коронаціи отѣхала она до Вышеграда и привезла сюда вѣсто правдивой короны якусь поддѣляниу. Съ той причини короновано потомъ польского короля Владыслава въ Бѣлоградѣ иною короною, именно тою, которою увѣчанна была голова похороненного въ Бѣлоградѣ короля св. Стефана. Межъ тѣмъ увезла королева Елисавета корону до Вѣднѣ, где г. 1440 дня 24 Авгус. заставила ю за 2500 червонцевъ Царю Фридрику IV на два лѣта. Черезъ 24 лѣтъ нѣтъ Царь Фридрикъ корону въ своей власти, ажъ наконецъ отдалъ ю 1463 г. въ слѣдствіе заключенного мира посланъ угорского короля Матея Корвина, котрымъ отнесли ю сперва до Шопрону, потомъ до Будина, а 1464 короновано нею въ Бѣлоградѣ короля Матея. Сей король приказалъ корону тую хранили въ Вышеградѣ, где оставала она подъ зашитою двоухъ коронныхъ наблюдателей ажъ до несчастной битвы подъ Могачемъ 1526 г.

Въ то время были коронными наблюдателями І. Заполій и Петръ Переній. Въ войнѣ, котора вела была о угорскую корону межъ Фердинандомъ І. и І. Заполіемъ, попалась она въ руки послѣдняго, который нею вѣчался. Но когда преуженный Заполій уѣхалъ въ Польшу, передалъ Переній корону Фердинанду І, и получилъ оную по его коронаціи снова подъ свою охрану. Переній не сложилъ корону въ Вышеградѣ, но держалъ ю у себе; вскоре потомъ однакожъ вторгнулъ турецкій султанъ Сулейманъ вооруженною силою въ Угорщину, а Переній бѣжалъ съ короною изъ своего города Шинклоша до Капошвару. На пути, подъ часъ ичлягу въ селѣ Кайдачѣ, напалъ Перенія одинъ приверженецъ Заполія, именемъ Серечень, поймалъ и отдалъ его вразъ съ короною начальнику Заполійцевъ, Банюю а тотъ Сулейману. Сулейманъ отослалъ по нѣякомъ времени корону поддьяному себѣ королю Заполію, по которого смерти отдала вдова его Исабелѣ 1551 г. сію драгоценность Фердинанду І. а тотъ повезъ ю съ собою до Вѣднѣ. Съ наследникомъ его Рудольфомъ II. пришла корона та по другій разъ до Праги, где оставала ажъ до 1608 г. Царь Матей взялъ ю потомъ съ собою на коронацію до Прессбурга, и приказалъ ю здѣсь хранили; но и тутъ не было для ней по-

коя. Въ году бо 1620 добылъ Гавр. Бегленъ Прессбургъ и возилъ ю съ собою чрезъ два лѣта то до Бинской Быстрицы, то до Ечеда и наконецъ до Кошицъ. Послѣ заключенного въ г. 1622 мира межъ Фердинандомъ II и Бегленомъ, принялъ отъ послѣдняго корону Варадинскій епископъ во имени Царя; потомъ отдано ю подъ охрану Перенію, который отвезъ ю сперва до Тренчина, потомъ до Шопрону, наконецъ же до Прессбурга. Во время чятежи Ракочія перевезено ю г. 1945 на короткое время до Рабу, потомъ до Вѣднѣ. Во время славного сойма 1697 г. пришла она назадъ до Угорщины, и по коронаціи Іосифа І. рѣшено соимовымъ указомъ: „дабы корона сія въ будущемъ всегда хранима была въ угорскомъ краѣ и то подъ зашитою двоухъ наблюдателей.“ Въ позднѣйшемъ времени перенесено ю съ Прессбурга до Будина, который то городъ стался именно по смерти Іосифа II хранилищнымъ мѣстомъ короны св. Стефана.

Въ г. 1849, по розогнаніи мадарскихъ возстанцевъ, взялъ начальникъ ихъ Кошутъ, королевскіи драгоценности съ собою и когда, пришедши на волошко-турецкую границу, узналъ, что Турки на своей земли отбирають отъ бѣглецовъ мадарскихъ все уносимое ими ерарное австр. имѣніе: то рѣшился онъ сокрыти ихъ на угорской земли. Кошутъ ушелъ, и драгоценности пропали; по поиску за ними продолжались отъ того времени безпрерывно именно въ окрестностяхъ Старой Оршавы, где Кошутъ на нѣсколько дней передъ своимъ бѣгствомъ сдерживался. Дѣло тоо поручено н. к. майору-аудитору Каргеру, который употреблялъ все время на то, дабы ажъ наилучше познаться съ мѣстоположеніемъ старо-орнавскихъ окрестностей. На весну 1853 г. обратилъ онъ все свое вниманіе на одно усторонье въ поблизи холма зовимаго Аліономъ, которое, будучи заросшее хашами, плющомъ и деревьями, казалось ему тѣмъ единымъ мѣстцемъ, где бѣглецы могли выгодно похищенный скарбъ укрыти. Онъ уважалъ, что коло деревъ лежали отрубленны вѣтви, что деревья обдерты были где куда изъ коры; къ тому найдено въ тѣхъ мѣстахъ хорошій ключикъ отъ кишеньковыхъ часовъ и рукоятку отъ сокиры, съ чего заключилъ онъ, что тутъ рубалъ можетъ якій чело-вѣкъ изъ высшего общества сокирою. При томъ положено мѣсце, сіе такъ, что множию къ нему легко достатися отъ турецко-сербской стороны Дунаемъ. Тѣмъ обстоятельства побудили майора Каргера предпріяти въ тѣхъ мѣстахъ точнѣйшіи поиски. Два

6 Сентября приказалъ охъ розкопывать землю и у другого прихода на дня 8 Сент. о 8 годикъ уда-рила мотыка одного виробника о желѣзную раковъ, хранилище реченныхъ драгоценностей. Въ раковѣ ле-жалъ на верху плащъ св. Стефана, весь промоче-ный отъ влаги, но еще не истлѣвшій. Подъ пла-щомъ находились три шелковыя подушки, на ко-торыхъ ношено знамена королевскіи. У споду най-дено два шелковыя чулка (пончохи), поясъ, чере-вики и бахрамы (френзы) промочены и истлѣвши; въ кутѣ на правомъ боку стояла скринка съ ко-роною, совсѣмъ ненарушеною, подлѣ ней скипетръ тоже испскаженный, мечъ значительно заржавѣлый и державное яблоко немого счернѣлое.

Корону св. Стефана и прочіи драгоценности припезено дня 19 Сент. до Вѣднѣ, где пригото-влено было для пріятія ей особенное величпное торжество. Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ, осмогравля ихъ въ присутствіи дворской свиты и многихъ достойниковъ, изрекъ при томъ случаѣ, что драгоценныя намятки тѣи отвезены бу-дутъ на знакъ Его довѣрія къ преданности всего угорского края назадъ до Будина и тамъ предадут-ся подъ охрану Его п. Высочества, Краевого На-чальника, Архикнязя Альбрехта. Въ слѣдствіе того изреченія отвезено ихъ дня 21 Сент. до Будина, который съ того времени стался снова хранилищ-нымъ мѣстомъ сихъ найдорожшихъ для всякого у-горского жителя достопамятностей.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ.

— Огъ 16 с. м. начался въ Львовскихъ шко-лахъ зимовый курсъ научныхъ преподаваній. Най-больше учениковъ вписалось до академической гим-назіи, межъ тѣми же значительно большее число Ру-синовъ, для которыхъ преподаваетъ „религіиуну На-уку“ катехизъ г. М. Малиновскій. Въ VII и VIII классу двухъ здѣшнихъ гимназій преподаваетъ „рус-скій языкъ и литературу“ профессоръ Львовского всеучилища, г. Я. Головацкій, въ 6 низшихъ клас-сахъ академической гимназіи обучаетъ въ русскомъ языкѣ г. Ю. Волошакъ а въ Доминиканской г. И. Гушалевиць, который преподаетъ во всѣхъ клас-сахъ тойже гимназіи такожъ „религіиуну науку.“ „На-уки въ недѣлю и свята читаетъ для Русиновъ въ 4. высшихъ классахъ академ. гимназіи г. Малиновскій въ 4 низшихъ г. Волошакъ, во всѣхъ же классахъ До-миниканской г. Гушалевиць.

— Директоратъ академической гимназіи, во Львовѣ издаетъ при концѣ каждого школьного го-

да брошюрку подъ заглавіемъ „Програмъ ц. к. акад-гимазіи,“ въ которой помѣщаются бывають уче-нымъ статьи, составленныи ея профессорамъ и „школь-нымъ извѣстія.“ Въ минувшемъ году читали мы въ такомъ Програмѣ любопытную статью „Первобыт-ная Исторія Словенъ,“ написану въ нѣмецкомъ я-зыкѣ І. Жуковскимъ; сего же года наслажда-емся основательнымъ изложеніемъ „Слова о Полку И-горевѣ.“— Сочинитель оной статьи, проф. Я. Го-ловацкій, вознамѣрилъ познакомиться ближе съ тѣхъ драгоценнымъ памятникомъ нашимъ ученымъ Нѣмцемъ, и предложивши содержаніе его яко и мно-гіи историческіи и языкословныи заѣчанія, рѣшилъ свою задачу съ наилучшими успѣхомъ. Изъ „Школь-ныхъ извѣстій“ узнали мы, что с. 1853 было въ той гимназіи 482 учениковъ, межъ тѣми 66 Исра-елитянъ а 237 Русиновъ.

— Въ ц. книгохранилищѣ въ Петербургу на-шли межъ кипами, писанными на восточныхъ языкахъ, арабскій переводъ св. Евангелія, изданный въ Сиріи въ городѣ Алепо 1708 г. славнымъ козацкимъ Гер-маномъ Иваномъ Мазепоч. Книга таа, подарована еще 1818 г. ц. библіотецѣ ученымъ К. Лазаревымъ, состоитъ съ 214 страницъ. Черезъ сіе долгое вре-мя не обрѣщала она на себе ніякого вниманія; ажъ теперъ выдобылъ ю тамошній библіотекаръ изъ пы-ли забвенія и указалъ всю ея высокую цѣну

— Въ Москвѣ печатается второе изданіе изряднаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Опытъ об-щесравнительной грамматики російскаго языка.“

— Сими днями вышла въ Празѣ „Всесла-вянская сравнительная граматика“ Челяковско-го. Предисловіе къ ней и жизнеописаніе в. п. Че-ляковского написалъ П. І. Шафарикъ.

— Нѣсколько чешскихъ ученыхъ обществъ, именно к. Общество наукъ и Чешскій Музей по-лучили отъ Его П. г. министра дѣлъ внутреннихъ Коляревое сочиненіе „Старо-Италія Славянска“ да-ромъ.

— Чешскій ученый, Іоаннъ Славомиръ То-мичекъ составилъ „Граматику російскаго и „старочешскаго языка.“

— Въ Празѣ вышло недавно сочиненіе Не-бескаго подъ заглавіемъ „Краледворская руко-пись.“ Находятся въ немъ весьма важныи заѣча-нія о старинной словенской поезіи.

— Извѣстный собиратель русскихъ и поль-скихъ народныхъ пѣсней, И. Жегота Паули со-ставилъ „Сравнительную грамматику“ староболгар-скаго, ширскаго, русскаго, польскаго, чешскаго и

сербско-лужицкого языка." Сіе сочиненіе печатается современно у Ф. Баумгартена въ Краковѣ въ 4 Частяхъ, съ которыхъ каждая стоять будетъ 1р. ср.

— Выдѣль, составившійся въ Буднѣ въ цѣли воздвиженія памятника І. Голому, вознамѣрилъ издати „Полное жизнеописаніе" того отличнаго словяцкого пѣвца.

— Сербская литература обогатится незадолго изданіемъ многоважнаго сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія Сербіи написанная послѣднимъ деспотомъ (владѣтелемъ) сербскимъ, княземъ Юріемъ Бранковичемъ." Князь Бранковичъ писалъ ю во время изгнанія своего въ Хебъ въ Чехахъ, где и житіе свое закончилъ. Рукопись его находится современно въ Патріаршей бібліотекѣ въ Карловицахъ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Его Величество нашъ милостивѣйшій Монархъ благоволилъ изъ любви къ своему молодшему Брату Карлу Людвику соизволити, чтобы тотже первое выступленіе на полѣ государственныя трудовъ сдѣлалъ въ коронномъ краѣ Галичинѣ и тутъ подѣ нашими небомъ, въ дѣлахъ нашего края, при обычаяхъ и свѣчаяхъ нашего народа приготавлился къ великимъ подвигамъ, якіи по званію высокаго достоинства Царскаго Роду высшая судьба совершила Ему опредѣлила. — Радоватись можетъ и поведичатись передъ иными краями царской короны наша Галичина, что воля всемилостивѣйшаго Монарха усмотрѣла въ ней впечатлѣнія, которыя достойны суть, дабы вкоренились въ юношеское сердце; и отъ насъ то зависло, чтобы весна младенческаго вѣка въ высокостепенномъ нашемъ Гостю унесла въ потонную память наши благодѣтели, нашу преданность, благодарность и довѣріе наше къ Особѣ Царя и вседостойной Его Родины; въ нашей есть сила, чтобы воспоминаніе о насъ въ позднѣйшихъ дѣлахъ сплынуло благословеніемъ на край и дѣти наши за то, понеже мы знали высокопочтитаго благоволеніе всемилостивѣйшаго Владѣтеля, который нашему краю и попеченію нашего Намѣстника повѣряетъ найдорожшій скарбъ души — родного своего Брата!

— Отъ нѣсколькихъ дней присутствуетъ войсковымъ упражненіямъ на поляхъ подѣ Голомуцонъ Его Величество, нашъ милостивѣйшій Монархъ. 24 с. м. надѣялись такъ также прибытія Его В. російскаго Царя, который, якъ возвѣщаютъ нѣкоторые

дневники, поѣдетъ потомъ изъ Голомуца мимо Галичину до Одессы.

ВСЯЧИНА.

— Г. Пти, директоръ звѣздари въ Тулузѣ, утверждаетъ, что видѣнный недавно кометъ достигъ 8 с. м. своей присолнечной точки. Дня 5. с. я. былъ онъ 27 миліоновъ миль отъ земли отдаленный. Скорость его бѣгу была такъ велика, что отъ 25 Августа до 2 Сентября совершилъ онъ 12 миліоновъ миль. Современная скорость таа еще уболышилась. Англіійскій астрономъ Гиндъ рассчиталъ, что ядро его есть почти столь же великое, якъ наша земля; широта его хвоста выноситъ 50,000 миль и тѣмъ дѣломъ равняется разстоянію мѣсяца отъ земли; длину тогоже хвоста опредѣляютъ астрономы на 4 миліоны миль. — Изъ того урозумѣетъ каждый, что сей кометъ не принадлежитъ къ числу наиболышихъ и что скоротечность его не есть еще наиболышая. Астрономъ Гиндъ утверждаетъ даже, что наша земля проходила, кажется, не разъ сквозь долгій хвостъ яковаго комета и притягала къ себѣ его атмосферу безъ всякаго вреда для своихъ жителей, которыя иногда и не знали о томъ, что по надѣ ними протасаетъ кометъ. — При томъ случаѣ извѣщаемъ, что еще въ мѣсяцъ Маю с. года открыто сквозь телескопы въ Портѣ Паталъ великаго комета, о которомъ астрономы домышляютъ, что се будетъ тотъ самъ кометъ, егоче явленіе предвѣщено на г. 1856. Есть то наиболышій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи; г. 1264 сглаго пламенный его хвостъ на небѣ выше надѣ 100 градусомъ.

— Недавно обдаривалъ російскій Царь одного 11 лѣтнаго хлопчика, Івана Фадеева 100 рублями за то, что оборонилъ своего молодшого спутника въ лѣсѣ отъ волка, котораго билъ кустомъ по головѣ дотолѣ, пока не забилъ на мѣстѣ.

— Работы при будованіи желѣзной колѣи съ Бохи до Дебницы уже почти укомченны. Мосты на рѣцѣ Бѣлой и Дунайцѣ совсѣмъ готовы, а на Вислѣцѣ (вбудуются еще въ продолженіи сего мѣсяца).

— Якъ великое замилуваніе имѣють Бельгійцы въ гульбѣ и пѣнію познати изъ того, что у нихъ существуетъ нынѣ 662 музыкальных обществъ.

Извѣстія торговельныя.

— Въ первой половинѣ сего мѣсяца продавано на торгахъ въ Тернополѣ коренъ пшеницы по 5 р. 43 кр.; жита 4 р. 7 кр.; ячменя 3 р. 13 кр.; овса 2 р. 14 кр.; гречки 3 р. 53 кр.; кукурузы 3 р. 56 кр.; земляковъ 3 р. 16 кр.; цетнарь сѣна 52 кр.; возны 120 р.; наѣсныя коничины 16 р. ср.

— Курсы грошей на биржѣ Вѣденской дна 27 Сент.
 Ажіо н. червонцевъ 15%
 серебра 10%.

(Слѣдуетъ Число 30. „Поученій Церковныхъ" и „Возваніе къ предпιάтѣ на 3. четвертьгодіе.")

Изданіемъ и типою Института Ставропигіанскаго.

Отвѣчательный Редакторъ Богданъ А. Дидицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издается еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. н. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получить платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. н. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ПѢСНЬ РУССКОГО КОБЗАРЯ.

„Шумитъ вѣтеръ дубравами,
Листъ желтѣетъ на древахъ;
Я стою подъ воротами
Съ русской кобзою въ рукахъ.

У мене подъ серапомъ выются
Пѣсни, думки прежнихъ лѣтъ,
И съ грудей якъ птички рвутся
На гулянье въ Божій свѣтъ.

И слѣдуя ихъ пареню
Иногда спѣваю я,
Такъ, по давнему ученью,
И якъ анесъ поютъ друзья.

Но не добро мнѣ ведется
И всѣмъ братіямъ — пѣвцамъ;
Съ вѣтромъ голосъ нашъ несется
И счезаетъ по лугамъ.

Лихо время; лучше было
Бандуристамъ въ древній часъ,
Люди ихъ пріимали мило,
Марно не счезалъ ихъ гласъ.

Предки наши любовались
Въ сказкахъ, пѣсняхъ Кобзарей,
Тожъ охотно проходились
Кобзари по Руси всей.

А теперь — во время ново —
Хоть охота есть у насъ,
И поемъ про то и ово, —
Никто не слушаетъ насъ.

Слово русское не вѣстъ
Салоннымъ воздухомъ,
Стара бѣсѣда не грѣетъ
И не платитъ золотомъ!

Горька правда; но, ей Богу!
Горько нашимъ Кобзарямъ,
Крестъ даютъ имъ на дорогу,
И не внемлютъ ихъ словамъ.

Такъ не дивь, что молодцы
Лирваки упали съ силъ,
Перервали пѣснь другія,
Лиру не олимпъ разбилъ!

Бо якъ пѣти, якъ играти,
Коль слушателей все нѣтъ?
Якъ овощей намъ желати
Коль не дбаемъ и о пѣтѣ?

Намъ сіяетъ древня слава,
И подносятъ насъ къ тому
Царева рука ласкава —
Но мы предаемся сну!

Да не будетъ — страшно слово! —
Намъ погибель, слѣдство сна!
Пробудимъ же ся на ново,
Къ дѣланъ зветъ насъ Отчина!

Да будемъ Домъ Народный
И русского Слова Храмъ,
А за трудъ нашъ многоплодный
Вѣчна слава будетъ намъ!”

Богданъ А. Д.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ВСѢХЪ СЛОВЕНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

(Словенскіи народы: — Племена восточныя. — Племена западныя.)

Народы, которыхъ короткую Историю Литературы вознамѣряемъ почт. Читателямъ нашимъ предложить, происходятъ, какъ и прочіи большіи народы Европы, отъ индійскаго племени и воселились межъ морями Чернымъ, Балтійскимъ и Сѣвернымъ, по всему взроутію, въ VIII. или VII. столѣтіи передъ Рождествомъ Христовымъ. Первыя достовѣрныя свѣдѣнія однакожъ имѣемъ о нихъ изъ середины VI. столѣтія. Около того времени перешла одна ихъ часть Дунай, поселилась по обомъ сторонамъ рѣки сей даже до адріатическаго моря. Съ того времени стали они извѣстны прочимъ европейскимъ народамъ подъ именемъ Венетовъ, Вендовъ, Славовъ, Славянъ, Словенъ, которыми то послѣднимъ именемъ они самыя себе дома называли. Уже тогда раздѣлены были они на больше племенъ съ различными именами, которыя отъ части измѣнились, отъ части же всецѣло сохранились донныя. По изслѣдованію историковъ и филологовъ словенскихъ говорили древніи Словене однимъ языкомъ, но въ послѣдствіи времени раздѣлился тотъ языкъ на больше нарѣчій. Народъ, говорившій однимъ изъ тѣхъ нарѣчій, имѣлъ свое особенное имя и составлялъ собою одно цѣлое. Со временъ введенія межъ Словенами Христовой Вѣры начинается почти у всѣхъ словенскихъ народовъ, преимущественно же у народовъ восточнаго племени, ихъ писменная словесность.

Смотря на различіе нарѣчій и ихъ словесностей, раздѣлити подобаетъ нынѣшніи словенскіи народы на народы восточнаго племени и племени западнаго.

Къ восточному племени принадлежатъ:

1. Мало-Русскій народъ или Русины;

2.) Велико-Русскій народъ или Россіяне;

3.) Сербы и Хорваты, къ которымъ причисляются Босняки, Черногорцы, Словенцы. Далматы и Словѣнцы или Венды;

4.) Болгарскій народъ.

Къ западному племени принадлежатъ:

1.) Чехи, Моравяне и Словаки;

2.) Поляки или Лехи;

3.) Лужицкіи Сербы.

Намѣрая говорить о Исторіи литературы всѣхъ словенскихъ нарѣчій, начнемъ отъ исторіи словесности старословенскаго или такъ зовимаго церковнаго языка, который нынѣ не живетъ уже во устахъ ніякаго словенскаго народа, а только употребляется въ церковныхъ обрядахъ восточныхъ Словенъ, который однакожъ до нынѣшняго дня есть неизчерпаемымъ жерломъ найкраснѣйшихъ и найчистѣйшихъ словъ для всѣхъ его молодыхъ братій.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Старословенскій языкъ.)

Древніи Словене говорили однимъ языкомъ; съ того однакожъ не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ однимъ всѣхъ Словенъ языкомъ былъ такъ зовимый старословенскій или церковный языкъ, который во время введенія Христіанства могъ быти уже только нарѣчіемъ коего либо словенскаго народа. Яко такое нарѣчіе уважають его нынѣшніи знаменитіи изслѣдователи и знатоки словенскихъ нарѣчій, имененно Калайдовичъ, Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ и Миклошичъ, которыя того ради не называютъ его матерью, а только старшою сестрою

всѣхъ нынѣшнихъ словенскихъ нарѣчій. Тѣ ученые мужи, хотя въ сѣмъ отношеніи согласны межъ собою: противорѣчатъ себѣ однакожъ касательно вопроса: который словенскій народъ говорилъ тѣмъ церковнымъ языкомъ? Россійскій языковѣдъ Калайдовичъ приписывалъ его Словякамъ, разъ по согласію грамматическихъ видовъ, во вторыхъ, понеже Словяки принадлежали когда-то къ великому Моравскому Царству, где Кириллъ и Меѳодій найдолше пребывали и учили. Добровскій называетъ его сербско-македонско-болгарскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ за Кирилла и Меѳодія Словенами въ Θεссалоніи, отечествѣ тѣхъ двоихъ словенскихъ апостоловъ. Копитаръ согласился сперва съ его мнѣніемъ, но потомъ нарекъ церковный языкъ нарѣчіемъ Словѣнцевъ или Вендовъ въ Каринтіи, где именно была діецезія Меѳодія. Шафарикъ склонялся сначала ко мнѣнію Копитара, но послѣ основательнѣйшихъ изслѣдованій опредѣлилъ старословенскому языку отечество въ Болгаріи. Наконецъ Миклошичъ *) совокупляетъ мнѣнія трехъ послѣднихъ ученыхъ во едино, и утверждаетъ, что церковнымъ языкомъ говорили южныи Словене отъ Θεссалоніи даже до Каринтіи, и тверженіе свое основываетъ на великомъ согласіи болгарского, сербско-хорватского и словѣнского нарѣчія со старословенскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

I.

Знаете ли вы Пирятинъ?

„Пирятинъ, при рѣцѣ Удаѣ, уездный городъ Полтавской Губерніи; въ немъ

5.700 жителей, 5. деревянныхъ церквей, 28 вѣтренихъ мельницъ и 4. ярмарки, на которыхъ пріѣзжаютъ купцы со всякимъ товаромъ изъ сосѣднихъ городовъ, а съ Дону привозятъ рыбу.“ Такъ стоитъ въ которой-то школьной книжцѣ.

Но вы изъ того еще не узнали Пирятинъ. Передъ нѣскольکو сотъ лѣтъ, Пирятинъ былъ красивый, сильный, богатый городъ въ украинской Гетманщинѣ. Широко и далеко роскидался онъ по скату горы надъ Удаемъ; часто сверкали кресты церквей межъ его темными, зелеными садами; шумны были его базары; на нихъ громко гремѣли вольныи бѣсѣды, бряцали сабли и пестрѣли козацкіи шапки и жупаны; польскіи купцы привозили туда тонкіи сукна и бархаты; Нѣжинскій Грекъ выхвалялъ свои восточныи товары: то сверкалъ на солнцу остріемъ кинжала, то оберталъ долгую ручицу, окованную серебромъ; межъ тѣмъ, на сторонѣ раздавалась скрипка, звенѣли цымбалы, а захожій Запорожецъ выплясывалъ въ присяку, поднимая вокругъ облако пыли; порою, якъ пламя, вырѣзывалась изъ пыли червоная его куртка, порою выглядывало дьявольски-страшное лице, съ поднятыми къ верху усами, съ чернымъ чубомъ, вьющимъ на бритой голівѣ, и опять все исчезало въ вихрь танца... Народъ шумѣлъ, плескалъ въ долони; громкій хохотъ далеко раздавался по базару... Было весело!...

И самъ Удай, говоритъ преданіе, былъ прежде ширшій, глубочайшій и многоводнѣйшій; на мѣстѣ трясавицъ и болотъ, на которыхъ теперь городскіи Паничи стрѣляютъ за куликами и водяными курочками, тогда шумѣли и бѣжали быстрыи волни; Удай, говорятъ, такъ былъ тогда широкій лѣтомъ, якъ теперь весною во время полноводья, — а во время полноводья красивъ старикъ Удай, онъ воскресаетъ разомъ съ

*) Въ лекціяхъ „О лѣтописи и житіи Нестора“, преподаваемыхъ нинѣ въ Вѣденскомъ всеучилищѣ 1851 г.

природою, молодится и кипитъ и хлещетъ волнами о берегъ, якъ розгульный козакъ!

Быль, которую вамъ розкажу, случилась въ Пирятинъ — не то двѣста, не то триста лѣтъ назадъ. Городъ былъ по правому берегу Удаю подлѣ горою; на горѣ тагнулись долгиныя рядомъ вѣтренныя мельницы и виднѣлись два небольшіе земляныя укрепления; тамъ день и ночь стояли сторожевыя козаки; въ серединѣ города, у самого берега рѣки, былъ замокъ — крѣпость, обведенная высокими валами; на валу стояли пушки, всегда готовы встрѣтити незваныхъ гостей; въ крѣпости хранились военныя снаряды и была церковь, въ которой лежалъ войсковой скарбъ и касса; во время набѣговъ сносили туда жители свои драгоценности.

На противоположномъ берегу Удаю, въ дубовомъ гаю, стоялъ бѣлый каменный домъ, построенный на польскій ладъ; домъ принадлежалъ Лубенскому Полковнику Ивану. Преданіе называетъ Полковника просто Иваномъ: и мы будемъ называть его Иваномъ. Не смотря на то, что Пирятинъ былъ старинный городъ, Полковникъ Иванъ дуже любилъ его, и часто, оставляя свои Лубны, проводилъ лѣто въ Пирятинскомъ загородномъ домѣ съ молоденькою дочерью Мариною.

Въ одну весну, Полковникъ пріѣхалъ въ Пирятинъ на печальный обрядъ, на похороны замкового протоіерея, Отца Якова. Все козаки любили почтенного покойного старика: не разъ являлся онъ среди нихъ съ крестомъ въ рукахъ на стѣны замка, и подлѣ стрѣлами Крымцевъ и куляни Поляковъ, словами въры ободрялъ воиновъ, перевязывалъ раненыхъ, исповѣдывалъ умирающихъ... Все плакали по Отцу Якову и просили Полковника назначити въ Пирятинъ священникомъ, на мѣсто покойного, сына его Алексѣя.

Сынъ Отца Якова учился въ Кіевѣ. Послали за нимъ гонца; и вотъ, пріѣхалъ въ Пирятинъ Алексѣй Поповичъ, красавецъ — юноша лѣтъ двадцати.

По его пріѣздѣ, случилось въ Пирятинѣ нѣчто достопамятное: красавецъ Алексѣй влюбился въ дочь Полковника Марину. И они любили другъ друга страстно, якъ люди, выросшіе подлѣ строгою дисциплиною и готовы предатись всею полнотою души первому влеченію сердца... Они любили первую любовью, — и для того были счастливы, были достойны зависти другихъ.

Многіе почтенныя люди при словѣ „любовь“ дѣлають удивительныя гримасы, будто розгрызутъ перецъ или услышатъ про чуму или холеру. Для насъ то непонятно. Ужъ не изъ зависти ли то, почтенныя люди? Зачѣмъ скрывать, унижать, стыдиться самого лучшаго, высокаго чувства? Хотѣли бы мы знати, что больше способно облагородити, побудити человека къ самымъ великодушнымъ, безкорыстнымъ подвигамъ, если не любовь? А многіе ставятъ ю на ряду съ бѣлою горячкою; многіе не посовѣстятся кричать въ обществѣ, что любятъ пудла, ручицу, коня, а никогда не признаются въ любви къ подобному себѣ человеку другого пола!

Не наша ли испорченность тому причиною?

Нѣкоторые уважають за преступленіе даже взглядъ, верженный на женщину, взглядъ, исполненный тихимъ благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія надъ ея красотою!...

Что бы вы подумали о обществѣ, въ которомъ каждый боится посмотреть на кошонку или капелюхъ своего пріятеля, чтобы не сказали другіе: стережитесь, онъ хочетъ украсти вашу кошонку, вашъ капелюхъ.

Время шло, а Поповичъ Алексѣй и не думалъ о посвященіи; мысли его были далеко отъ строгого сана: душа носилась въ чудномъ морѣ мечтаній любви; другой мысли, другому чувству не было мѣста; всюду она, волшебница, съ своими прелестными чарами, съ томительною тревогою и свѣтлою надеждою... Иногда, бывало сидитъ Алексѣй въ саду подъ черешнею и читаетъ Цицерона: пазарно воображеніе хочетъ перенестись въ многолюдное римское форумъ, где такъ грозно, такъ самонадеянно говоритъ великій витія. Кругомъ тепло, свѣжо, столько пріятности въ весеннемъ воздухѣ: черешня тихо повѣваетъ бѣлыми пучками своихъ благоуханныхъ цвѣтовъ; тысячи пчелъ и другихъ насекомыхъ садятся, перелетаютъ, жужжатъ между цвѣтами; за садомъ плещутъ и ропшутъ тихія струи Удаи и рѣчный тростникъ нашептываетъ пріятную, успокоительную думу. Чудный отголосокъ великой музыки природы! Тихо хлопнула книга изъ рукъ молодого ученика, и на великолѣпное, громовое начало бесѣды Цицерона за XII. Таблицъ: „Хотя всѣ дрожатъ, я скажу, что чувствую!“ онъ едва слышно отвѣчалъ: „люблю!...“ и вслѣдъ за тѣмъ словомъ мечта его кипнула шумный Ринъ и неслась къ Маринѣ. И вотъ она чудно-хорошая, явилась спокойною, опустивши долги рѣсницы; сладостное, невыразимое чувство благоговѣнія обхватываетъ несымого юношу: цѣлый бы вѣкъ смотрѣлъ на ню...! Но вотъ, она усмѣхнулась, открыла очи — будто небо раздвинулось передъ Алексѣемъ... Якъ бы отъ солнца, изъ огненныхъ очей падали ему на сердце лучи жизни и состорга!... Чудное видѣніе! наразъ: оно вскрылось! что-то легонько тронуло по лицу Алексѣя... глядитъ: онъ весь осыпанъ цвѣтами; гвоздики, розы, незабудки катятся съ него на землю; старика Цицерона при-

крыла полная, червоная роза; въ сторонѣ слышенъ тихій смѣхъ; изъ за живоплота жартобливо глядитъ черноокая, чернокудрая головка молодой цыганочки, служанки Маринины; кланяется и исчезаетъ, звонко напѣвая извѣстную пѣсню:

„Барвиночку зелененькій
Стелся низенько,
А ты милый, чернобровый,
Присунься близенько!...“

Почти каждого вечера, когда затихалъ шумъ въ окрестностяхъ Пирятина и свѣтлый мѣсяцъ, выходя на темно-синее небо, смотрѣлъ въ Удаю, тихо проплывала лодочка у самого берега передъ домомъ Полковника, и кто-то пѣлъ на ней пѣсни; голосъ пѣвца, томный, страстный, звучалъ, переливался, будилъ дальное эхо и исчезалъ постепенно, замирая въ отдаленіи.

„Не лихо постъ человекъ!“ скажетъ, бывало, Полковникъ, покуривая на крыльцѣ люльку.

„Такъ-себѣ!“ отвѣчаетъ Марина зарумянившись до ушей, а межъ тѣмъ, прислонясь къ разному столбу крыльца, жадно слушаетъ знакомыя звуки; слезы восторга сверкаютъ въ очахъ ея, и она завидуетъ мѣсяцу, который съ высоты можетъ глядѣть на пѣвца и ласкати его своими лучами. — „Чему я не звездочка,“ думала Марина, если падучая звездочка катилась въ то время по небу; — „я бы слетѣла къ нему съ высоты, горя и сверкая любовью; я бы рассыпалась передъ нимъ яркими искрами и освѣтила путь моему козаку неаглядному; его очи засвѣтились бы моимъ огнемъ — и умерти было бы весело...“

„Розспѣвались Пирятинцы въ нынѣшнюю весну; всѣхъ пѣсень не переслушаешь; пора спати!“ говоритъ бывало, Полковникъ.

Марина шла въ свою свѣтлицу, отворяла окно. Въ отдаленіи едва слышно роз-

давались звуки пѣсни; съ послѣдними отголосками ей слышалась жаркая молитва бѣдной дѣвочки о Алексѣю; пѣсни умолкали, — но долго еще Марина лежала на козлахъ передъ образомъ Богоматери, украшеннымъ цвѣточными вѣнками, и молилась, и плакала, сама не зная зачѣмъ.

II.

Судячи по теперѣшнимъ образованнымъ, милымъ снисходительнымъ Полковникамъ, неможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о Полковнику малорусскомъ времени Гетманщины. Въ немъ сосредоточивалась власть военная и гражданская цѣлой области; онъ былъ и военачальникъ, и судья, и правитель; онъ безгранично, безотвѣтно распоряжался въ своемъ полку. Правда, право жизни и смерти было закономъ предоставлено Гетману; но нерѣдко Полковники нарушали тое право и даже карали самовольно преступниковъ. Кто смѣлъ жаловаться на Полковниковъ? — Одѣты въ серебро и золото, украшенныи клейнодами, знаками своей власти, окруженныи многочисленною вооруженною свитою, съ азіатскою пышностію являлись они передъ народомъ — и города и села преклонялись, уважая ихъ воинныи доблести и трепеща передъ ихъ властію. Въ народѣ воинственномъ, полудикомъ, иначе и быти не могло. Суровость, важность и гордость украинскаго Полковника XVI вѣка были разумною необходимостію.

Пышныи, грозныи, суровыи были Полковники, но грознѣйшій и суровѣйшій изъ всѣхъ былъ Полковникъ Лубенскій Иванъ. Въ молодости, онъ славился между козаками упорствомъ и бѣшеною отвагою въ сраженіяхъ, что тогда почиталось наибольшою добродѣтелью и доставило ему потомъ полковничье достоинство. Покойную жену свою онъ любилъ, и таки дуже любилъ, но, счи-

тая неприличнымъ доброму козаку показывать какое — нибудь чувство, особливо къ женщинѣ, онъ обходился съ нею сурово, деспотически. „Баба — дрянъ!“ часто говорилъ Полковникъ: „ни силы, ни характера! Кобы были на свѣтѣ однѣ бабы, давно бы ихъ всѣхъ перебили Татары. На что былъ Гетманъ Сагайдачный, добрая голова! а промѣнялъ жену за тютюнъ да люльку, — и еще сложилъ пѣсню:

Менѣ съ женкою не водиться,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорожѣ
Снадобится!...”

Въ Крымскомъ походѣ, Полковникъ Иванъ заболѣлъ на пропастицу. Ему не сохотѣли ѣсти рыбу. для того, что пропастица не любитъ рыбу. „Вотъ, хорошо!“ говорилъ Полковникъ: „еще жъ менѣ уважать на бабскіи капризы! Пропастница баба, а я, благодаря Богу, козакъ.“ И три года жестокая пропастица мучила полковника, и три года постоянно онъ ѣлъ рыбу и раки, говоря: „увидимъ, кто выиграетъ?“ Такъ и было: къ удивленію всего полка, на четвертый годъ пропастица оставила упертого Полковника.

Не дивно, что покойная Полковница, не смотря на богатыи парчевыи одежи, собольи шубы и алыязныи ожерелья, которыми щедро дарилъ ю мужъ, все скучала, тосковала, сохла и въ молодости умерла, оставя маленькую дочь Марину.

Умирая, она горько плакала и просила мужа любить и лучше обходиться съ дочерью... „Ты никогда ни въ чемъ не вѣрилъ менѣ,“ говорила она: „мою болѣзнь ты называлъ капризами, мои горячіи слезы водою, изъ которой ніякій Нѣмецъ не вываритъ ни капли горьлки... Ты смѣлся надъ моею слабостію, и — вотъ, я умираю, рано умираю, оставляю дочь сиротою, все

черезъ тебе. Да простиъ тебѣ Богъ; Ты дѣлалъ свое дѣло, ты былъ мой начальникъ по закону Божию; не твоя вина, что ты не понималъ мене. Не доведи жъ до того дочери; будь ей отцемъ и матерью, слышишь, Иване?... Слаба женщина, часто одинъ взглядъ убиваетъ ю...“

Полковникъ былъ ростроганъ; уже очистительная слеза раскаянія закрутилась было въ очахъ его; но вспомнувши, что онъ козакъ. Полковникъ пересилилъ себѣ, проглотилъ непрошенную гостью, вздохнулъ — и на похоронахъ жены напился до пьяна.

По смерти жены, Полковникъ сдѣлался еще сумнѣйшимъ; тайная задумчивость прилипла къ его характеру; онъ заливалъ внутреннее безпокойство виномъ и майже каждого дня къ вечеру бывалъ въ такомъ состояніи, какъ — будто сейчасъ вернулся съ похоронъ покойной жены. По утрамъ онъ часто ласкалъ Марину, но, подхмивлившись, тотчасъ удалялъ ю, говоря: „Ступай себя, донько, въ свою свѣтлицу, у мене суть свои козацкіи дѣла: не пристало тебѣ ихъ слушать; ты такая, какъ твоя... царство ей небесное! Такъ ступай; не бойся, не рослачусь!...“

Полковникъ посылалъ за кобзаремъ и пилъ, и слушалъ его пѣсни, и кидалъ ему дробными гроши; если пѣсня подобалась, то щелкалъ его пальцемъ по лбу, проговаривая: „врешь, сиромаша! не такъ! ты пьянъ и не выспался!...“

А иногда онъ потѣшался съ Герцикомъ.

Герцикъ былъ у Полковника что-то въ родѣ дурачка и пріятеля; его жизнеописаніе немногосложно. Когда-то козаки розграбили и спалили одно польское имѣстечко. Что могло горѣти — сгорѣло, что могло убѣжать — разбѣжалось. Полковникъ Иванъ раскурилъ головню изъ пожара свою люльку, сѣлъ на бочку и началъ судить

пльнишковъ. Привели хлопчика лѣтъ шестнадцати, съ быстрыми сѣрыми очима и коротко-подстриженною головою.

„Ты жидъ?“ спросилъ Полковникъ.

„Нѣтъ, я Нѣмецъ,“ отвѣчалъ хлопецъ.

„Врешь! ты говоришь какъ жидъ, смотришь какъ жидъ; а голову подстригъ, чтобы обмануть мене. Хлопцы! испыгивати его, пока не признается, что онъ жидъ — да и повѣситъ.“

„Ей Богу я Нѣмецъ, зазвѣй Нѣмецъ; я не воевалъ съ вами, я люблю васъ.“

„Спаси — Богъ за любовь. Такъ повѣсьте его не допрашивая.“

Хлопецъ упалъ до ногъ Полковнику, умолялъ о пощаду, обѣщалъ служить ему вѣрно до гроба и объявилъ, что онъ знаетъ всякіи науки, даже дѣлаетъ часы.

„Посмотримъ,“ сказалъ Полковникъ, вынимая изъ кишени часы въ видѣ великаго яйца: „вотъ та штука третого дня стала — и ни съ мѣста; я и встряхивалъ ю, и дулъ въ середину — ничего не помогаетъ, а штука дорогая, ваша, нѣмецкая. Коли поправишь сейчасъ — жити тебѣ въ свѣтъ, а не поправишь — не сердись... Начинай!“

Хлопецъ, дрожа отъ страха, присѣлъ на землю и со страхомъ отворилъ часы. Но чѣмъ больше разсматривалъ, тѣмъ становился спокойнѣйшимъ. Полковникъ не успѣлъ осудить десятка пльниныхъ, уже Нѣмецъ, усмѣхаясь, подалъ ему часы.

„Хорошо,“ сказалъ Полковникъ съ удовольствіемъ прислушиваясь звонкому ходу маятника: „хорошо, а какъ зовутъ тебе?“

— „Герцикъ.“

„Хлопцы! дайте Герцику кафтанъ и шапку; онъ поѣдетъ съ нами.“

Съ тѣхъ поръ Герцикъ остался при особѣ Полковника, увеселялъ его различными штуками, дѣлалъ транспаренты, огнемел-

ныя колеса, особливо же — строгіе удивительныя часы. Во всемъ Лубенскомъ полку была известна такъ звана ходячая картина: на картинѣ той былъ изображенный млынъ, истый вѣтренный млынъ, въ якихъ Христіане нелютъ нуку; только та не молодая нуку, а перемелливала старыхъ бабъ на молодыхъ. Истинно!... День и ночь шевелились на томъ млынѣ папъровыя крыла и въ одну дверь входили старыя — престарыя бабы; скверныя, прескверныя. — будто лѣкарство отъ трясавицы; а въ другую выходили изъ млына молодыя молодички и дѣвочки свѣжія, красненькія, чевнобровыя, полногрудыя, съ такими ямочками на щекахъ, что поцѣловати хочется... Якъ жаль, что теперь перемерли уже люди, видѣвшіе такую ходящую картину Герцика: они бы рассказали про ню лучше насъ.

И еще былъ у Полковника Ивана вѣрный слуга Гадюка; вѣчно безъ шапки, босый, нечесаный, съ немытыми руками, съ нечеловѣчьими ногтями на рукахъ. На войнѣ онъ всегда былъ за Полковникомъ съ огромною палкою на плечу и съ фляшкою въ рукахъ; въ мирное время спалъ, якъ медвѣдь лѣтомъ, свернувшись въ клубокъ на полу, у порога полковничьей спальни, и готовилъ полковнику обѣдъ.

Про силу Гадюки до сихъ поръ ходятъ преданія межъ простолюдинами въ Пирятинѣ. Одинъ только Гадюка могъ безкарно говорить Полковнику горькія истины, противурѣчалъ ему и даже сварилъ, якъ на ровного. Иногда Полковникъ напоминалъ Гадюцѣ, что онъ слуга и привелъ его къ молчанію. Гадюка склонилъ голову, сверкнулъ изъ подлобыя очима и замолчалъ; но ночью пошелъ до млына, снялъ огромный жерновый камень; принесъ его и завалилъ имъ двери полковничьей спальни. Рано Полковникъ хо-

телъ выйти — не можно, не пускаетъ камень.

„То твои штуки?“ спросилъ изъ — за дверей Полковникъ.

— „Мои.“ хладнокровно отвѣчалъ Гадюка.

„Отвали камень.“

— „Ты панъ, старшій, сильнѣйшій отъ мене: тебѣ то легче сдѣлати.“ —

„Да я не могу.“

— „А ниѣ не хочется.“ — И сказавши тое, Гадюка вышелъ изъ комнаты. Позвали десять козаковъ, и на силу они отодвинули отъ дверей камень. Полковникъ вышелъ, посмотрѣлъ на камень, покачалъ головою, засмѣялся и возвавши Гадюку, далъ ему великій стаканъ горьлки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

НОЧЬ ЗИМОВАЯ.

(Два образки.)

I.

Ночь была дика, зимовая. По улицамъ бушевалъ полночный вѣтеръ, и никто изъ горожанъ не проходилъ ниими; только сюда туда проѣзжали Панскіи повозы, глухо гуркотая по замерзшему бруку. Молодой, богатый, веселый графъ Станиславъ давалъ подъ тотъ же часъ велѣбный балъ, ниръ найоказальшій той зимы; великій свѣтъ столицы былъ къ нему спрошенъ. Дворецъ перемѣнился въ чародѣйное сѣдлище духовъ. Яркія свѣтила, порозвѣшаныя густыми рядами по комнатамъ, блестяи якъ великія перлы, разливая огненнымъ струи по пространному подіорью и сосѣднимъ улицамъ, а пламя походней и несчисленныхъ лампадъ розсылало теплоту въ окрестность дворца на перекоръ проницательной ступни. Для наблюденія порядка порозставляно сторожей и придворныхъ слугъ, такъ чтобы врывающіися со всѣхъ сторонъ тол-

пы любопытливыхъ людей низшаго сословія, привлеченныхъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, не задерживали съѣзжающихся совсюду гостей.

Хотя внѣшняя часть дворца графа Станислава блескомъ своимъ плѣняла зрѣтелей; но внутреннее его украшеніе превышало все, что доселѣ кто видѣлъ. Пространнымъ, богато пріоздобленымъ комнаты смѣнились въ цвѣтушіи огороды Италіи. Бальсamicкое благоуханіе густо порозставлявшихъ деревья помаранцовыхъ и заграничныхъ цвѣтовъ разливалось по простору комнатъ, сіяющихъ отъ золота и серебра ослѣпительнымъ блескомъ такъ, что счастливымъ высокороднымъ зрѣтелямъ казалось, яко бы они перенесены были мимовольно подъ чудовное небо Италіи въ край роскоши и изнѣженія. Графъ Станиславъ былъ первый, который съ надъвычайными издержками завелъ столько улюбленнымъ теперь зимовымъ огородамъ.

Мимо теплоты, огрѣвающей прозябшее тѣло, не было видно въ комнатахъ ни одной печи, бо за помощію искусныхъ руръ и трубокъ, прикрытыхъ драгоценными покрывалами, огрѣвался воздухъ во внутри дворца и наполнялъ его пріятною лѣтнею теплотою. Кромѣ того графъ Станиславъ, неисчерпанный въ помыслахъ, прилагодилъ все такъ хорошо, что въ комнатахъ, сѣняхъ и галереяхъ его дворца можно было совершати стомилевое путешествіе въ полгодинной прогулкѣ. Въ передномъ покоѣ цвѣли и воцвѣли цвѣты южныхъ сторонъ Франціи, дальше плѣняли око пучки и пестрыи чашечки цвѣтовъ Испаніи, по различнымъ мѣстамъ блестяли испанскіи яблока въ тѣни темно-зеленого листья. Въ иной комнатѣ представлены были Альпы; деревья и кусты, растущіи только по высокимъ горамъ, стояли въ нѣякомъ отъ себе отдаленіи, потомъ явля-

лись чѣмъ разъ рѣдше, наконецъ украсилась полумертвая природа тамъ и сямъ одинокимъ альпейскомъ цвѣточкомъ. Дальше представлялся видъ чѣмъ разъ милѣйшею, просторъ все розширялся, въ отдаленіи блескотѣло море синимъ своимъ зеркаломъ, а изъумленный путешественникъ узрѣлъ себе въ саль, представляющей чудесную Италію, край помаранчъ и Мадонны, край солодкой лѣпости и мягонькихъ тоновъ Белиппіи. Боковыми галереями можно было достатись до поважной тишины монашескаго житія Испаніи, где звуки гитаръ раздавались чень развалинами Альгамбры. Наконецъ открылись любопытному оку край Востока, съ пальмовыми деревьями и минаретами, съ благоуханьемъ розъ и чародѣйныхъ цвѣтовъ. Съ помощію множества искусно перемѣняющихся образовъ и картинъ продолжался сей упоительный видъ безконечно. Очаровательное впечатлѣніе подносило еще содѣйствіемъ укрытой оркестры, которая играла соотвѣтныи всякой краинѣ мелодіи.

Не меньше занимательный видъ, якъ краснорисно украшенны комнаты, представляли запрошенны на пиръ достойныи гости, а именно женщины. Пайкрасіи цвѣты столицы являлись на подобіе красавицъ Русалокъ, пріодѣтыхъ по найновѣйшей Паринской модѣ, едва дотыкаясь атласовыми черевичками воскованного полу. Мужчины богато убраны бѣгали отъ красавицы къ красавицѣ съ поклонами и солодкими словами якъ зачарованныи фигурки.

Молодой графъ Станиславъ, взорецъ красоты и салонного уложенія, пріодѣлся въ якійсь уборъ народовой, сіяющій дорогими камнями и золотомъ. Съ найнившюю привѣтливостію и сладкорѣчіемъ принималъ онъ каждого новаго гостя и сыпалъ именно дѣламъ столь много ласкательныхъ словъ, сколько лишь могъ вынайти ихъ въ сало-

— Гнилый славъ (плмъ) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколькими мѣсяцами ради совѣщаній, установилось съ особеннымъ уваженіемъ надъ хворобами пчелъ. За найвредливѣйшую немощь узнано односторонне такъ званый гнилый славъ. Она показывается тѣмъ способомъ, что хворыя пчелы урочаютъ изъ себе въ большей мѣрѣ якійсь темно-черный, дуже смородиновый плмъ, который увидѣти можно у очка и на досчицахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ ніякого средства: понеже однакоже она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, якъ только знаки оной немощи въ которомъ ульѣ покажутся, таковой сейчасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено также о такъ званомъ свмчѣйномъ славѣ. Причину сей немощи бываеъ явное охлажденіе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случится ночаинно холодная слога. Въ соломяныхъ ульяхъ показывается она рѣже, понеже тѣмъ суть теплѣйши, якъ деревянные. Хвороба тая не есть заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующіи: спроваженіе теплѣйшаго воздуха, стараніе чищенію улей, особливо же кормленіе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладаніе овощныхъ деревъ цеглою. Опыты садовники замѣчали отъ давня, что овощныя дерева, обложенныя у кореня цеглами, растутъ далеко сильнѣйше и роскошнѣйше, якъ не обложены; происходитъ се отъ того, что цегла не вытягиваетъ изъ земли поживныхъ соковъ, которыми обыкновенно тучатся сосѣдныя былинныя и растенія, и такимъ дѣломъ тѣми соками нападается единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглою препятствуетъ испаренію земли и вредному дѣйствію солнца.

— Новооткрытая американская швальня (машинка до шитья) находится теперь уже и въ Вѣднѣ. Машинка та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швальнаго искусства, можетъ употребляться къ шитью всякихъ веществъ. Работа на ней идетъ дуже скоро и всю машиную можетъ управлять даже дитя съ великою легкостью. По численіямъ выробляетъ она въ десять разъ больше, якъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодна есть особливо для шитья веществъ въ большемъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Для 3. с. м. о 8. годнѣ совершалъ ВЧ. Крыломанинъ М. Куземскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, которой присутствовали ученики училища образцоваго (Musterschule) со своими Учителями при началѣ года школьнаго 1854, съ которымъ появившееся училище приходитъ подъ управленіе Всечестивѣйшей и Всевѣтлѣйшей Митрополитальной греческо-каволической Консисторіи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Ставропигійскаго: оно было такъ прекрасное, что не могло не тронуть глубоко сердце присутствующей молодежи, дабы благодарити Богу и Его Имп. нар. Апостольскому Величеству Францъ Іосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвать въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которому да дастъ Господь Богъ многая лѣта!

— Для 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣствовалъ Плеосъ. Епископъ Іоаннъ Бохенскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, которой присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ красивый съ чиновниками мірскими, воинство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣженища. Въ концѣ литургіи пѣвскы были пѣснь амвросіанскій: Тебе Бога хвалятъ и многогласіе Его Величеству, милостивѣйшему Монарху. Также для учениковъ первой, русскаго гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бергарднскомъ за многогласіе Монарха.

— Его Величество, російскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голомучу, где отбывались великія войсковыя маневры. Кромѣ Великихъ Князей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голомучу также князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Философовъ, Чечевичъ, Лъвенъ, Гривальдъ, полковники Ясиковичъ, Паткуль и Адлербергъ, державный канцлеръ Нессельроде, посолъ при австр. дворѣ Мендлеръ, тайныя совѣтники Кудрявскій и Сакенъ, и державный совѣтникъ Енохинъ. Для 28 о 10 годнѣ вечеръ потѣхалъ Его В. Царь російскій со своею свитою мимо Шакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы для 3 с. м. о 10 годнѣ передъ полюдіемъ мимо Шакову въ сопровожденіи Его в. Архикнязя Короля Людвига и Его В. Короля Пруссъ,

съ которыми съѣхался былъ Его Величество въ Козлю.

— Дня 26 ж. м. играло въ Голомуцу на-разъ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гу-дебныхъ бандъ: съ того можно заключити, въ какомъ великанскомъ розмѣрѣ отбывались тамъ войсковыя парады.

— Нѣкоторые временописы возвѣщаютъ „съ достовѣрныхъ жерелъ,” что свадьба Его Величества, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытія короны св. Сте-фана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстія: Еще въ Сентябрь 1849 г. донесено в. правительству съ Ви-дина, что короннымъ знаменемъ закопанъ былъ въ Оршавской окрестности мадарскій бѣглець Семере. Въ слѣдствіе того распочались тамъ поиски, которыя по-томъ прервано. Особлившій случай понудилъ одна-кожъ къ предпріятію новыхъ изслѣдствій: когда бо весною с. г. на долинѣ коло холма Аліону близъ Оршавы стала великая вода, постановилъ Кошутъ, узнавшій о томъ заводненіи за границею, искати способу, какъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достати. Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, ко-торы имѣли ихъ ночью выкопати и отдать потомъ Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узнавъ заблаговременно ц. к. подмаршалъ Кемпенъ, и сейчасъ поручилъ майору Каргеру обновити въ окрестностяхъ Орша-вы точнѣйшія поиски. Окрестность тую обставлено доброю стражею—и ото, поймано разъ одного 19 лѣтняго жидка, укрытого въ таюшнихъ мочарахъ, который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой стороны изъѣвилъ бѣглець Семере въ Парижу, у-знавшій о замыслахъ Кошута, что „лучше хочетъ передать закопаннымъ драгоценностямъ правительству, какъ соизволитъ, дабы они попались въ руки сба-бѣлаго Кошута, который привелъ народъ на про-пасть пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. прислано подм.

Кемпену съ Парижа писменное донесеніе, соста-вленное по указаніямъ самого же Семере. Съ по-мощію тѣхъ указаній приступилъ майоръ Каргеръ къ близшимъ изслѣдованіямъ и приказалъ дня 7 Сент. роскопывать землю близъ холма Аліону. На другій день о 8 годинѣ рано ударили мотыки двоихъ ко-нающихъ граничаровъ о желѣзную раковъ. въ кото-рой открыто короннымъ драгоценности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ нѣмецкимъ хладнокровіемъ писалъ свою „Критику чистого разума,” застрѣлился сими днями одинъ 60 лѣтній старикъ съ поводомъ, что нѣка молодая дѣ-вочка неприняла любовныхъ его нѣжностей!

— Въ Бельгійскомъ городкѣ Пиникеръ живеть женщина, которая отъ Мая 1818 года ни-чего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ниче-го. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда комиссія, состоящая съ лѣкарей, которая пребывая тамъ 4 не-дѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженіи того времени женщина сія не имѣла въ устахъ ни кусника яствій ни капли якого напитка. Дня 20 ж. м. обходила она 66 годовщину своего житія. Лѣ-кари и природоиспытатели заходятъ въ голову, какъ можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дня 1 Окт.
Ажю и червонецъ 14 1/2
серебра 10

Исправленіе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописы случилось на стр. 34 въ 7 строч. съ долу 1. передѣлки ошибка; также должно быти; Г. Гушалевиць преподасть „религіозную науку“ для Русиновъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназіи а въ 6 низшихъ г. Ю. Сембратовичъ.

(Слѣдуетъ Число 31. „Поученій Церковныхъ”)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченіе третьяго четвертьгодія „Зори Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которыя на сіе четвертьгодіе еще не предплатили, просимъ о скорое надосланіе предплаты; Всѣхъ же Прочихъ, которыми недостають или недоставати будутъ якія числа нашей временописы, просимъ упоми-натись у насъ о тѣмъ же незапечатаннымъ и неоплаченнымъ листомъ. При томъ за-мѣчаемъ, что можно еще немного экземплярей нашей временописы отъ 1 до нынѣш-няго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Изданіемъ и типою | Института | Ставропольскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

ЗОРЯ ГАЛІ КАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листы, по пять годовою въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. з. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СЛОВЕНСКОЕ ПЛЕМЯ.

(изъ чешской Чиганки.)

Поздно ли на роспѣваетъ,
Но полезный пѣтъ несетъ,
Человѣкъ съ него собираетъ
Лѣки, пчелка сладкій медъ.

Такъ Словенъ прекрасно племя
Поздно выдаваетъ пѣтъ;
Но съ него — въ будущее время —
Много скорыстаетъ свѣтъ!

БОЛЬШИНСТВО ГОЛОСОВЪ.

I.

(по Рикерту.)

Днесъ болышесть голосовъ всѣ споры разрѣшаетъ,
Но скорше меньшести рѣшати подобаетъ;
Бо выше цѣнныя мы суаъ мудрыхъ якъ глупцовъ,
А меньше есть всегда на свѣтѣ мудрецовъ.

II.

(по В. Бесте.)

Хочете болышинствою о идеяхъ рѣшати? — но знайте:
Болышинствою голосовъ вбитый Спаситель на крестъ!

ДВА ДИСТИХА

по Коляру.

I.

Дѣъ суть межъ нами спорящія стороны; но усмирися:
Мы бо о дерево все дбаемъ, вы только о листь.

II.

Не говори: „чеъ пишете нахъ такъ высокими азыкомъ?“
Лучше скажи: „чему я знаю такъ мало азыкъ?“

Богданъ А. Д.

I.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ СТАРОСЛОВЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Письмена Старословенскіи. — Кириллъ и Меѳодій. — Глаголитъ. —)

Нѣтъ сомнѣнія, что Словене еще передъ Кирилломъ знали читати и писати. Найдено древнѣйшее свидѣтельство о письменахъ словенскихъ принадлежитъ Чехамъ и находится въ отрывку изъ поемы: „Судъ Любуши.“ которой содержаніе относится къ началу VIII. вѣка, а рукопись къ концу IXго. Тутъ говорится о доскахъ правдодатныхъ, на которыхъ начертаны были законы. Дитмаръ Мерзебургскій, писавшій въ XI вѣцъ, свидѣтельствуеъ, что на кумирахъ Словенъ языческихъ были вырзаны имена боговъ. Болгарскій черноризецъ Храбръ, которого Шафарикъ относитъ къ XI вѣку, говоритъ, что Словене, будучи еще поганамъ, не имѣли книгъ т. е. письменъ, но читали и гадали чертами и рзани (рѣзьбами); потомъ же перешли къ письменамъ греческимъ и римскимъ. Въ 1836 г. найдены были въ карпатскихъ горахъ неизвѣстными надписи: ученые полагаютъ, что суть то письмена старо-словенскіи, для того, что Карпаты,

— По новѣйшимъ извѣстіямъ, вышла холера такожъ въ Сокалі и Пархачу.

— Въ Пештѣ отбудется назадолго любопытная проба съ новою машиною, такъ званною „всегда — движущеюся“ (perpetuum mobile). Машина тая введена будетъ въ движеніе самою только динамическою силою, котора. безъ содѣйствія пары или якого нибудь иного вспомогабельнаго средства, двигати будетъ всю машину вразъ съ соотвѣтнмъ ей бременемъ по тому направленію, какое первобытно надасть ей человѣческая рука. Изобрѣтателемъ той машины, надъ еяже изготовленіемъ многиі механики голову себѣ ломали, есть нѣкій столяръ изъ Сегедяна. именемъ Карлъ Богачъ. Если проба уадется и машина окажется не самымъ пустымъ теоретическимъ мечтаніемъ, но дѣйствительнымъ орудіемъ въ практицѣ: тогда прочь всѣ паровыи машины — тогда будетъ ѣздити, плывати, молоти и всю тяжкую работу исполнати съ пошощію самой всегда — движимой динамической силы!

— Межи кождымъ 10,000 жителями австрійской Державы есть 7,039 римскихъ и ориянскихъ католиковъ, 987 греческихъ католиковъ (соединенныхъ), 844 православныхъ (греческого вѣроисповѣданія). 577 еванг. гельветскаго а 343 авсбургскаго вѣроисповѣданія, 14 унитаровъ, 195 жидовъ и 1 изъ меньшихъ сектъ.

— Со времени заведенія постоянного войска ажъ до нынѣшняго дня упало 259 п. австрійскихъ генераловъ и полковниковъ въ битвахъ съ непріателемъ.

— Въ Темешварѣ росписалъ одинъ швецъ преиумерату на чоботы. За предплату 5, 10 и 20 р. ср. получать можно черезъ цѣлый годъ нужныи чоботы. — Вотъ, до чего то нынѣ люди берутся! Преиумерата на чоботы! Теперь когда времевописи мало нѣбуютъ преиумерантовъ, найдуть ихъ можетъ больше шведы

— Въ Пруссакъ, где всѣ публичныи дороги обсажены деревьями, приказано правительствомъ, чтобы вѣсто дикихъ лѣсныхъ деревъ или тополей сажати теперь только овощныи дерева.

— Въ Крумловѣ въ Чехахъ живетъ одна 90 лѣтняя ждщина, которой выросли недавно 3 новаи зубы а вѣсто сѣдыхъ подстригаемыхъ волосовъ растутъ новыи черныи волосы.

— Найлучшій въ свѣтѣ млынъ выбудовалъ одинъ Англичанинъ на островѣ Малътъ. На другомъ

падру того млына всыпается збожъе, а на долѣ выимають хлѣбъ уже упеченный. Архимедова труба исполняетъ большую часть работъ. Она мететъ збожъе, пересѣиваетъ муку, роздѣляетъ ю на роды, пересыпаетъ до бочокъ, скропляетъ водою, замѣшивааетъ и выбиваетъ тѣсто, дѣлитъ на бошонки и всушаетъ тѣже до печи. Млынъ тотъ припоминаетъ на ону поповѣстку Минхгаузена о машинѣ, до которой одною стороною вкладается теля, а другою выходятъ уже готовыи чоботы изъ телячей кожи.

— Амерпканская швальня заводится уже по всѣмъ большимъ городамъ Европы. Изобрѣтатель ей, г. Муръ получилъ патентъ свободы на Пруссамъ и Австрію, и такожъ россійское правительство заковило у него 50 таковыхъ машинъ. Черезъ употребленіе той машины уменьшатся вскорѣ число кравецкой челяди.

— Въ одномъ мѣстечку случилось такое удивительное сродство. Старый вдовецъ влюбился въ молодую дѣвчинъ и оженился съ нею. По его веселью оженился такожъ и сынъ одного вдовца, а то съ матерью своей мячехи. Въ слѣдствіе женитбы сей сталъ отецъ зятемъ своего родного сына, а жена его, не только пасербою своего собственного пасерба, но такожъ тещею своей родной матери, а тая смовъ пасербою родной своей доньки, кромъ того мужъ ея отчимомъ, своей мячехи. яко и тещемъ своего родного отца!

— Средство противъ мышамъ и щурамъ въ столахъ. Нѣкій старый, опытный господарь совѣтуетъ, абы передъ свезеніемъ збожъя въ столы, наикдати якъ наибольше свѣжихъ галузокъ свычайнаго бзу на сполъ застѣковъ. где обыкновенно щуры и мыши пребываютъ. Господарь тотъ увѣщаетъ, что отъ много лѣтъ всегда уживаетъ того не коштовнаго средства, и что отъ того времени никогда не посѣщали вредливыи тѣ звѣрята его столы.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденьской дна 3 Нов.	
Ажіо ц. червонецъ	19
„ серебра	13%

ИСПРАВЛЕНІЕ.

В. 35 ч. на заглавной сторонѣ въ 3 строчкѣ 2 передѣлки изъ долу случилась ошибка; вѣсто: Первое полное старословенское Евангеліе печаталось, должно быти: Первая полная старословенская Библия печаталась.

Слѣдуетъ 36. ч. „Поученій Церковныхъ“ и „Справозданіе Комиссіи Народнаго Доха.“

Изданіемъ и типою Института Ставропигіискаго.

Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Дидицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаётся еженедельно въ Середу два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получать платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ВСТРѢЧА СЪ ОЛЕНЮ.

Отрывокъ изъ поэмъ: „Дѣвѣ Елены.“

Въ селѣ Верблянахъ на горбку
Стоитъ приходскій домъ; докола
Зеленый садъ, а на боку
Оборы, сѣни и стодала.
Отъ вѣздныхъ головныхъ воротъ
Долой спускается городъ,
И тянется къ рѣцѣ Верблянской,
Надъ которою въ долгій рядъ,
Якъ косари на нивѣ панской,
Старыя вербы тамъ стоятъ.

Подъ самымъ плотомъ въ огородѣ
Рвутъ дѣти стручковый горохъ,
Тѣ изъ верху, а тѣ при сподѣ:
Дѣвчатоки двѣ, и хлопцевъ двоихъ;
Межъ ними старшая дѣвица,
Голубоока, краснолица,
Горохъ съ найвысшей вѣтки рветъ;
Отъ солнца скрывшися зеленью,
Сорванными стручками кладетъ
Въ коробку; дѣти рвутъ въ нищеню.

А иногда и по грядамъ
Ребята скачутъ торопливо,
Сестра же старша братчицкамъ
Даетъ напоминанье учтиво:
„Кто потоптаетъ нивѣ стручки
Не получитъ забавочки,
Что вчера привезла Мануни,
И не пойдетъ со мной на лань;
Такъ цыть Василько, цыть Маруни:
Цыть, аиесь прїѣдетъ къ намъ Стефанъ.“

Вырекли имъ то солодко,
Она на стежку побѣгла,
Горохъ ссыпала во рѣшотку,
И снова стручки срывать шла.

Наразъ роздалось отъ подворья
Знакомое „говъ, говъ“ Григорья,
Что былъ извозчикомъ тогда
У старыхъ родичей Стефана.
Съ саду же кличуть: „Гей, сюда?
Сюда Елена и Тетянина!“

И дѣти всѣ скорѣйше птицъ,
Чрезъ садъ летятъ попеременно,
И радость имъ сверкаетъ съ лицъ,
Съ лица Олены особенно.
Якъ лишь прибѣгли ко крыльцу,
Всѣ поклонились молодцу,
А онъ къ Оленѣ приближился
И ручку ея поцѣловалъ,
Взглянулъ въ лице, и удивился,
За годъ едва же ю узналъ!

Она теперь ужъ дѣвой стала
Хорошею, якъ майскій цвѣтъ,
Кого, кого бы не плѣнила
Та красота въ пятнадцать лѣтъ?
Онъ отъ ребенка съ нею знался
И отъ ребенка любовался,
Тожъ и не диво, что тогда,
При встрѣчѣ снова обновленной,
Такъ сердце билось во груди,
Что восхищался такъ Оленой!

Не дивно, что и въ ея лицу
Всѣ чувства радости играли,
И говорили къ молодцу
Ея очи, но уста молчали;
Молчали, ахъ, бо ея любовь
Не возмогла найти ни словъ.
Ни голоса, ни возраженій
Другихъ, якъ только тѣхъ знаешь,
Кони говорить и гений,
И неученый, и ученъ! Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антонъ Петрушевичъ.

(Продолженіе. *)

При всемъ тонѣ съ времѣнь княженія Данила, который былъ возобновителемъ и почти творцемъ своего княжества, больше чѣмъ его отецъ Романъ, стало наше отечество болѣе отчуждиваться отъ прочей Руси. входя въ самыя тѣсныя сношенія съ западными государствами. Какъ извѣстно, Данилъ, вышываясь въ дѣла западныхъ державъ, ходилъ весьма глубоко въ Чехію; хотѣлъ приобрести сыну своему Роману Герцогство Австрійское, посредствомъ брака съ сестрою послѣдняго Австрійскаго Герцога; принялъ даже новый, чуждый древней Руси титулъ короля (Rex), и искалъ въ бѣдственное время болѣе помощи на Западѣ, какъ у прочей сѣверной Руси поращенной Татарами. „Ясно (говоритъ Соловьевъ, стр. 369), что при такихъ отношеніяхъ древне-русскія родовыя понятія должны были исчезнуть въ Галичѣ, и король Данилъ не могъ смотрѣть глазами старинныхъ князей Русскихъ, но смотрѣлъ на право наслѣдства, какъ смотрѣли на него короли сосѣдніе; народонаселеніе Галицкое также не могло смотрѣть иначе: бояре давно приняли характеръ чуждый, что доказываетъ быстрое ихъ ополяченіе, городское же народонаселеніе состояло преимущественно изъ Нѣмцевъ, Жидовъ и Армянъ, толпами стекавшихся въ богатую область 96.)

*) Многозначная статья сія прервана была съ ч. 24 „Зора“ по той причинѣ, что почтеннѣйшій Сочинитель ей, пребывая въ лѣтнее время с. г. на купелахъ въ Перегиску, не имѣлъ подъ рукою своихъ историческихъ записокъ и такимъ дѣломъ не могъ заняться ея продолженіемъ.

Ред.

96.) Ипатъ. лѣт. 196. говоритъ, что Данилъ основалъ городъ Холмъ, „нача призывать прихо-

Такихъ образомъ тѣже самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились въ сѣверовосточной Руси извнутри, развились изъ ея собственного организма, въ Галичѣ

жаѣ Нѣмцѣ и Русь, иноязычники, и Ляхи: идаху, день и во ночь, и уношы и мастерѣ всякіи бѣжаху изъ Татаръ, сѣлницѣ, и лучницѣ, и тулницѣ, и кузницѣ желѣзу и жѣди и серебру, и бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле и села.“ На стр. 204. пишетъ, что въ Владиміръ Волинскомъ нѣкто „Марколъ Нѣмечинъ зва къ собѣ всѣ князѣ на обѣдъ Василька, Лва, Войшелка.“ Кончину Владиміра Васильковича оплакивали въ Владиміръ „Нѣмцы и Сурожьцѣ и Новгородцы и Жидове плакахуся аки бо изгнѣ Іерусалима.“ Ипат. лѣт. 220. Подъ названіемъ иноязычниковъ подразумѣваетъ кажется Ипатъ лѣтописъ Татаръ, Грековъ, и Армянъ. Послѣднимъ нѣмцѣ, по свидѣтельству Зиморовича (Triplex Leopoldis) Князь Левъ Даниловичъ опредѣлитъ на поселеніе сѣверную часть города Львова, при осадѣ котораго въ послѣдствіи княземъ Болеславомъ Мазовецкимъ, нѣмѣи тому же государю между прочими народами и Армяне противились. Sola Leopoldis a comilitonibus Leonis (sic) Tartaris, Sarsacenis (Сурожанъ) Armenis... masculis defensa, peregrinis dominis (Мазовчанамъ) potestas claudit... По актамъ падающимъ въ Архивъ Армянской капитулы въ Львовѣ были Армяне призваны на Русь какъ то княземъ Θεодоромъ Дмитресвичемъ. Грамота сего князя, писана на русскомъ языкѣ въ томъ же предметѣ, называетъ призываемыхъ Армянъ Косохачкии (sic) и пишетъ на себѣ ошибочно выставленный 1.062 годъ. Погибшій подлинникъ ея осматривалъ въ Львовѣ ученый Чапкинъ, которому казался онъ бытъ недостовернымъ. Эта грамота гласитъ въ латинскомъ плохомъ переводѣ слѣдующимъ образомъ: „Ecce Magni Ducis Theodori Dmytrowicz (sic) Cosachacensibus (sic) Armenis, qui huc volunt venire, venite in auxilium meum et ego dabo vobis libertatem ad tres annos, et cum fueritis apud me, ubique voluerit, ibit libere.“ По словамъ Захарясевича (Wiadomości o Ormianach w

были занесены извне, но привились и утвердились необходимо въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ.” Такъ по смерти Короля Данила, Василько остался на своемъ прежнемъ столѣ княземъ Владимірскимъ, Левъ Перемышольскимъ, Романъ, искатель Австрійскаго престола господствовавшій въ городахъ давнихъ себѣ Миндов-

гомъ. Новгородку, Слонимъ, Волковиску, кажется не находился уже во живыхъ; Мстиславъ Даниловичъ княжилъ въ Луцку и Дубнѣ, а меньшій Шварно въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Первымъ послѣдствіемъ кончины Даниловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ: Русь соединена съ Литвою опустошила окрестности Люблина и Бѣлой, что Поляки отпистили разореніемъ окрестностей Червоня и Бѣльза: наконецъ помирились сусѣдныи Государи Болеславъ, Василько и Шварно и начали быти въ любви велицы. (Ил. лѣт. 204. подъ 1268. г.)

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Poliszcz. Bibl. Ossol. 1842. T. I. strona 71.) самъ подлинникъ былъ писанъ на куску пергамента безъ опредѣленія года и безъ подписи, изъ привѣшенной печати уплылъ только кусокъ воска безъ всякаго знака. Годъ 1062 находился вставленный только въ латинскомъ переводѣ подлинника. Захарьясевичъ прибавляетъ что онъ изъ русскаго подлинника запечатлѣлъ слѣдующія строки: *Oto kniazia Teodora Dmytrowicza (sic) kosochackim Armenom. Prejdili (прійдется) na moju ruku dam wam wilnost (sic) na try lita...* и что Провинціалъ Базиліановъ Михаілівъ признавалъ первый слогъ въ словѣ *kosochackim* за предлогъ *ko*; слѣдовательно должно читать „*ko Sochackim Armenom.*“ По моему мнѣнію нужно исправить надпись грамоты или письма князя Θεодора слѣдующимъ образомъ: „Отъ (вм. ото) князя Θεодора Дмитреевича *ко Солхаккимъ Армянамъ.*“ Кажу Солхаккимъ не Сохаккимъ, ибо въ XIII вѣцѣ въ самомъ дѣлѣ обитали Армяне въ Солхатѣ, т. е. Старомъ Крымѣ, откуда безъ всякаго сомнѣнія пришли Армяне въ наше отечество. Вотъ доказательства. Въ запискахъ князя Армянскаго Юсіа Долгорукаго, Архіепископа Армянскихъ церквей въ Россіи, сказано, что Татары завоевавъ Арменію въ 1262 году, перевели многихъ жителей въ нынѣшнюю Астраханскую и Казанскую Губернію; что нѣкоторые изъ нихъ ушли въ Тавриду и поселились отъ части въ Кафѣ, отчасти въ старомъ Крымѣ (древнемъ Солхатѣ) и близъ Судака. см. Исторію Тавриды Сестренцевича II. 177 Карам. И Г. Р. Т. IV. пр. 146. — Въ Армянской церквѣ города Каменца Подольскаго находится до сихъ поръ пергаменный литургикъ на армянскомъ языкѣ, съ слѣдующей изъ того же языка на латинскій переведенною за-

пискою: *Hoc missale est pro memoria Ecclesiae S. Nicolai Thaumaturgi Pontificis in urbe Camenecensi, scriptum aera armenica 798 ac dominica 1349 in Crimea in Civitate Surchat (Сулхатъ) manu domini Stephani presbyteri, post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc (sic) emit Camenecensis dominus Linan filius Chutlubei, deditque pro memoria supradictae Ecclesiae S. Nicolai aera armenica 847. et dominica 1394...* смотри А. Przedzieckiego Podole, Wolyn, Ukraina. Wilno 1841 T. I. въ описаніи города Каменца — Есть слѣды о переселеніи Армянъ изъ полуострова Таврическаго въ городъ Львовъ. Такъ по запискамъ находящимся въ Архивѣ Армянской капитулы въ Львовѣ. находилась въ томъ городѣ уже въ 1183. г (быти можетъ 1283.) деревянная Армянская церковь, пока въ 1363. году нѣкто Яковъ сынъ Тахиновъ изъ Кафы и Паносъ изъ Гайсараны не построили своимъ изживленіемъ каменную Церковь, которой зодчимъ былъ Италіанецъ Дорхи (по Зморовичу Доре) построившій передъ тѣмъ прежнюю Св. георгиевскую Церковь. смот. Dziennik literat. Lwów 1853. str. 307. Кто былъ упомянутый князь Θεодоръ Дмитреевичъ не знаю, езуитъ Крусинскій (*Prodromus ad tragicam vertentis belli persici historiam...* Leopoli 1740) даетъ тому же князю прозваніе Зуба, не указавъ однако источника сего извѣстія. Не былъ ли князь Θεодоръ сыномъ В. князя Дмитрія господствующаго въ 1379. году въ Вла-

II. КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО- СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Периодъ.

Отъ первого поселенія Чеховъ 550. г. по р.

Хр. ажъ до Іоанна Гусса 1400.

(Старинныи чешскіи пѣсни. — Заведеніе школъ. —
Вліаніе Нѣмцевъ. —)

Изъ найстаршихъ памятниковъ чешской литературы, яко изъ именъ старинныхъ чешскихъ князей, поселеній и областей, явствуетъ, что старинный чешскій языкъ далеко былъ близшій къ старословенскому, нежели языкъ нынѣшнихъ Чеховъ. Первыи вѣрныи письменныи памятники ихъ языка не суть древнѣйшіи отъ введенія у нихъ Христіанства. Однакожъ открыто передъ якихъ 30. лѣтъ поетическіи отрывки, которыи содержаніемъ своимъ сягають въ предхристіанское время. Самый древнѣйшій отрывокъ большей якоиъ поэмы есть такъ званый Любушинъ Судъ, подаренный въ 1818. г. неизвѣстнымъ лицемъ Чешскому Музею. Содержаніе его состоитъ въ томъ, что два Лехи (шляхтичи) Хрудошъ и Святославъ, посварились при раздѣленіи отеческихъ добръ и были вызваны Княжною Любушею, красною дочерью Крока, на судъ, где, послѣ народнаго приговора, недовольный Хрудошъ возстаеъ противъ Княжны, и оскорбленная Любуша отказывается отъ права обладати наследственными землями и проситъ со-

дѣлать и Луцку? см. Zubrzycki krop. Lwowa str. 49. — Евреи — Каранги пришли на Русь также изъ городовъ Солхатъ, Кафа, Мангушъ, и поселились кажется уже въ XIV. вѣкѣ въ городѣ Галичѣ. см. Dzieła T. Czackiego Rozpań 1840. str. 271. Журналъ Министер. внутрен. дѣлъ 1843. кн. 2. О неосновательной сказкѣ составленной Леонвичемъ раввиномъ галицкихъ Карантовъ, будто тѣже еще 1246. года переселились въ Галичъ, приведу ниже мое мнѣніе.

бравшихся къ ней Леховъ, Кметовъ и Владыкъ vybrati изъ среди своей правителя. Но выступаетъ защитникъ ей въ лицѣ Ратибора, указываеъ на святой законъ предковъ, но бесѣда его не кончена. Въ 1817 открылъ Линде Пѣсню подъ Вышеградомъ, которая принадлежитъ также къ глубокой древности. Въ томъ же году нашелъ В. Ганка въ склепѣ Краледворской церкви извѣстную Краледворскую рукопись, писанную около 1380 — 1390 г. Суть то отрывки изъ большей книги, которой начало и конецъ, будь сгорѣли, будь истреблены якимъ непріязнимъ церковнослужителемъ. Въ рукописи сей считается 6. эпическихъ пѣсней, содержащихъ историческіи, народныи событія. или событія, основанныи на древнихъ преданіяхъ. 2. лирико — эпическихъ вѣроятно тоже историческихъ, и 6. лирическихъ пѣсней, составленныхъ въ незапамятныхъ временахъ, написанныхъ въ послѣдствіи со словъ якого нибудь пѣвца. Когда именно появились тѣи пѣсни — опредѣлти невозможно; вѣрно только то, что они произошли позже тѣхъ событій, которыи въ нихъ описываются. Языкъ тѣхъ прекрасныхъ поетическихъ твореній значительно сходный, именно что до нѣкоторыхъ устарѣлыхъ видовъ, съ церковнымъ языкомъ; красота поезіи не во многомъ уступаетъ русскому „Слову о полку Игоревъ.“

Найстаршая перепись чешского Отче-Нашу существуетъ по словамъ Добровского, съ IX. или X. вѣка. Съ того же времени осталъ чешскій переводъ Кирие — елейсонъ, сочиненный вторымъ епископомъ Пражскимъ, Адальбертомъ. Въ продолженіи XI. и XII. вѣка создано въ Чехахъ много монастырей, съ ними же учреждено народныи школы; нѣмецкіи художники, зодчіи, даже селане поселились на чешской землѣ. Вліаніе нѣмецкихъ свѣчаевъ и обычаевъ я-

вилося чѣмъ разъ выразительнѣйше, и чешскіи вѣдьможи стали употреблять нѣмецкій языкъ. Межъ всеми словенскими народами суть только одни Чехи, у которыхъ встречаемъ средовѣчное рыцарство, происшедшее изъ частыхъ съ Нѣмцами сообщеній. (П. с.)

ЧАЙКОВСКИЙ.

Украинская повѣсть.

ХІІ.

Скромно стоялъ у дверей молодой козакъ. опустивши очи въ землю, судорожно поворачивая въ рукахъ красивую кабардинскую шапочку. Алексѣй взглянулъ на него, протеръ очи и почти шопотомъ сказалъ: „Боже мой! или я обманулся, или то Марина!...“

Двѣ чистыя слезы покотились по лицу молодого козака; онъ поднялъ очи, выпустилъ изъ рукъ шапочку и уже лежалъ на груди Алексѣя, тихо повторяя: „Я, мой милый! я, мой ненаглядный Алексѣю!...“

И долго они ничего не говорили, глядя другъ на друга, смѣялись, плакали и, сливаясь горячими устами въ одинъ безконечный поцѣлуй, уносились далеко отъ земли.

За всѣ печали, заботы и страданія, за всю тяжесть туземной жизни, великій творецъ щедро нагородилъ человека, давши ему молодость и — любовь!..

— „Якъ же досталась сюда, моя голубко!“ пыталъ Алексѣй: „якъ ты оставила отца и прошла пустыни вольныя степи?“

„Помнишь ты страстный вечеръ, когда отецъ засталъ насъ на островѣ?... Я сказала тебѣ: бѣжи скорше, бѣжи на Сѣчь, а тебѣ приказываю! И ты убѣжалъ, поцѣловалъ мене, а изъ за дерева вышелъ отецъ, грозно посмотрѣлъ на мене, поднялъ надо мною сжатую руку, — и остановился, будто неживый; потомъ ударилъ себе

кулакомъ въ чело и тихо, жалобно сказалъ: „но гледи на мене такъ страшно! ты похожа на мою покойницу... поѣдемъ домой!“ отвернулся и пошелъ; я за нимъ иду и ногъ не слышу. Пришли къ берегу, тамъ стоитъ лодка. въ лодкѣ Гадюка и Герцикъ. Отецъ сказалъ имъ весело: „Я проходилъ по острову и доньку нашелъ; она гутъ же проходила!“ Мы съѣли и пріѣхали домой.“

— „А ты не видѣла здѣсь Герцика?“ съ безпокойствомъ пыталъ Алексѣй.

„Якъ же! онъ съ нами встрѣтился у самой твоей палатки, и не узналъ мене. только сказалъ Никитѣ: проводи нене, добрый человѣче, къ Полтавскому куреню.“

— „И ты его съ разу узнала?“

„Узнала; мѣсяцъ бо святить яко въ день... Чего ты засумовался?“

— „Ничего. Тебѣ надобно бѣжать скорше изъ Сѣчи. Если узнаютъ, что ты здѣсь, будетъ лихо, мы можемъ заплатить житьемъ.“

„Лишь бы разомъ, я готова умерти — но съ тобою!“

— „Къ чему умирати, когда мы будемъ жити разомъ счастливо, спокойно? Нашъ Кошевой писалъ нынѣ къ твоему отцу: онъ тебе для мене сваталъ, а Кошевого требуетъ теперь твой отецъ. Якъ думаешь: благословитъ насъ отецъ?“

„Богъ знаетъ, его не розгадаешь! Разъ онъ пріѣхалъ до мене утромъ, а я плакала. „Знаю,“ сказалъ онъ, „чего ты, дурна, плачешь. Кобы меня поймати того Алексѣя...“ Такъ что бы было? спытала я. „О знаю, что бы съ нимъ сдѣлалъ!“ отрекъ онъ грозно. Я больше заплакала и пошла въ садъ; мон цвѣты цвѣтутъ и наклоняются одинъ къ другому; на нихъ ползаютъ, вокругъ летаютъ мушки, жучки, пчелы, всѣ разомъ, всѣ роємъ, а я одна на свѣтъ, подумала я, якъ тотъ подсол-

нечиникъ, что стоитъ одиноко надъ стежкой; но и ему есть весело, есть радость: онъ любитъ солнце, и куда оно поидетъ, подсолнечникъ обертаетъ за нимъ свою цветную головку. И стало менѣ совѣстно... Бездушный цвѣтокъ обертается къ солнцу; если бы у него сила, онъ оторвалъ бы ся отъ кореня и полеталъ бы къ нему, — а я? — мое солнце, моя радость далеко; знаю где онъ, и сижу будто связанная!... досажу, что просватаютъ мене за нелюба... страшно!... Къ вечери моя цыганочка продала всѣ дорогіи перлы и дукатовыи ожерелья, и въ ту же ночь я убѣжала изъ отцовскаго дому, пристала дорогою къ Запорожцу Касьяну. — и онъ, спаси-Богъ, провелъ мене до самой Сѣчи..."

— „Ахъ, ты моя ненаглядная Марино! И для мене ты кинула домъ, отца, родину? для мене рѣшилась ѣхать верхомъ, дикими сторонами, надѣла козацкое платье, обрѣзала свои долги, темныи косы!" *)

„На что они были менѣ?... Я съ радостію взяла ножицы и обрѣзала ихъ... Но когда они упали передо мною на столъ темныи, долги, — будто что оторвалось отъ моего сердца; ахъ, и я заплакала. Косы, мои косы! подумала я: сколько лѣтъ я свивала и розвивала васъ, сколько лѣтъ я гордилась вами передъ подружками, когда вы, якъ черныи змѣи, красиво обвивались вокругъ моей головы и полная роза порою горала надъ вами будто пламя!... Думала я во гробъ легчи съ вами, темныи мои косы, съ вами, подружки моей одинокой радости и печали... И вотъ, я подняла руку на саму себе!... Такъ я думала, —

не сердись мой милый... но то было не долго: я вспомнила, для чего лишилась своей красы — и перестала плакати, даже сама сплела обрѣзанныи косы, сокрыла на груди своей и принесла тебѣ въ подарокъ. На, возьми ихъ, они твои!" Алексѣй прижалъ ихъ къ сердцу, обнялъ и поцѣловалъ Марину. — Алексѣй и Марина плакали.

— „Скажи менѣ," спыталъ Алексѣй по долгомъ молчаніи: „зачѣмъ ты назвала себе Алексѣемъ?"

„Для того, что менѣ подобалось тое имя... Охъ, вы козаки, козаки! думаете, что у бабъ ума нѣтъ; а когда возьмется на хитрости — пятнадцатилѣтняя дѣвочка проведетъ старика. Видишь, я назвалась Алексѣемъ, Пирятинскимъ Поповичемъ нарочно, чтобы найти тебе скорше. Я домышлялась, что будешь на Сѣчи; я не знала того на вѣрно, но мое сердце вѣдало, что ты здѣсь. А якъ найти тебе? Стану допытываться — можетъ догадаются. Я и подумала: назовусь сама Алексѣемъ; коли кто тебе не знаетъ, тотъ ничего не скажетъ; а другій, можетъ скажетъ: знаю и я одного Алексѣя Поповича Пирятинскаго, видѣлъ его ось тамъ и тамъ, или что подобное. И то не на руку..."

— „Ось якъ хитрая!"

„Прійдется хитрость, когда силы нѣтъ. Едва я сказала въ куренъ свое имя, такъ всѣ и закричали: „Ось штука! есть у насъ уже одинъ Алексѣй Поповичъ, та еще и Пирятинскій; но его теперъ нѣтъ, поѣхалъ на Крыицевъ; а что за молодець, да онъ у насъ войсковымъ Писаремъ!" И я все узнала не пытаюсь про тебе, мой ясный сокол! Не сумуй же такъ! или ты уже не любишь мене?"

— „Мене Богъ покараетъ, если бы я не любилъ тебе! Для того я и задумался, что люблю тебе, что не на жалко тебе. Мои

*) И до сихъ поръ на Украинѣ считается наибольшинъ безчестіемъ отрѣзати дѣвочѣ косу. Ни за яку платню дѣвочка не consentитъ добровольно позбавити себе того украшенія. „Коса вырастетъ, а позору не вернешъ," самчайно отвѣчаетъ она на предложенія перукара или якого другого городского предпріимчика, ходящаго отъ села до села за покупкою хорошихъ волосъ.

— Гнилый сплавъ (пльнъ) у пчелъ. Общество ниже-австрійскихъ пчеловодчиковъ, сошедшихъ передъ нѣсколько мѣсяцы ради совѣщаній, изстанивалось съ особливѣишимъ уваженіемъ надъ хобами пчелъ. За найвредливѣйшую немощъ узнано одиогласно такъ званый гнилый сплавъ. Она показуется тѣмъ способомъ, что хворыи пчелы урочаютъ изъ себе въ большей мѣрѣ якійсь темно-червовый, дуже смородливый пльнъ, который увидѣти можно у очка и на досчникахъ у споду во внутрѣ улей. Противъ той немощи не нашли пчеловодчики доселѣ ніякого средства: понеже однакожь она заразлива, такъ что въ короткомъ времени и наибольшу пастку погубити можетъ: для того совѣтуется, дабы, якъ только знаки оной немощи въ котормъ уль покажутся, таковой сейчасъ изъ пастки отдалити и уничтожити. — При той способности говорено такожъ о такъ званомъ свичайномъ сплавѣ. Причиною сей немощи бываеъ плагое охладѣніе улей, особливо когда на весѣ послѣ теплой погоды случитсѣ нечаянно холодная слога. Въ соломяныхъ ульяхъ показуется она рѣдше, понеже тѣи суть теплѣйши, якъ деревянные. Хороба тая не естъ заразлива: средства противъ ней поданы слѣдующіи: спроваженіе теплѣйшого воздуха, стараніе чищеніе улей, особливо же коряніе пчелъ добрымъ старымъ медомъ.

— Обкладаніе овощныхъ деревъ цеглою. Опытии садовники замѣчали отъ давна, что овощныи дерева, обложенныи у кореня цеглами, растутъ далеко сильнѣйше и роскошнѣйше, якъ не обложены; происходитъ се отъ того, что цегла не вытягастъ изъ земли поживныхъ соковъ, которыми обыкновенно тучатся сосѣдныи былинныи и растѣніа, и такимъ дѣломъ тѣми соками нападается единственно овощное дерево. Къ тому прикрытіе земли цеглою препятствуетъ испаренію земли и вредивому дѣйствію солища.

— Новооткрытая американская швальня (машинна до шитья) находится теперь уже и въ Відни. Машинна та, составлена весьма остроумно и съ великимъ знаніемъ швального искусства, можегъ употребляти къ шитью всякихъ вѣществъ. Робота на ней идегъ дуже скоро и всею машинною можегъ управлять даже дитя съ великою легкостію. По исчисленіамъ выробляеъ она въ десять разы больше якъ одна швачка въ продолженіи того самого времени и выгодно естъ особливо для шитья вѣществъ въ большомъ количествѣ.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Львовъ. Для 3. с. м. о 8. годнѣ совершалъ ВЧ. Крыломанинъ М. Куземежскій Божественную литургію въ Церквѣ Успенской, которой присутствовали ученики училища образцоваго (Musterschule) со своимъ Учителемъ при началѣ года школьнаго 1854, съ котормъ упомянутое училище приходитъ подъ управленіе Всечестнѣйшой и Всесвятѣйшой Митрополитальной греческо-каатолической Консисторіи. Пѣніе было обыкновенное наше церковное, но гармонійно произнесенное учениками Института Ставропигійского: оно было такъ прекрасное, что не могло не тронуть глубоко сердецъ присутствующей молодежи. дабы благодарити Богу и Его Имп. пар. Апостольскому Величеству Францъ Иосифу I, и дабы молити Духа св. Просвѣтителя и Утѣшителя, чтобы съ Его помощію совѣстно успѣвати въ науцѣ для блага Отечества по желанію Его Величества, Императора и Царя нашего, которму да дастъ Господь Богъ многая лѣта!

— Для 4. с. м., въ день тезоименія Его Величества, священнодѣйствовалъ Преосв. Епископъ Іоаннъ Бохеньскій съ крылосомъ митрополитанскимъ, торжественную литургію, которой присутствовали Его Прев. Г. Намѣстникъ нашъ красивый съ чиновниками мірскими, воинство, и питомцы здѣшняго русскаго сѣмения. Въ концѣ литургіи пѣвасы были нмѣ амвросіанскій: Тебе Бога хвалятъ и многолѣтствіе Его Величеству, милостивѣйшему Монарху. Такожъ для учениковъ первой, русскай гимназіи отбылась св. литургія въ костелѣ Бернгарднскомъ за многолѣтствіе Монарха.

— Его Величество, російскій Царь пребывалъ отъ дня 24 до 28 м. м. въ Голохуну, где отбывались великіи войсковыи маневры. Кромѣ Великихъ Кнзей царевича Александра и его сына Николая, были съ Нимъ въ Голохуну такожъ князь маршалъ Паскевичъ, генералы Орловъ, Философовъ, Чечевичъ, Лавенъ, Гривальдъ, полковники Ясимовичъ, Паткуль и Аллербергъ, державный канцлеръ Нессельроде, посолъ при австр. дворѣ Мендореъ, тайныи совѣтники Кудрявскій и Сакенъ, и державный совѣтникъ Емохинъ. Для 28 о 10 годнѣ вечеръ потхалъ Его В. Царь російскій со своимъ свегою мимо Щакову до Варшавы.

— По телеграфической вѣсти проѣзжалъ Его Величество, нашъ Монархъ въ путешествіи своемъ до Варшавы для 3 с. м. о 10 годнѣ передъ полудномъ мимо Щакову въ сопровожденіи Его в. Архикнзя Короля Людвига и Его В. Короля Пруссъ,

съ которыми съѣхался былъ Его Величество въ Козлю.

— Дня 26 м. м. играло въ Голомуду на разѣ 32 пишемъ: тридцать три войсковыхъ гудебныхъ бандъ: съ того можно заключить, въ какомъ великанскомъ размѣрѣ отбывались тамъ войсковыя парады.

— Нѣкоторые временописы возмѣщаютъ „съ достовѣрныхъ жерель,” что свадьба Его Величества, нашего Монарха опредѣлена на 24 Авг. 1854.

— Касательно открытія короны св. Стефана сообщаемъ еще нѣкоторые извѣстія: Еще въ Сентябрь 1849 г. донесено в. правительству съ Видна, что коронный знамена закопанъ былъ въ Оршавской окрестности мадарскій бѣглець Семере. Въ свѣдѣніе того распочались тамъ поиски, которыя потомъ прервано. Особлившій случай понудилъ однакожъ къ предпріятію новыхъ изслѣдствій: когда бо весною с. г. на долинѣ коло холма Аліону близъ Оршавы стала великая вода, поставилъ Кошутъ, узнавшій о томъ заводненіи за границею, искати способу, какъ бы знамена тѣмъ въ свои руки достати. Къ той цѣли подкуплено было нѣсколько особъ, которыя имѣли ихъ ночью выкопати и отдать потомъ Кошуту. О тѣхъ замыслахъ узнавъ заблаговременно п. к. подмаршалъ Кемпезъ, и сейчасъ поручилъ майору Каргеру обновати въ окрестностяхъ Оршавы точнѣйшія поиски. Окрестность тую обставлено доброю стражею—и ото, поймано разѣ одного 19 лѣтняго жидка, укрытого въ тахошинныхъ мочарахъ, который имѣлъ исполнити волю Кошута. Съ другой стороны изъяснилъ бѣглець Семере въ Парижѣ, узнавшій о замыслахъ Кошута, что „лучше хочетъ передать закопаннымъ драгоценности правительству, какъ соизволитъ, дабы они попались въ руки сбабѣлого Кошута, который привелъ народъ на пропасть пагубы.” Дня 28 Авг. с. г. прислано подм.

Кемпезу съ Парижа письменное донесеніе, составленное по указаніямъ самого же Семере. Съ помощію тѣхъ указаній приступилъ майоръ Каргеръ къ близшимъ изслѣдованіямъ и приказалъ дня 7 Сент. раскопывати землю близъ холма Аліону. На другій день о 8 годинѣ рано ударили мотыки двохъ копающихъ граничаровъ о желѣзную раковъ. въ которой открыто коронныя драгоценности.

— Въ городѣ Кенигсбергу, где Кантъ съ нѣмецкимъ хладнокровіемъ писалъ свою „Критику чистого разума,” застрѣлился сими днями одинъ 60 лѣтній старикъ съ поводомъ, что нѣка молодая дѣвочка неприняла любовныхъ его аффектовъ!

— Въ Бельгійскомъ городкѣ Пинакеръ живеть женщина, которая отъ Мая 1818 года ничего не ѣсть, а отъ Марта 1822 не пьетъ ничего. Еще въ г. 1826 съѣхала была туда коммисія, состоящая съ лѣбарей, которая пребывая тамъ 4 недѣль, подтвердила подъ клятвою, что въ продолженіи того времени женщина сія не имѣла въ устахъ ни кусника яствій ни капли якого напитка. Дня 20 м. м. обходила она 66 годовщину своего житія. Лѣбари и природоиспытатели заходятъ въ голову, какъ можно такъ долго жити безъ корма и напитка.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдальской дня 1 Окт.
 Ажю п. червонецъ 14⁷/₈
 „ серебра 10

Исправленіе.

Въ предыдущемъ числѣ нашей Временописы случилась на стр. 34 въ 7 строч. съ долу 1. передѣлки ошибка; также должно быти; Г. Гушалевиць преподасть „религіозную науку“ для Русинотъ въ 2 высшихъ классахъ Доминиканской гимназіи а въ 6 низшихъ г. Ю. Сеябратовичъ.

(Слѣдуетъ Число 31. „Почтеній Церковныхъ“)

Съ нынѣшнимъ числомъ начинается теченіе третьяго четвертьгодія „Зори Галицкой.” Тѣхъ почт. Читателей нашихъ, которыя на сіе четвертьгодіе еще не предплатили, просимъ о скорое надосланіе предплатъ; Всѣхъ же Прочихъ, которымъ недостають или не доставати будутъ якинъ числа нашей временописы, просимъ упоминатися у насъ о тѣмъ же незапечтаннымъ и нефранкованнымъ листомъ. При томъ замѣчаемъ, что можно еще немножко екземплярей нашей временописы отъ 1 до нынѣшняго числа по обыкновенной цѣнѣ получить.

Изданіемъ и типою | Института | Ставропгійскаго.

Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

вѣщества, обновилъ жизнь мою, душу мою принялъ до небесъ. Кидаю всѣ мои давнѣйшіе распутіи, особливо идолопоклонство. Молюсь къ Богу, чтобы далъ мнѣ святого духа, чтобы перемѣнилъ мое испорченное сердце, избавилъ мя отъ искушеній, и имѣлъ надо мною попеченіе, чтобы далъ мнѣ кормъ и все потребное для тѣла, увольненіе отъ нужды, миръ въ семь свѣтѣхъ и славу въ будущемъ — милостію нашего Спасителя и старшего Брата, который избавилъ насъ отъ грѣха. Наконецъ прошу, чтобы воля Божія была въ небесахъ яко и на земли. Аминь.“ — Кромѣ того находятся въ книжцѣ сей молитвы утренніи, вечерніи, подѣбныи, и при всякихъ замѣчательныхъ случаяхъ.

На недѣлю приписана къ пѣнію слѣдующая доксологія; „Хвалимъ тебе Боже, Отче небесный; хвалимъ Е-суса Спасителя міра; хвалимъ святого духа, найвысшую мудрость, хвалимъ три особы въ духу истины соединены.“ — Къ тому есть 10 заповѣдей согласныхъ съ еврейскими, только къ сему додано есть запрещеніе употребляти тютюнъ и опиумъ. Пятая книга содержитъ „библейную исторію ветхаго и новаго заветъ;“ шестая книга „Ода для юношества,“ содержитъ уставы Конфуція, который также изрекъ; „люби ближняго твоего, якоже себе самого.“ Прочіи шесть книгъ подоютъ правила для воинства; изываютъ Хинчиковъ сорвати союзъ съ „погаными дьяволскими Татарами, и уважати правого, Богомъ избранного, Монарха, кинути идолопоклонство и вернуть къ почитанію единого Бога, сообразно съ давними письмами мудрецовъ и съ народными преданіями.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ И СКУПОСТЬ.

Начальство одного малого мѣстечка вы-

брало разъ нѣсколько мѣщанъ и поручило имъ, чтобы они обойшли всѣ дома и собирали добродѣтельными жертвы для вспоможенія обѣднѣвшихъ родинъ того мѣстечка.

Выбранныи мѣщане пришли, меньшимъ, одного рана на подворье пѣвкого богатого согражданина. Они застали его въ стайнѣ, и подходячи, слышали, якъ онъ согнѣвомъ сварилъ на своего паробка за то, что тотъ оставилъ черезъ ночь мотузокъ на дождѣ, а не положилъ его где въ сухомъ мѣстѣ.

„Ну, попали ны мы на человѣка! то якійсь скупецъ,“ говорилъ одинъ изъ мѣщанъ, „тутъ ни шеляга не выпросимъ.“

„Однакожь, не вредитъ попробовати,“ сказалъ другій; и они подошли ближе.“

Господарь встрѣтилъ ихъ ласково, и между тѣмъ, когда шли съ нимъ до хаты, они объявили ему, за чѣмъ прибыли. Якъ удивились они, когда онъ весьма охотно пожертвовалъ значительную сумму грошей, и кромѣ того прирекъ ежегодно жертвовать столько же. Тропутьи такимъ добродѣтельнымъ чиномъ мѣщане не могли не признаться благотворительному человѣку, что вспомоществованіе его для нихъ вовсе неожиданно, понеже слышавши, якъ онъ сварилъ на паробка за такъ маленькую вещь, они думали, что онъ дуже скупой, и отпратить ихъ съ порожними руками.

„Отонъ для того, милый согражданинъ,“ отвѣчалъ онъ, „понеже я всегда заботился о всемъ, пришелъ я, слава Богу, въ такое состояніе, что могу и другимъ помогати.“

Не стыдись бережливости, и не называй ю скупостію; стыдись одной скупости. Не избѣгай случая благотворити, и не считай ложно благотворительности за расточительность.

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИЖКИ.

Меся новыми книжками, продающимися въ русской книжной лавкѣ во Львовѣ, заслужаютъ особеннаго вниманія: правоучительная повѣсть „Цвѣтныи Кошечокъ“, и учебная книга подъ заглавіемъ „Звѣтрословіе“.

„Цвѣтныи Кошечокъ“ составляетъ собою вторую часть „Библиотеки благополезнаго чтенія для дѣтей“, которая, исполняя предложенную себѣ задачу съ наилучшимъ успѣхомъ, удостоивается всесторонней признательности. Якъ первая часть „Библиотеки“ сей предложила себѣ достохвальную цѣль подати русскому юношеству начала главнѣйшихъ свѣдѣній изъ круга разнчныхъ благополезныхъ наукъ, и такимъ дѣломъ содѣйствовать развитію душевныхъ силъ молоденького ума: такъ есть слова преимущественною второй части задачей дѣйствовать посредствомъ благонаправной повѣсти на дѣтское сердце. И вѣстину, реченная повѣсть рѣшаетъ свою задачу въ полнѣ; она есть въ состояніи возбудити найкраснѣй чувства въ юношескомъ сердцѣ, укрѣпити природную привязанность дѣтей къ родичамъ, возвеличити любовь ихъ къ добру, хорошему и высокому, вознести душу ихъ къ Богу. Самое отличительное свойство ей заключается въ томъ глубокомъ, религіиномъ, чувству, которое такъ высокую цѣну даетъ нѣкоторымъ новѣйшимъ повѣстямъ, именно „Хижинѣ Фомы“, а которое и тутъ отзывается въ каждомъ изреченіи богобоязненнаго Владимира и дочери его, молоденькой богатырки сея повѣсти, добросердечной Людмилы. Мы воздаемъ отъ сердца заслуженную хвалу и полную признательность юному переводчику той наилучшей Шмидовой повѣсти, г. П. Яновичу, и рекомендуемъ ю всѣмъ добрымъ Отцамъ и Матерямъ, которы могутъ сдѣлати нею найкраснѣй подарокъ для своихъ дѣтей въ день сближающагося Нового Года.

Такимъ же подаркомъ и во многократную ную пользу можетъ послужити такожъ учебная, издержками в. правительства изданная, книжка: „Звѣтрословіе“ В. Воляна. Есть то утѣшительно для каждого Русина видѣти, что нашъ языкъ въ такъ короткомъ времении своего образованія развился уже о столько, что нимъ возможно нимъ составлять учебники, принадлежащіи къ кругу опытныхъ и отвлеченныхъ наукъ. И то не меньше радостно для русского сердца, что къ тому хорошему и трудному дѣлу берутся такожъ молодцы, ударованныи люди, на которыхъ прилѣжности полагаетъ Русь на-

ша свои наилучшіи надежды. И каждый съ тѣхъ юныхъ соработниковъ трудятся на поприщѣ того предмета, который наиблизшій есть его званію и наилучше ему извѣстнѣй. Якъ г. Яновичъ, слушатель св. Богословія Прашевской епархіи, занялся составленіемъ правоучительной повѣсти, такъ г. В. Волянъ, слушатель медицины на Вѣднскомъ всеучилищѣ, работаетъ около природныхъ наукъ. Мы желаемъ ему на томъ полѣ наилучшаго успѣха, и похвалимъ не только слогу его яснѣй, вразумительнѣй, якимъ г. Волянъ всегда отличается, но такожъ тую его скромность, по винушенію которой называлъ онъ сочиненіе свое переводомъ, межъ тѣмъ когда оно въ многомъ отношеніи дополниено и исправлено по его же собственнымъ знаніямъ. Касательно языка замѣчаемъ, что оба тѣ сочиненія написаны образующимся у насъ книжнымъ малорусскимъ языкомъ, и различаются весьма малозначно только по правописи и нѣкоторымъ грамматическимъ формамъ.

Современно мило намъ изъ достовѣрныхъ жерель поати тую вѣсть нашимъ почтен. Читателямъ, что стараніемъ и издвеніемъ в. Правительства вышла сими днями уже „Первая языкоучебная Читанка.“ а незадолго выйдеть одна русская книжка по другой, яко: „Книжка рахункова“, „Катихисмъ великій“ и „малый“, „Грамматика“, и „Русская Читанка для высшихъ школъ гимназіальныхъ“.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Недавно вышла изъ типографіи заведенія Оссолинскихъ въ Львовѣ замѣчательная книга въ латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ Трога Помпея, съ которыхъ одни нашель въ рукописяхъ библиотеки Оссолинскихъ, другіи съ печатанныхъ уже сочиненій большею частію писателей польскихъ въ первый разъ узрѣлъ и дополнилъ ихъ отрывками давно извѣстными вразъ съ предисловіями исторіи Филиппиковъ и съ критическими замѣчаніями издалъ А. Бѣловскій.“

— Сими днями вышла во Вѣднѣ „Словни-ская читанка для V гини. класса, составлена профессоромъ старословенского языка, славнымъ ученымъ Фр. Миклосичемъ.“

— Въ Лондонѣ учредилъ нѣкій г. А. Герценъ російскую типографію, въ которой напечатано уже одну російскую книгу.

— Учитель стенографіи (скорописанія) на Вѣднскомъ всеучилищѣ, г. Гегеръ написалъ въ

чешскомъ языкѣ: „Короткое наставленіе къ стенографіи для 4 головныхъ словенскихъ языковъ, с. е. чешского, польского, нирского и велико-русского.

— Слѣдующимъ вышло въ Парижѣ новое изданіе всѣхъ сочиненій теперѣшняго французскаго Царя Наполеона III въ 4 томахъ. Одинъ томъ содержитъ въ себѣ статьи политическаго содержанія, 3 прочіи „романтическую повѣсть подъ заглавіемъ „Марія.

ВСЯЧИНА.

— Славный историкъ Гиббонъ говоритъ въ 55 главѣ своего великанскаго дѣла, что еще въ пред-турецкое время извѣстно было въ Цареградѣ оно пророчество: будто Цареградъ попадетъ въ свое время въ руки Россіянъ.

— Въ Москвѣ вышло теперь въ моду ношеніе верхняго жупаника съ долгими петлицами съ передомъ, которое то одѣние называютъ тамъ свято-славкою. Поводъ къ оной модѣ подавъ образъ, сохранившійся въ старорусскомъ „Сборникѣ“, писанномъ въ 1073 году, на которомъ представленъ Черниговскій князь Святославъ Ярославичъ въ такомъ же одѣвѣ.

— Вѣдентъ, престольный городъ австрійской державы, имѣетъ 9452 домовъ, а 431,000 жителей.

— Икаріи въ Нептѣ рѣшили межъ собою одногласно, лѣчить убогихъ хорыхъ всегда и всюду бесплатно. Слава имъ!

— Одинъ швецъ въ Сасварошъ въ Семиградѣ хотѣлъ къ своей возлюбленной послать любовныя стишки и пошелъ купить на ту цѣль драгоцѣннаго паперу. Продаваный по купеческимъ лавкамъ нѣсколько крайнаго златаго переплетъ казался ему быть на такъ высокую цѣль надто дешевъ и подмѣлъ, и для того написалъ онъ свои соловьиныя стишки на 4 ренсковомъ клѣйманомъ паперѣ!

— Дня 8 с. м. породили въ Вѣднѣ двѣ сестры въ продолженіи одной и тойже минуты 4 дѣтей; одна имѣла двоихъ сыновъ, друга двѣ дочери.

— По статистическимъ изчисленіямъ г. Евверта утратили Соединенныя державы въ Америкѣ въ продолженіи 10 лѣтъ съ powodu употребленія горѣлки 600 миліоновъ долларовъ. Черезъ тотъ напитокъ погубило 300000 людей житіе, 100000 пришло въ домы убогихъ, 150,000 до взынцъ, 1000 людей сошло съ ума, 1500 допустились самоубійства, 200,000 женъ стали вдовами, 1 миліонъ дѣтей сиротами, а на 10 миліоновъ долларовъ выно-

сятъ утраты черезъ пожары, случившіяся въ слѣдствіе пиянства.

— Средство противъ лишая. Дуже простое средство, абы побытись лишавъ есть: распускается кусекъ соли въ устахъ и тѣмъ сольнымъ плыномъ смаруются лишавъ: въ нѣсколько дней исчезнутъ они совсѣмъ.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣдентской для 12 Нов.	
Ажіо ч. червонецъ	20 1/2
„ серебра	14 1/2

СЛОВО

КЪ НАШИМЪ ПОЧТ. ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Хотя уже нѣсколькократно объявлено было въ „Зорѣ“ мнѣніе наше касательно усовершенствованія нашего языка и дополненія его старорусскими или церковными языкомъ, и то же стремленіе наше явственно есть изъ каждого числа нашей времѣнописи: то однакожъ, бывши воззванъ въ ч. 82 „Вѣстника“ ч. г. I. Лозинскимъ къ публичному объявленію нашего мнѣнія касательно употребляемаго нами языка, и будучи къ тому принужденъ на нѣкоторые упреки, данныя намъ двома дописывателями „Вѣстника“, отвѣтити: предлагаемъ нынѣ почтеннымъ Читателямъ — откровенно и свободно — наше литературное исповѣданіе.

И такъ изъясняемъ во первыхъ: Языкъ, которымъ пишемъ, есть развивающійся у насъ, книжный малорусскій, языкъ: основу, корни и формы подастъ ему языкъ нашего народа, и недостающія ему слова и глубокоосновную словенскую правопись образованный, священныи языкъ нашихъ Предковъ. Соотвѣтно тому правилу развивается онъ по единичному желанію всѣхъ образованныхъ Русинъ и при пособіи и содѣйствіи в. Правительства со времени нашего возрожденія, усовершенствуется съ днѣмъ каждымъ, и такъ усовершеншанный употребляется не только въ выходящихъ ежевременно жншнихъ и большихъ малорусскихъ книжкахъ, но и во всѣхъ существующихъ у насъ русскихъ времѣнописяхъ, именно въ „Вѣстнику“, „Ладѣ“ и „Зорѣ Галицкой.“ Единственное различіе, какое межъ тѣми тремя Часописями, яко и иными малорусскими словесными произведеніями заходитъ, заключается не въ языкѣ, но въ весьма малозначительной отлѣтѣ ихъ правописей, и въ частѣ или рѣдкѣ употребленія словъ изъ областныхъ русскихъ нарѣчій (провинціализмовъ), или такожъ нѣкоторыхъ словъ чисто-польскихъ. — При-

тонъ замѣчаетъ, что, говоря словами г. І. Лозинскаго, „нашъ языкъ съ російскимъ яко наиблизшіи сосѣди до себе суть найподобнѣйшіи,“ и подобіе тое заключается, не въ выговорѣ словъ, но въ общей тѣмъ двоимъ языкамъ, словенской правописи и въ томъ многоважномъ обстоятельстве, что книжный російскій языкъ развивается отъ выше ста лѣтъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, якіи приняты суть нынѣ всѣми просвѣщенными Малорусинами, т. е. недостаточное простонародное Россіянъ нарѣчіе дополнялось и дополняется непрестанно словами нашего старорусского языка. И такъ якъ книжный старорусскій языкъ различался отъ чистого старословенского выговора, отъ части же правописію, и многими изъ простонародныхъ русскихъ нарѣчій принятыми словами (о которомъ то различіи наѣтрены мы говорили со временемъ пространнѣе): такъ различается и будетъ всегда различатися нашъ книжный малорусскій языкъ отъ книжного великорусского языка, и думаемъ, никогда не станется „московскимъ“ нарѣчіемъ.

Во вторыхъ: изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что мы пишемъ для просвѣщенной части русскаго народа, т. е. для тѣхъ честныхъ Русиновъ, которые имѣютъ свои познанія въ нашемъ народномъ и старорусскомъ или церковномъ языкѣ. Къ такому способу писанія понуждаетъ насъ не только предложенная нами и науковая цѣль нашей временписи, но еще больше то обстоятельство, что всѣ наши почтенныи Пренумеранты принадлежать къ сословію людей просвѣщенныхъ, учителей и духовныхъ пастырей любезнаго нашего Народа.

Сказавши откровенно, въ якомъ языкѣ пишемъ и для кого пишемъ, додамъ еще то, что мы сказали оно мнѣніе во имени своемъ т. е. Редакціи „Зори Галицкой;“ что нашей правописи, нашего способу писанія и нашего повременнаго Писанія никому не наипдаемъ, всякіи же замѣчанія и указанія касательно нашихъ дѣйствованій, даннымъ намъ въ добромъ наѣтрени, пріймаемъ отъ каждого просвѣщеннаго Русина съ благодареніемъ.

Наконецъ обязаны мы еще отвѣтити нѣсколькимъ словамъ на нѣкоторые упреки, даннымъ намъ ч. дописывателями „Вѣстника.“ И такъ: въ числѣ 64 „Вѣстника“ г. Іосифъ Лозинскій, говоря съ негодованіемъ противъ теперѣшней яко-то „московско-болгарской эпохи“ въ нашей литературѣ, замѣчаетъ, что, „прійде часъ, же може и Зоря иначе

свѣтити начне.“ Если г. І. подъ словомъ иначе думалъ слово лучше (о чемъ нѣтъ сомнѣнія), то и мы съ нимъ соглашаемся и желаемъ нашей „Зорѣ“ во всякомъ отношеніи улучшенія. И въ томъ можемъ почтенныхъ Читателей увѣрити, что мы посвящаемъ всѣ труды наши единственно занятіемъ на пользу русской словесности, преимущественно же поднесенію и улучшенію нашей временписи; и такъ якъ съ помощію Господа сдѣлаемъ якіи большіи успѣхи въ наукахъ и знанію русскаго языка, такъ начнетъ лучше свѣтити и наша „Зоря. — Другій дописыватель, Господинъ „...“, упрекаетъ въ 71 ч. „Вѣстника“ нашу „Зорю“ за то, что она „представляетъ три языки, еденъ въ повѣсткахъ, другій въ обзорѣ историческомъ а третій въ поученіяхъ церковныхъ.“ Хотя то очевидно сказано только жартомъ, о чемъ увѣренный такожъ и Господинъ „...“, который безсомнительно не уважаетъ на правду малозначительныи отъѣны въ словѣ или еще меньшіи въ правописи или нѣсколькихъ грамматическихъ видахъ, нинѣмъ языкомъ или нинѣмъ нарѣчіемъ: то однакожъ дѣлаемъ тутъ сіе замѣчаніе, что такъ якъ предлагаются въ „Зорѣ“ статьи по различнымъ предметамъ, будь поезіи, повѣсти и всякіи короткіи донесенія, будь чисто-научовыи розсужденія и поважными бесѣды церковныи: такъ каждый изъ тѣхъ предметовъ wymagaетъ своего особеннаго способу выраженія, т. е. особенной, соотвѣтнотъ себѣ формы. То замѣтити можно въ книгахъ и временписяхъ, писанныхъ для различныхъ цѣлей въ которыхъ нибудь существующемъ книжномъ языкѣ. А что иногда составляемъ нашимъ почт. дописывателями нѣкоторыми ихъ свойственности по слогу или по правописи, то думаемъ, вовсе не есть зло, и скорше доказываетъ о нашей, въ нынѣшнемъ времени развиванія книжнаго русскаго языка достохвальной, толеранціи. — Тотъ же дописыватель посуждаетъ насъ въ реченіи ч. „Вѣстника“ о зарозумѣлости, однакожъ не привелъ на то нинѣхъ доказательствъ; также говоритъ онъ (чей такожъ жартомъ) и о „незапереченыхъ въ прочемъ здатностяхъ Редакторства „Зори Галицкой“, но тоже безъ доказательствъ. Мы скажемъ на то коротко: что съ незапереченыи въ прочемъ здатностями не всегда получена „зарозумѣлость.“ — На другіи меньше важныи и почти ничтожныи упреки, даннымъ намъ тѣми же ч. дописывателями, отвѣтимъ при иномъ случаѣ. Отъ Редакціи.

(Слѣдуетъ Число 37. „Поученій Церковныхъ.“)

ЗОР ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листы, по пять годовою въ Львовъ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертью получати платять въ Львовъ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

СМОТРЪ КРЕСТОВЪ.

(Пригла, изъ Хамиссо.)

Однажды путникъ, проходя горою,
Узрѣлъ долину красну предъ собой,
Освѣтлену вечерною зорю.

И въ солнечныхъ лучахъ, на молодой
Травѣ онъ утомленный уложился,
Моли Всевышняго о сопокой.

И томный взоръ его на сонъ склонился.
Но бодрый духъ, скинувши тѣла прахъ
И брѣнность всю, въ краю мечты носился.

Онъ будто видѣлъ въ солнечныхъ лучахъ
Лице Господне — а въ небесъ святинѣ
Его одежу въ чудныхъ зрѣлъ красахъ.

„О Боже,“ рекъ онъ, „ты о грѣшномъ сынѣ
Печешься, не вытѣяй во зло ему,
Коль онъ въ своей сознается провинѣ.“

„Ахъ знаю я: кто здѣсь рождень, тому
Съ терпѣньемъ нужно крестъ земный носить;
Но крестъ различный далъ ты каждому.“

„Мой надто тяжкій! — а и уболѣвши
Силъ не могу — такъ дай мнѣ крестъ другій,
Или подъ тѣмъ прійдетъ мнѣ вѣкъ сгубити!“

Когда произносилъ онъ вопль такой,
Пришла внезапно буря — и ужала
Его съ собой насильно въ край другій.

И тутъ ему дорогу указала
Невидима рука въ пространный Храмъ,
Въ которомъ тма крестовъ всяда лежала.

Къ нему озвался громкій голосъ тамъ:
„Свою здѣсь пристань нужда вся имѣть,
Одинъ съ крестомъ тѣхъ выбрай ты самъ!“

Избрати самъ себя онъ и не смѣлъ,
Но впрочемъ лишь такой избрати бѣ радъ,
Его же легко онъ нести успѣлъ.

Но выборъ не идетъ ему во ладъ:
Тотъ надто тяжкій крестъ, сей острогранный,
А съ тѣмъ не ступитъ ни въ передъ ни въ задъ.

Одинъ, изъ золота чей вылитый,
Свѣтился и его къ себѣ манилъ,
Но жалъ, онъ тяжкій былъ, якъ оловянный.

И сколько тѣхъ крестовъ ни подносилъ,
А все таки избрати неспріятно
Изъ нихъ, бо каждый невыгодный былъ.

И пробу ту дѣлалъ онъ двоекратно,
И дармо силы снова свои терялъ
И время дорогое, невозвратно!

А крестъ, которого не замѣчалъ
Онъ прежде: тотъ наилучшій оказался,
Того онъ наконецъ себя избралъ.

Сей крестъ былъ дуже простой, но казался
Его отвѣтныи силамъ, — тожъ просилъ
Онъ Бога, чтобъ сей крестъ ему достался.

Когда жъ его онъ ближе изслѣдилъ
Очию, то узналъ, что крестъ избранный,
Былъ тотъ, противъ коему такъ вопилъ!

Онъ взялъ его и несть ужъ безъ роптаній.

Богданъ А. Д.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Анто́нъ Петрушевичъ.
(Продолженіе.)

По смерти Даниіловой произошло для отечества нашего еще далеко важнѣйшее событіе и естли бы зависть не препятствовала дѣлу, принесло бы было оно великія користи для югозападной Руси, пособствуя ей отрожденію, укрѣпленію и спокойствію сусѣднихъ земель. Войшелгъ сынъ Миндовга искренный другъ Василька и Шварна зятя своего, съ ихъ помощію овладѣлъ большею частью Литвы, раздробленной на многія области и окрестивъ много своихъ соплеменниковъ, отступилъ Литовскій престолъ Шварну (1266.), а самъ снова заключился въ Угровскій Монастырь св. Даниіла, 97.) Русь надѣялась напрасно, что такимъ образомъ прекратятся грабительства Литовскія, и что сей народъ оставаясь теперь подъ владѣніемъ одной русской династіи составитъ со временемъ одну державу съ Галицкимъ кня-

женіемъ; иначе хотѣло Провидѣніе, откладая тотъ преобразованный союзъ Литвы съ Русью къ позднѣйшему времени. Властолюбіе князя Льва забывающаго о близъ отечества довело его ко коварному убійству руслюбиваго Войшелка, изъ зависти какъ говоритъ Лѣтопись (Ипат. Л. 204.) за то, что послѣдній отдалъ землю Литовскую, брату его, Шварну. Тотъ господствовалъ едва два года на Литвѣ. умеръ кажется 1268. года; города его Холинь и Галичь достались князю Льву, а Литва сдѣлалась опять самобытною признавая свирѣпаго Тройнату своимъ Государемъ.

Скоро послѣ Шварна скончался князь Василько, храбрый и неутомимый въ войнѣ и достойный братъ Даниіловъ; въ Владиміръ началъ княжити сынъ его Іоаннъ — Владиміръ женатый на Ольгѣ дочери Романа Михайловича Брянскаго (1271.) 98.) Левъ и Мстиславъ пособствовалъ польскому Го-

97.) Ипат. Лѣт. 204. подъ 1268. г. Покореніе Литвы Войшелгомъ относитъ Перва Новгородская Лѣт. стр. 58. къ 1265 году. Подъ тѣмъ же годомъ древній Лѣтописецъ (съ 1254 — 1379) напечатанный въ СП. 1774 стр. 14. пишетъ о Войшелгѣ, что, онъ услышавъ объ убійствѣ своего отца (1263 г.) „сня съ себе ризы иноческія и на третій годъ общася пакы положити ихъ на себе, и никако же не измѣни устава и правила иноческаго. И совокупи воиство много, и пріятелі и друзи отца своего великаго князя Миндовга, и иде на поганую Литву и Чюдъ и поплѣни вся тамо сущая. И стояше тамо лѣто все, и многіхъ крести и церкви и монастыри въздвиже. Ини же отгуду убѣжаша въ Псковъ и съ женами и съ дѣтьми и крестилися божественнымъ крещеніемъ. Овъ же сія управивъ добре, и воеводу большаго Андрея Даниловича

(не было ли Андрей имя крестное Шварна) постави ихъ тамо великимъ княземъ. „Тогоже года (пишетъ Софійская Первая Лѣт. стр. 192) въбѣгоша въ Псковъ Литва съ гриста мужъ и съ женами и съ дѣтьми и крести ихъ князь Святославъ съ Псковскими и со Псковичи. Псковская Лѣт. стр. 180. подъ тѣмъ же годомъ говоритъ: „Взя Воишелгъ землю Литовскую; и прибѣже Домонтъ (Гимосей) въ Плесковъ и крестися. Такъ важную роль игралъ Войшелгъ въ распространеніи Христіанства по греческому обряду на Литвѣ; слѣдовательно Войшелгъ крестилъ первый Литовцевъ, которыхъ Ягайло почти перекрещивалъ по другому латинскому обряду. Войшелгъ (говоритъ Карамзинъ) имѣлъ право на благодарность Россіянъ, хотѣвъ, по усердію къ Вѣрѣ Христовой и любви къ нимъ, чтобы кровь св. Владиміра, браками Даниіла и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга, царствовала на Литвѣ.

98.) Зиморовичъ (Triplex Leopol.) ошибается говоря, что Василько скончался монахомъ въ Свѣтогеоргіевскомъ Монастырѣ въ Львовѣ, ибо по

сударю Болеславу въ войнѣ его противу князя Вратиславскаго, содѣйствовали также своими полками въ битвѣ Владимира Васильковича съ Ятвягами, которыми теперь стали про-
сити мира у русскихъ князей (1273).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

II.

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ ЧЕШСКО- СЛОВЯЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Первый Періодъ.

(Лѣтописецъ Косма. — Чешское всеучилище. —

Риценованыи лѣтописи. — Сборники законовъ и Словари. —

Поэзія XIV. в. — Милитъ. Штитный. —)

Кромѣ Краледворской рукописи, кото-
рой отрывки принадлежатъ отъ части та-
кожъ къ XII. и XIII. вѣку, и кромѣ нѣко-
торыхъ любовныхъ пѣсней и повѣстей, оста-
ло съ того времени еще не много словес-
ныхъ произведеній, почти все религіознаго
содержанія; такъ на пр. отрывокъ изъ „По-
вѣсти о страсти Господней” стихами, изъ

словахъ современной Волинской Лѣтописи (И-
пат. Лѣт. 204) умеръ и былъ похороненъ Ва-
силько въ Владимірѣ „во церкви святой
Богородицы въ пискупнѣ Володи-
мерской.” Съ честью упоминаетъ о Василь-
цѣ Сербскій историкъ и Архіепископъ Дани-
илъ, сочинившій Родословъ въ началѣ XIV. вѣ-
ка. „Въ Рускую землю (пишетъ онъ) много-
кратно посылалъ (Крале Стефанъ Храпавый
сконч. 1270 г.) слъ своя съ многочисленны-
ми дары къ божественнымъ церквамъ, и елико
милостивъ къ нимъ. Въ той бо землѣ Рус-
кій имѣ любовнаго пріятеля, кнѣзя Васи-
ліа, и тому должнъ честь издаваше, глаголы
сладкія возсѣлая ему. см. Рачна Истор. Сер-
бовъ кн. VII. гл. IX. стр. 424. У Василька
кромѣ Іоанна — Владимира (Ипат Лѣт. 222) былъ
еще кажется другій сынъ именовъ Василій
(Wazul filius Wazulæ), о которомъ упоминаетъ-
ся въ буллѣ Папы Григорія XII. съ 1272.
года, вѣсть съ Львомъ и Мстиславомъ Да-
ниловичами, какъ о князяхъ русскихъ. см. Bul-
larium Franciscanorum — Romae 1756. Т. III.
р. 181.

„Легенды о 12. апостолахъ” и, хвалебная
пѣсня во славу чешскаго патрона, св. Ва-
чеслава.” Къ тому осталась полная чешская
Псалтырь, составленная въ набожныхъ
пѣсняхъ или въ риценованныхъ молитвахъ,
подобныхъ молитвамъ католической церкви.
Сюда принадлежитъ такожъ, по сужденію Лин-
да и Добровскаго „Плачь влюбленного на
берегахъ Молдавы.” списанный прозою. Пер-
вые лѣтописцы Чехъ Косма и Вияконтій,
рожденныи въ серединѣ XI. вѣка, пи-
сали по латинѣ. Лѣтопись первого сохра-
нилась до нынѣ.

Въ XIV. столѣтіи возмозлось вліяніе
Нѣмцевъ такъ дуже, что противъ нему воз-
будилось недовольство великой части наро-
да. Король призывалъ къ себѣ нѣмецкихъ дво-
рянъ, на его дворѣ шло все по нѣмецки,
и даже, привилей для города Праги съ
1341. написанъ по нѣмецки. Но во владѣніе
Карла I. (Царя Карла IV), вознеслась чеш-
ская Держава на наивысшій степень славы.
Карлъ обмежилъ привилей Нѣмцевъ въ Че-
хахъ, и уважалъ чешскій языкъ столь вы-
соко, что законно приказалъ учиться его
всемъ Царевичамъ. Наибольше добра сдѣ-
лалъ онъ для своего любимаго города Пра-
ги; въ г. 1348. учредилъ онъ тамъ чеш-
ское всеучилище, по образу всеучилищъ
въ Парижѣ и Болоніи. Вліяніе добродѣтель-
наго сего заведенія дѣйствовало не лишь
на Чехи, но и на всю Нѣмечину, ба на
всю Европу. Молодежь изъ Нѣмцевъ, Шве-
ціи, Польши, Угорщины стремилась числен-
но къ тому единственному храму просвѣ-
щенія. Для управленія различныхъ народ-
ностей, встречающихъ другъ друга въ семъ
одномъ училищѣ, призналъ учредитель его
Карлъ I. въ академическомъ сенатѣ одинъ
голосъ Чехамъ, а три прочимъ чужинцамъ.
Въ послѣдствіи выкажемъ, съ якою зави-
стію смотрѣли Чехи на тое рашительное пре-

иущество чужинцевъ и якімъ произвело оно противодѣйствія.

Въ XIV столѣтіи изобиливали Чехи риемованнымъ сочиненіями, однаковъ въ тѣхъ вовсе не было поезіи. Се доказательство, что тогдашнее всеучилище еще не могло причинитись до развитія истинныхъ поэтическихъ дарованій. Съ того времени остала чешская риемованная лѣтопись, такъ звана Далемилова хроника, сягающая до 1314. года. Она писана въ то время, когда вліаніе Нѣмцевъ дѣйствовало въ найвысшей степени, для того дышетъ она противъ нимъ ненавистію. Она была черезъ два столѣтія улюбленною книгою чешского народа. Нія сочинителя ей не извѣстно: но ю приписываютъ обыкновенно крпошанину Далемилу Мезерицкому. Такого же рода есть Лѣтопись Пржибика Пулкавы, переведенная по велѣнію Карла I. (яко нѣм. царя IV) изъ латинского. Сюда принадлежить и римская Хроника, переведена 1400. г. изъ нѣмецкого Бенешомъ, и друга римская Хроника, переведена съ латинского Лаврентіемъ съ Брезова.

Нѣкоторые ученыи того вѣка составляли Сборники законовъ, нныи Словари. Изъ первыхъ важныи суть „найстаршіи чешскимъ уставы“ Антоція съ Дубы; „гражданскій или феудальный законъ,“ переводъ съ латинского, славное Саксонское зерцало или законы Магдебурга. — Словарей считается въ томъ времени семь, съ которыхъ найизвѣстнѣйшій „Богемаріусъ,“ писанный 1309. г. гексаметрами. Словари тѣи были весьма неточны, и вмѣщали иногда такожъ енциклопедическіи знанія.

Поезія XIV. в. послѣдовала въ Чехахъ тому же направленію, якое нѣмла въ Нѣмчинѣ, и сталась легкимъ произведеніемъ воображенія, посредственнымъ аллегорическимъ твореніемъ, претечею ннизшой новели. То-

го рода суть: Тристрамъ, повѣстка въ 9000 стихахъ пер. съ нѣмецкого; „житіе Александра“ и „Исторія Троянской войны,“ обоѣ съ латинского и больше сказочного якъ исторического вида; Молодый Ткачъ, первотворъ, весьма улюбленный въ своемъ времени. Всѣ прочіи поэтическии творенія сего вѣка суть басни, сатиры, легенды или алегоріи религіино — поучительного содержания, якъ то уже познати можно съ ихъ главій, на пр. девять радостей Маріи, десять заповѣдей, пять источниковъ грѣха и пр. У всѣхъ великій недостатокъ истинной поезіи.

Больше полезнаго и добраго произведено въ то время въ богословскомъ отношеніи. Священникъ Іоаннъ Милпчъ написалъ 1370. г. „Розсужденіе о великомъ паденіи церкви;“ нныи сочиняли книги о истинныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; чешскій дворянинъ, Штитный, составилъ для своихъ дѣтей „Христіанскую науку;“ къ тому переведено книгу еврейского Рави Самуила „о происхожденіи Мессіи“ и нныи подобныи дѣла. Такожъ большая часть Библии была уже въ XIV. вѣцъ переведена на чешскій языкъ, хотя еще не сотовлена въ якій порядокъ. На такихъ то хорошихъ сочиненіяхъ образовался славный Іоаннъ Гусъ, основатель новой эпохи въ чешской словесности.

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

XIII.

У Запорожцевъ былъ обычай доставляти преступникамъ передъ казнію всѣ возможные удовольствія. Вкусныи яствія и дорогіи напитки принесено на обѣдъ Алексію и Маринѣ; но они не тронули ихъ и сумно сидѣли, иногда поглядѣли другъ на друга и, съ якою непонятною, предсмертною

радостью усмехаясь, сжимали друг друга въ объятіяхъ. Но вотъ, уже солнце клонится къ западу; въ воздухъ стало холоднѣе; толпы козаковъ, шумно разговаривая бродили межъ куренями, въ дали выигрывала бандурка плавовую пѣсню, раздавался топотъ розгульного тропака, неслись невнятные слова пѣсней:

Отъ Полтавы до Прилуки
Заломали закаблуки,
Ой лихо! закаблуки!
Дамъ лиха закаблукамъ...

И успешный тропакъ заглушалъ послѣдніе слова. Съ другой стороны раздавались торжественныя протяжныя звуки, и чистый мужескій голосъ пѣлъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ
Леневый соколъ жалобно квилить проквилить!...

Козацкій народъ, уставившись кругомъ, слушалъ пѣсню о храбромъ войсковомъ Писарѣ. — и самъ Писарь, сказанный на смерть, задумчиво стоялъ у крѣпости, и слушая хвалебную пѣсню, тоскно глядѣлъ на солнце, идущее на западъ. Рывая ласточка высоко носилась въ воздухъ, весело щебетала, и опускаясь къ землѣ, вилась около тюрьмы; недалеко передъ окномъ на старой крышѣ вытягался одинокій стебель якой-сь травки; онъ сквозился, блестѣлъ отъ косвенныхъ лучей солнца и колебимый вечернимъ вѣтеркомъ съ легка наклонялся къ тюрьмѣ, будто прощаясь съ заключенными. Въ очахъ Алексѣя показались слезы.

„О, не гляди такъ тоскно, мой милый!“ говорила Марина, заламывая бѣлыя рученьки: „твоя тоска разрываетъ мое сердце! Я, нерозумная, довела тебя до смерти... знаю, что ты думаешь“

— „Перестань, Марино! перестань смущаться; не знаешь ты моихъ тяжелыхъ думъ.“

„Знаю, знаю! Прощай, ты думаешь: ясное солнце, завтра не я уже буду гля-

дѣти на тебе! Завтра въ то время веселая ласточка станетъ пѣти и летѣти, какъ и нынѣ, и спокойно уснетъ вечеронъ въ своемъ гнѣздочку, и таа хилая травка завтра будетъ еще колебаться на Божіемъ свѣтѣ, и якій-нибудь залетный жучокъ посѣтитъ ю одинокую, а мене уже не будетъ! Нестанетъ молодого удалца: будетъ меньше на свѣтѣ одинъ добрый козакъ, и надаромъ вороний конь станетъ ждати на вѣрного козака — не прійдетъ больше его козакъ! Другіи сядетъ на коня! Закрываются, ты думаешь, мои свѣтлыя очи! Сорветъ хищный воронъ чубъ съ моей буйной головы и совѣтъ изъ него гнѣздо для своихъ дѣтей!...“ Рыданія перервали слова Марины.

— „Богъ съ тобою, моя ласточко! Яки черныя мысли прійшли на тебе? Видишь Богъ, я не думалъ того...“

„Знаю, ты думалъ, къ чему довела любовь наша?... Что изъ ней вышло, кромѣ печали и несчастья?... Алексѣю, мой ненаглядный соколъ! Чей я хотѣла того? Я несла тебя мою чистую любовь, мое непорочное сердце, а принесла — смерть!... Завтра умрешь, такъ возьми нынѣ мою чистую любовь... и съ тою любовью понесешь тамъ — высоко, — и будешь жить съ нею, какъ не жили на семъ свѣтѣ, — весело, счастливо! — Такъ чего же ты тоскуешь, мой милый?“ сказала Марина, съ гнѣвомъ упрекомъ смотря въ очи Алексѣю.

— „Не за себе тоскую я; ахъ, я вспомнулъ Пирятинъ, мою старуху — мать! можетъ быть, въ то самое время она узнала отъ Герцяка о моихъ почестяхъ, помолодела, думая скоро увидѣти мене... И можетъ быть, она глядитъ тамъ далеко, въ Пирятинъ, на то самое солнце и проситъ Бога, чтобы сокрылось оно чѣмъ скорше за гору, выводило скорше другіи день, та

чтобы и тотъ проходилъ скоро и пришло радостное время нашего свиданія! И теперь, коли я, глядя на солнце, прощаюсь съ нимъ, можетъ быть, она въ заиковской церкви, передъ образомъ Богоматери, лежитъ на козлахъ, радостно плачетъ и благодаритъ Ю... Чуетъ ли твое сердце, добрая Мати, что ты не увидишь больше сына. что онъ, убѣгая, якъ поганый человекъ изъ Пирятина, не попрощавшись съ тобою, оставилъ безпомощно на старости, и завтра умереть позорно?... Вотъ, что думалъ я, моя милая... А смерти я не боюсь, за гробомъ жизнь вечная!... Тамъ не плачутъ, не вздыхаютъ..."

„Такъ не разлучимся съ собою!" весело сказала Марина: „мы станемъ жити разомъ вѣчно, вѣчно! не правда ли? Наши души будутъ летати на свѣтломъ облачку, сидутъ на море и поплывутъ съ волны на волну далеко — далеко, и никто изъ не скажетъ: куда вы? зачемъ вы? Мы будемъ свободнѣйши отъ небесныхъ птицъ, весело слетимъ на могилу, где будутъ поконтились наши кости; я разроствусь надъ твоею могилою кустомъ калины, роскину въточки широко, чтобы твой прахъ не топтали люди, не пекло солнце; темною ночью вспомню нашу здѣшнюю жизнь, наше горе — и тихо заплачу, но едва взойдетъ солнце, отру слезы, да никто не видитъ ихъ, весело зашевелюсь, засмѣюсь дробными листочками и благовонными цвѣтками; молодой козакъ сорветъ въточку моихъ цвѣтовъ подарить ихъ своей милой; милая вплететъ, мой цвѣтокъ себѣ межъ косы — и больше полюбитъ козака; я съумѣю навязати; нашептати ей чары любви, — я любила на свѣтѣ... любила тебе, мой чернобровый козачо, тебе моя, радость!..."

„Ого! якъ веселенькѣ!" сказалъ, входячи Никита.

„А чего же намъ печалиться?" спытала Марина.

„Чей вась просити?"

„Нѣтъ; но мы тутъ разомъ, и умремъ разомъ и будемъ всегда разомъ..."

Никита покачалъ головою.

— „Якъ намъ не радоватися. брате Никито!" сказалъ Алексѣй: „попались въ бѣду; а тутъ якъ всѣ насъ любятъ, всѣ навѣщаютъ, приходятъ утѣшати..."

„Гмъ! Ось что! хитро сказано, по шляхоцки, изъ политики. На что людямъ перешкажати? Вась, я думаю, веселѣйше безъ третого... А то немилѣ, что Алексѣй лихо думаетъ о Никитѣ, а Никита ось и теперь общалъ вашинѣ сторожанѣ сорокъ михайликовъ вина, а меду сколько въ горло влѣзетъ, чтобы пустили увидѣти вась, пару немудрыхъ Алексѣевъ... Господи прости, что бабу нарекаю мужескимъ именемъ!... На Никиту сердятся, а Никита цѣлый день помилъ стариковъ, говорилъ съ попомъ та съ письменными людьми якимъ бы средствомъ спасти Пана Писаря. Богъ вамъ судья, братику!..."

„Чтоже они говорили?" спытала Марина.

„У! яка быстра! довела до бѣды доброго козака та и не кается! Что говорили? Ничего неговорили. Ось, уже и плакати собирается!"

— „Оставь ю, Никита;" сказалъ Алексѣй, „грѣхъ оскорбляти женщину. Что? видно? нѣтъ надежды?"

„Та я только такъ, я знаю ихъ натуру; съ тобою другая рѣчь пойдетъ. Говорити то они говорили много, а толку мало; все ровно, что кашу варити изъ топора: хоть полъ дня кипитъ и шумитъ и пѣнится; сними съ огня котелокъ, хлебни ложкою — чистая вода, а топоръ самъ посебѣ остался... Помилъ я до обѣда стариковъ характеристиковъ; ничего сказати, старо-

святскіи люди, стародавніи головы. твердыи души, а до объѣда поддались, изъ ногъ повалились, а тогда за совѣтомъ къ одному, къ другому: молчать, ни пары изъ устъ, лежать якъ осетры! Самъ виноватъ, подумалъ я, переліалъ матеріалу. По объѣдъ собралъ съ десятокъ письменныхъ душъ, поставилъ передъ ними цѣлое ведро горьлки и говорю: вы, братья, народъ розумный, не пара намъ дуракамъ. вы часто въ письмо глядите и знаете, что тамъ до чего поставлено и что за чѣмъ руку тягнетъ, дайте совѣтъ и помощь въ такомъ дѣлѣ. якъ оно будетъ?... „А будетъ такъ, якъ Богъ дастъ“, отвѣчали они. — Розумно сказано! сейчасъ видно птицу по лету, додалъ я. Выпили они по два, по три михайлики, а все молчатъ; смотрю: пьютъ уже по десятому, а вспомнулъ сердечныхъ характерниковъ, что до сихъ поръ храпятъ подъ валомъ, и сказалъ: а что же, Панове, якій будетъ совѣтъ? якъ разрѣшите дѣло? — „Ось, что я тебѣ скажу, Никита“, пачалъ одинъ: „а что я скажу, такъ и будетъ; вся Сѣчь знаетъ, что я найрозумнѣйшій человекъ.“ — „Куда ты найрозумнѣйшій? Я найрозумнѣйшій“, сказалъ другій. — „Вы дураки; я найрозумнѣйшій“, вскричалъ третій, четвертый — и такъ подпали межъ собою письменныи души споръ, крики, сварню, якъ ваши перекупки на базарѣ въ Гетманщинѣ. Не успѣлъ оглядѣтись, подслухатись, а они уже одинъ другого за чубы; посварились, накулаковались, мовъ пѣтухи весною, и пошли до кѣрена позыватися; пропала только моя горьлка!... А тутъ уже вечерѣетъ, такъ я пошелъ до Панъ — Отца. Панъ — Отецъ мене выслушалъ и говоритъ: „дѣло, брате, важное, не выскочити Алексѣю отъ смерти!“ — Будьто, батьку, ніякъ не можно спасти? спыталъ я. — „Неможно“, сказалъ Панъ — Отецъ:

„такій законъ на Сѣчи. Правда, коли найдется женщина, которая захотѣла бы изъ подъ топора или мотузка прямо вести преступника въ церковь и съ нимъ свѣнчатись, то его простятъ; но кто захочетъ опозорити себе? та и где возьмется на Сѣчи женщина? Люди въ старину нарочно сдѣлали такій законъ; знали, что женщинъ ни откуда взятись.“ — Ось и все тутъ, брате Алексѣю!... лихо!“

— „Лихо. Никита! Видно на то воля Божія! А все таки спасъ — Богъ тебѣ. Господь тебѣ заплатитъ за твое стараніе.“

„Такъ, я выйду за Алексѣя!“ почти вскричала Марина: „я скажу передъ всѣмъ народомъ, что...“

„Опять свое. Что ты скажешь? Сама заварила кашу, та хочешь и росхлебати... Не до поросятъ свинь, когда ю смалятъ... Молчала бы лучше, та Богу молилась... Прощай, Алексѣю!“

— „Куда ты?“

„Такъ скучно, брате, хотя въ воду кинься, скучно! цѣлый день поилъ дураковъ, а самъ ни капли въ ротъ не бралъ; напьюсь съ досады...“

— „Не ходи, Никита, поголкуй съ нами.“

„Съ вами теперь толковати, лучше воду толчи: только утомишься; и вамъ веселѣйше въ двоємъ; наговоритесь, пока есть время.“

— „Куда жъ ты?“

„Позду съ горя до Варки въ корчму!..“

— „Что тебѣ за горе?“

„Грѣхъ пытати, брате Алексѣю! Развѣ менѣ не жаль тебе? Чортъ васъ знаетъ, за что я полюбилъ васъ, самъ не доберу толку! Еще тебе, знаю, ты человекъ съ характеромъ, а то и ю полюбилъ... кто нибудь подслушаетъ, сѣзятись станеть, а ей Богу полюбилъ! Будь она козакъ, а я бы ю полюбилъ — а она баба, но ей-

Богу, характерная баба! — Тождь якъ вспо-
ню про васъ, про обонхъ, точно ста-
нетъ, якъ бы три дни не тлъ... Прощай-
те! Тяжко душъ; чей успокоюсь, якъ...
якъ похороню васъ...” Никита махнулъ
рукою и вышелъ.

XIV.

Только Богъ святой знае,
Що Кошевий думаетъ, гадае Укр. пѣс.

Встало утро, тихое, свѣтлое, радост-
ное; на востоцъ показалось солнце, и на
встрѣчу ему повзлетали жаворонки съ ши-
рокой степи. взвились широко подъ чистое
небо, запѣли звонкую привѣтственную пѣ-
сню; въ садахъ отозвались кукушки. засви-
стала иволга; бѣлый бузъко, дремавшій надъ
гнѣздомъ на кровлѣ хаты, закинулъ на
спину голову и, громко клекотая, съ лег-
ка приподнялъ ю и опустилъ до самого гнѣ-
зда, будто привѣтствуя тѣмъ наступающій
день. потомъ распустилъ свои широкии бѣ-
лыи крыла, поднялъ ихъ въ гору, и плав-
но отдѣлился отъ крыши вольными кругами;
поднимаясь все выше и выше, съ любо-
вью поглядывая на землю, на дѣтей своихъ,
протягнувшихъ къ нему изъ гнѣзда шейки.
Былъ веселый Божій мѣръ, а въ Сѣчи не
радостно встрѣчали свѣтлое утро. Сумно,
тоскливо сходился народъ на площадь; на
площади прохаживался рижій пласконосый
Татаринъ, въ червонной сорочцѣ, съ корот-
кими рукавами, въ червонной шапцѣ; лице
Татарина было блѣдо, измученно, но жи-
ластыи руки играли топоромъ. Иногда Та-
таринъ дышалъ на свѣтлую сталь и внима-
тельно смотрѣлъ, якъ сбѣгало съ ней лег-
кое облачко, навязанное дыханьемъ, или о-
сторожно трогалъ пальцемъ остріе, при-
чемъ игновенный, злый усмѣхъ быстро мель-
калъ на узкихъ губахъ мусулманина. Ко-
заки съ презрѣніемъ отвергались отъ Та-

тарина, даже скидали на землю жупаны, до
которыхъ онъ случайно дотрогался.

Передъ тюмною вилась и щебетала вче-
рашняя ласточка, якъ и вчера тихо колеба-
лась на крышѣ одинокая травка; въ тюр-
мѣ Алексѣй и Марина лежали на козлахъ
передъ иконою и молча слушали наставле-
ній священника.

Но вотъ, роздался на площади глухой
громъ литавръ.

„Пора, дѣти!“ поважно сказали священ-
ники: „готовы ли вы?“ Заключенныи взгля-
нули другъ на друга, вышли изъ тюрьмы за
священникомъ; четыре вооруженныи козаки
шли за ними. Кругомъ безчувственно глядѣ-
ли суровыи лица Запорожцевъ; порою съ со-
жалѣніемъ кивали въ толпѣ черныи чубъ,
порою сплывала по сѣдыи усамъ старика
блестящая слеза; но старикъ сейчасъ же
отеръ ю и гнѣвался на себе, что былъ столь
мягкосердеченъ.

Передъ церковью Покрова, Алексѣй и
Марина пали на землю, молясь со слезами,
потомъ встали, отерли слезы и бодро, смѣ-
ло подошли къ подмосткамъ (руштованью), на
которыхъ стоялъ страшный Татаринъ, съ
топоромъ въ рукахъ, въ червонной сорочцѣ.

„Христіанскіи души!“ замѣчали въ толпѣ.

— „Характерныи души!“ говорили
други.

Площадь была набита народомъ; нику-
да было яблоку упасти, якъ говорилъ Ни-
кита. Противъ подмостковъ, где былъ катъ
— Татаринъ, стоялъ на возвышеніи Коше-
вий, окруженный старшинами; въ толпѣ на-
рода, у самыхъ подмостковъ, былъ Никита.
Глядя на Никиту, можно было подума-
ти, что онъ для бодрости въ такомъ пе-
чальномъ случаѣ отъ досвѣта былъ пьяный.
Его очи страшно сверкали, иногда накло-
няясь къ своему товарищу, закутаному въ
кобенякъ (плащъ съ капишомъ), таинствен-

но шепталъ, громко кашлялъ и самодовольно опускалъ руки въ кишени своихъ широкихъ шараваръ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОПИСЬ

Съ Коломыйского.

Disce sapientiam, quae mater est iustitiae.

„Изъ пыткаго думанія и дохоженія родятся ошибочныя мнѣнія,” сказалъ г. І. Лозинскій, и осудилъ пыткудумцами всѣхъ, которыя только не соглашаются съ его мнѣніемъ. Однакожь о сколько остерегался онъ же самъ того пыткаго думанія и дохоженія. Оказываетъ все то, что написалъ онъ доселѣ въ 64, 65, 78—82 ч. „Вѣстника” и 36 ч. „Зори Галицкой.” Самое ивѣйшее доказательство пыткаго думанія есть безсомнѣтельно противорѣчіе себѣ самому. И вѣрнѣе, едва можно найти у котораго нибудь изъ нашихъ писателей, разсуждавшихъ когда либо о русскоиъ языкѣ или русскоиъ литературѣ, столь много противорѣчій, сколько встрѣчается въ реченныхъ статьяхъ г. І. Лозинскаго, не вспоминая уже о его прежнихъ противорѣчіяхъ! Не имѣя, мимо его возванія, подробно разбирати всякое сказанное нимъ изреченіе, мы укажемъ только главнѣйшія погрѣшенія и противорѣчія, возродившіяся изъ пыткаго думанія.

И такъ: разъ говоритъ онъ, что не повстаеъ на удаванье въ потребѣ до церковнаго или иного (безсомнѣтельно польскаго и „наиблизшаго намъ російскаго”) нарѣчія, и, якъ то явственно изъ многихъ употребленныхъ нимъ, нашему народу непонятныхъ, словъ старорусскихъ (по его ошибочному мнѣнію болгарскихъ), самъ иногда весьма неумѣренно зачерпываетъ изъ тѣхъ

жерель,

Съ которыхъ Россіянинъ языкъ свой произвелъ;

другій разъ гнѣвается на „Зору,” что и она беретъ

...отъ старыхъ ово,

Чѣмъ передъ свѣтомъ прославилась,

А именно: тія слова,

Въ которыхъ наша жизнь и сила.”

и утверждая (г. Лозинскій не Зора), что народъ нашъ слова тія (корени словъ, не слова сами) имѣетъ, безусловно отвергаетъ всѣмъ Русинамъ принятое правило, дополнати недостатки нашего языка старорушиною. Разъ желаетъ онъ, чтобы языкомъ науковимъ былъ исключительно языкъ нашето про-

стонародія и не хочетъ видѣти ніякого розличія межъ книжнимъ науковимъ а розгоноримъ простонароднымъ языкомъ; другій разъ, заглубившись въ практическія изслѣдованія признаетъ потребу книжнаго, розчиннаго отъ простой бесѣды, языка, и приводячи припрѣръ изъ исторіи развитія польскаго языка, утверждаетъ, что и польскій языкъ, ставшися книжнимъ, „былъ заразы розличнымъ отъ бесѣды на Шлезску и Великой Польщѣ звычайной” (простонародной), соизволяетъ такожь и у насъ розвиватися такому розличному книжному языку, однакожь „безъ нашего свѣдѣнія и намѣренія. Разъ сердится онъ на дописывателя „изъ Будина,” что тотже упрекаетъ „Вѣстникъ” за кованье новыхъ, угорскимъ Русинамъ непонятныхъ, словъ, и такимъ дѣломъ самъ не похваляетъ словокованіе; въ другій разъ доказываетъ потребу кованья новыхъ словъ стихами Горация; онъ самъ доказываетъ иногда правду своихъ словъ стихами Горация, а въ иномъ мѣстцѣ упрекаетъ другихъ, что приводятъ въ такихъ же случаяхъ стихи Рикерта. Разъ нарекаетъ онъ на писателей нашихъ, которыя употребляя сокращенныя формы (украинскаго нарѣчія), якъ: боюсь, колимъ, домои, дѣлать и пр. испорчиваютъ по его мнѣнію „гармонію, мелодію, тактъ, словотѣлый характеръ” народнаго языка; другій разъ радуется тому, что нашему языку прибываютъ новыя формы на пр. боюсь. Онъ упрекаетъ „Ладу” за то, что она употребляетъ нѣкоторыя чужестранныя слова, якъ: кармакъ, гошмейстерина, жилетъ, жеманство, кофейный и пр. (съ которыхъ въ „Зорѣ” нѣтъ ни одного), а самъ, пишучи будто языкомъ простонародія, пользуется многими, тому же народу непонятными словами, якъ: мания, мелодія, тактъ, епока, дипломатичный и пр., не подавая даже для простаго народа ніякого словъ тѣхъ изъясненія или словарца, якъ то въ нѣкоторомъ отношеніи похвалительно дѣлала „Лада,” которая переводила таковыя слова на польское, къ сожалѣнію, на польское, бо наши женщины лучше знаютъ нѣмъ польскій языкъ, якъ свой матерній русскій. Г. Лозинскій узнаетъ потребу приводити для изобразенія житія верховницевъ слова изъ ихъ (подкарпатскаго) нарѣчія, для представленія житія Козаковъ, хорошихъ слова украинскаго нарѣчія (въ которомъ есть и ходить, дѣлать, и собой, домои, и ситѣться, беретъ, и боюсь, пужаюсь и пр.), ба, для описанія частей корабля, искусства плавбы, для бесѣды моряковъ совѣтуетъ онъ удаватися къ Русинамъ ажъ надъ Черноє Море; а не прійдемоу тамже лю-

гически на тую мысль, или лучше не сказалъ того откровенно, что для научныхъ предметовъ и въ сочиненіяхъ, опредѣленныхъ для просвѣщенныхъ людей, нужно употребляти слова, соотвѣтны такъ предмету какъ и читателямъ; хотя въ прочемъ отъ части въ полунучковой диссертациі своей самъ такіе слова употребляетъ. Г. Лозинскій предлагаетъ нынѣшнимъ Русинамъ тотъ русскій языкъ, которымъ говорили на дворахъ не только русскихъ князей, но также польскихъ королей, думая, будь то оба точнѣе и подобны нашему народному; и въ томъ есть противорѣчіе, бо, если судити о дворскомъ языкѣ нашихъ князей и польскихъ королей изъ его письменныхъ памятниковъ, то русскій языкъ тѣхъ дворовъ различался другъ отъ друга стократно больше, нежели различается языкъ Будиского дописывателя или нашего историка Петрушевича отъ языка дописи г. Лозинского. Къ тому можемъ г. Лозинского увѣрити, что онъ самъ ни однимъ изъ тѣхъ дворскихъ языковъ не пишетъ и бо истину не радъ бы даже писати. Г. Лозинскій взываетъ всѣхъ австрійскихъ Русидовъ; чтобы такъ писали, какъ пишетъ „Вѣстникъ“; а самъ иногда ни слога ни даже правописи его не наблюдаетъ, какъ то явственно изъ подлинной дописи его помѣщенной въ 36 ч. „Зори Галицкой“. Тамъ пишетъ онъ: вИтИкалъмъ, смИсленнымъ, назИвають, иИсли, формИ, вИроидИхъ, правдИслячого и пр., когда напротивъ въ „Вѣстникѣ“ въ такихъ случаяхъ стоитъ майже всегда правильно И; Г. Л. Л. пишетъ вИпоВильмъ доВжність, доВжныя, когда всѣ русскіе писатели и также „Вѣстникъ“ приняли въ тѣхъ случаяхъ вмѣсто народнаго В книжное Л, яко и самъ г. Лозинскій въ противорѣчіе той своей безправильности не пишетъ никогда ходИвъ, держаВъ, но ходИлъ, держаЛъ; онъ пишетъ разъ ошибочно: вИжшИ цѣнятъ, другій разъ правильно: лучшЕ было, разъ писателяИИ, другій разъ писателяВъ разъ чужу, другій разъ (въ 64 ч. „Вѣстника“ отчуждило (вмѣсто правильного отчудило); онъ пишетъ: говорѣти, якъ народъ говорѣтъ, но такъ народъ не говорИтъ! Онъ пополнилъ даже яко грамматикъ великую грамматическую ошибку, яку не найти уже ни въ одной русской книжцѣ, онъ написалъ: въ кажинъ російскИиъ словарѣи находятъ. Правда, г. Лозинскій сознается, что нѣтъ у него той зарозумѣлости, дабы свой языкъ (и розумѣется свою правопись) за наилучшій представлялъ, „бо при улонности людской, и начинаючоїся розвивати словесности нашої никто совершенностей похвалити-

ся не може;“ однакожъ г. Лозинскій имѣетъ славу русского грамматика, г. Лозинскій выступилъ съ настрѣженнымъ судомъ противъ языку другихъ нашихъ писателей, онъ распочалъ на ново, уклоненную уже почти, борьбу за азбуку, онъ рѣшился вести ю со всѣми нашими известными языкоговорами, бо выступилъ противъ ихъ основному мнѣнію, онъ напередъ упоминаетъ своихъ литературныхъ противниковъ, чтобы не писали пустое, упоминаетъ словами: *verba volant, ast scripta manent*; не свободно ли съ другой стороны и намъ желати отъ него, чтобы къ азбучной борьбѣ той приступалъ вооруженный лучшимъ знаніемъ языка, чтобы не надѣвалъ на себе пестрого одѣя безконечныхъ противорѣчій, чтобы или сотворилъ себѣ, яко пѣкій реформаторъ, кую нибудь свою собственную, но на логическихъ правилахъ основанную, правопись, или употребляя словенскую правопись „Вѣстника“, наблюдалъ ю точнѣе и не дѣлалъ касательно ней и касательно грамматики такіе ошибки, якіе подчеркиваются въ письменныхъ заданияхъ ученикамъ въ самыхъ низшихъ школахъ. Если не вымагаемъ того отъ тѣхъ ч. нашихъ братьевъ, которые по недостатку времени или способности, не приучились еще донинѣ наблюдать съ точностію правила принятой всѣми словенской орфографіи: то необходимо требуемъ сіе отъ известнаго грамматика, который предпринялъ учить всю австрійскую Русь, какъ ей писати подобаетъ. Въ противномъ же случаѣ пытаемъ, кто удостоитъ такъ противорѣчающаго себѣ учителя уваженіемъ, и кто за достойно почтитъ съ такъ безслышнымъ литературнымъ противникомъ сразатися?

Закѣмъ приступимъ къ дальшему разбиранию дописи г. Л. Лозинского, въ 36 ч. „Зори“ помѣщенной, хочѣмъ застановитися надъ тѣмъ, чего vlastно г. Лозинскій желаетъ? Помимо противорѣчій, на якіе мы въ известныхъ дописяхъ его указали, можемъ однакожъ съ приблизительнымъ правдоподобіемъ заключити, что онъ не желаетъ для насъ такого книжнаго языка, якимъ пользуется всякій образованный народъ въ свѣтѣ, т. е. такого, который своимъ высшимъ слогами и научными словами различается отъ простонародной бѣды; то явственно также изъ его словъ: „нашѣреніе и стремленіе мое есть писати чисто народнымъ (т. е. не смѣшеннымъ со старорусскими или иного новословенского — съ изытіемъ польского — нарѣчія словами) „русскимъ языкомъ, и по той воли, додаетъ онъ, „изволѣтъ ия судити. Мы выскажемъ

яснѣйше его желаніе: онъ хочетъ, чтобы о всѣхъ предметахъ, будь научныхъ, будь ненаучныхъ, будь практическихъ, будь отвлеченныхъ (абстрактныхъ, якимъ по строгому сужденію есть всякая наука, Wissenschaft), писати простонароднымъ языкомъ: онъ хочетъ, чтобы такимъ дѣломъ въ научныхъ нашихъ подвигахъ имѣлъ самое большее участіе и добрый пашъ, но бѣдный черезъ свою темноту народъ, или чтобы учителя его подавали ему полными горстями свѣтло высшей науки въ простой его бѣдѣ, и вознесли его сей же часъ на тую просвѣщенія степень, на какой нынѣ самы стоятъ. Добрая то воля, похвалительное намѣреніе! И мы, когда были молодшими, имѣли ту же самую мысль, и мы такъ само мечтали, и мы бывали въ той Аркадіи! Такъ говорило тогда юношеское наше сердце, а практическому разуму еще мы не совѣтовались. Мы думали: „Христосъ и Апостолы проповѣдали найвысшую мудрость простыми словами, и не застановлялись, что Апостолы писали найобразованнѣйшимъ книжнымъ греческимъ языкомъ. Мы видѣли въ простонародной нашей бѣдѣ верхъ всего совершенства: и ю похваляли такоже нѣкоторые ученые, именно польскіи, якъ „Баллаке, Мицкевичъ, Манцевскій, Раковецкій“ (и М. Грабовскій и Бѣловскій, знавшіи языкъ нашъ народный изъ прекрасныхъ украинскихъ пѣсень, или изъ средновецной польской его спокп, или наконецъ только по наслуху: они захвалили намъ по многоразличнымъ своимъ видамъ и намѣреніямъ тое, по мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нихъ, поднарѣчіе польского языка: и многи съ насъ вѣрили имъ, или лучше вѣрили себѣ и своимъ силамъ. Искренніи любители малорусского народа стали писати съ перва только пѣсенки, сказочки, повѣстки, и простонародный языкъ доставлялъ имъ къ тому довольно выраженій. Они не думали тогда еще много о высшихъ наукахъ,— и найдучи знатокъ всѣхъ словенскихъ нарѣчій, глубоководный Шафарикъ, похвалялъ тіи подвиги нашихъ и украинскихъ писателей слѣдующими, многоважными словами: „Въ новѣйшемъ времени начали нѣкоторые любители матеряго нарѣчія сочиняти и издавати пѣсни, повѣсти и ины забавныя творенія въ простой, чистой, милослышущей малорусинѣ, что яко особенность, въ томъ своемъ обмеженіи, единству литературы невредящая, всегда свою хвалу имѣетъ.“ (Slov. Narodopis v Praze. 1842. str. 28). „Въ томъ обмеженіи, сказалъ патріархъ словенской литературы, великій Шафарикъ,— и мы сперва словъ его непонимали; мы думали еще въ 1848

г., что даже и для научныхъ предметовъ и для высшихъ понятій довольно будетъ того одного милослышущаго, простонароднаго языка, и съ цѣлымъ жаромъ русскихъ народолюбцевъ приступили мы къ переводу научныхъ сочиненій, писанныхъ въ которыхъ изъ образованныхъ языковъ, преимущественно въ нѣмецкомъ.— И чтоже? ото явилось, что въ простонародныхъ нарѣчій нашихъ недоставаеъ словъ для высшихъ понятій, для наукъ; что въ нихъ суть только корни, зароды, а нѣтъ развитыхъ, полнорѣчивыхъ словъ, которыми бы ясно и полно высказати можно отвлеченныи мысли; нѣтъ строго научныхъ выраженій (терминовъ); бо и откуда могли бы они у народа взятись, коли онъ столько вѣковъ пребывалъ безъ тѣхъ наукъ, коли столько вѣковъ языкъ его не образовали ученыи, коли онъ позабылъ умную бѣду нашихъ Предковъ! И тогда поняли мы Шафарикова: „въ томъ своемъ обмеженіи! Мы стали раздумывати надъ собою, стали раздумывати, якъ бы тотъ недостатокъ нашъ заполнить: по теоріи были различныи межъ нами голоса и мнѣнія, но въ практицѣ рѣшились всѣ безъ изысканія удаваться о помощи къ старословенщинѣ, или лучше къ старорусскому, Прадѣловъ нашихъ образованному, языку, отъ котораго уже давнѣйше заимствовали мы глубоководную, на самыхъ неопровержимыхъ началахъ основанную, правопись. Съ того времени отдалсь мы съ большимъ прилежаніемъ изученію церковнаго языка, познали близше тотъ драгоценный скарбъ, влюбилсь цѣлымъ сердцемъ въ тую священную и единственную спадщину нашихъ любезныхъ Предковъ, и выбирая изъ того неисчерпаемого жерела превзобильныи, многорѣчивыи слова, приновляя тіиже къ духу малорусского, и исправивши по его правильнымъ видамъ нѣкоторыи исперченныи формы нашего народнаго необразованнаго языка, мы наполнили отъ части и безпрестанно заполняемъ наши недостатки, украшаемъ языкъ нашъ и возношаемъ его на ровную степень съ другими, дѣлаемъ его книжнымъ, и дѣлаемъ то со свѣдѣніемъ, съ намѣреніемъ! Съ каждымъ днемъ видимъ мы передъ собою, якъ наша нынѣшняя литература, развиваясь на народнои почвѣ и насыщаясь здоровыми соками литературы нашихъ Предковъ, стремится безпрестанно къ тому, чтобы съ сею послѣдною составить одно цѣлое, крѣпкое, самыи Богомъ предназначенное, единство. И высокое Правительство, велѣвши преподавати въ высшихъ классахъ русскихъ гимназій, св. Псалмы, Слово о полку Игоревѣ, Нестора, под-

помогаетъ тѣмъ само развитію такого научоваго языка, и выдавая ежевременно школьнымъ учебники, составленныя въ книжномъ малорусскомъ языкѣ, похвалаетъ и укрѣпляетъ то наше литературное стремленіе.

Вотъ вамъ въ короткихъ очеркахъ раскрыто начальное развитіе нашего книжнаго языка, который употребляютъ, съ малозначными отиѣнами въ правописи или нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ, всѣ наши малорусскіе писатели, всѣ наши временописы, и „безъ свидѣнія и намѣренія“ даже самъ г. І. Лозинскій.

А однакожь г. І. Лозинскій выступилъ неприяно противъ тому нашему литературному стремленію, и вмѣсто, чтобы, какъ намѣрялъ онъ, критиковать (т. е. разумно разбирати) его основаніе, и съ честію говорить о противномъ другихъ, заслуженныхъ людей, мѣтнѣи, обругалъ онъ всѣхъ не много иначе отъ него пишущихъ русскихъ литераторовъ, о чемъ, понеже нынѣшнее письмо мое пространствомъ своимъ вышло уже за предѣлы обыкновенной временописной дописи, изволить меня ч. Редакція сказать нѣсколько словъ въ будущемъ.

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

— Въ Буднѣ печатаются современно стараніемъ многозаслуженнаго о нашу литературу Пряшевскаго Крылошанна, А. Духновича, русскій „Молитвенникъ съ тропарями и пѣснями;“ нныя также вышедшія книги, какъ: „Хлѣбъ души“ (два изданія) и „Литургическій катихисисъ цѣлкомъ роскупленъ, такъ что не найти одного экземпляра въ книжныхъ лавкахъ угорской Руси.

-- Сочинитель „Цвѣтнаго Кошечка,“ г. С. Яновичъ, преподаетъ въ Пряшевской гимназіи русскій языкъ.

— Въ Познанѣ вышло сими днями важное сочиненіе славнаго польскаго историка Лелевеля: „Народы въ словенскихъ земляхъ передъ началомъ Польши.

— Славная угорская родина Зринскихъ (Зринихъ) нѣла межъ своимъ членами также одного словенскаго поэта. Въ цѣсарской Вѣденской бібліотекѣ нашелъ тамошній архиваръ г. Кукулевичъ рукописную поему подъ заглавіемъ: „Сирена адріанскаго моря,“ составленну гр. Петромъ Зринскимъ.

— Оставшіи, доселѣ неизданныи сочиненія умершаго недавно въ Парижѣ астронома Араго, закупили два книгопродавцы за 100.000 зр.

— Англійскіи литераты пользуются дуже великими пѣняжными доходами; такъ, извѣстному писателю Боу-Дейкенсу принесла найновѣйшая его повѣстка 300,000 р. срб.

СЕДМИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Дня 20 с. м. яко въ день св. Михаила, возносили Львовскіи Русины во всѣхъ церквахъ искренніи молитвы къ Небесамъ за многолѣтствіе и благоденствіе нашего Преосвященнѣйшаго Архипастыря, Митрополита и Примаса всея Галичины, Михаила, благодаря Всевышняго, что соизволилъ Ему доспѣти такъ многолѣтнего вѣка и сохраняетъ Его во здравіи и крѣпкихъ силахъ для блага св. Церкви и нашего Отечества. Якъ ежегодно, такъ и нынѣ не преминули прилѣжными питомцы здѣшняго сѣменища поздравити въ тотъ священный день своего Архипастыря доброжелательнымъ стихомъ, который отличается содержаніемъ и красотою слога.

— Съ достовѣрныхъ жерель узнали мы, что Его высочество, архикнязь Кароль Людвикъ прїѣдетъ до Львова въ первыхъ дняхъ Декабря с. г. Здѣшніи жители ожидаютъ прибытія Его съ радостію и наилучшими надеждами.

— Число ежегодно умершихъ жителей въ Англіи стоитъ къ числу живыхъ въ такомъ отношеніи якъ 1: 46 (т. о. изъ 46 людей умираетъ въ году одинъ); во Франціи якъ 1: 20; въ Россіи якъ 1: 27. Такимъ дѣломъ наименьше людей умираетъ въ одномъ году въ Англіи, что тѣмъ удивительнѣе есть, якоже тамъ находится премного мѣстъ фабричныхъ, где обыкновенно люди не живутъ долго. Но тотъ недостатокъ вознаграждается въ Англіи значительнымъ числомъ заможнаго сословія земледѣльцевъ, якого не найти нынѣ въ ніякой державѣ, и отъ того слѣдуетъ, что число умершихъ бываетъ тамъ сравнительно меньше, якъ въ иныхъ краяхъ, где земледѣльцы не живутъ такъ добраго быта.

— Курсъ грошей на биржѣ Вѣденской дна 19 Нов.
 Ажіо н. червонецъ 21 1/2
 „ серебра 15 1/2

Слѣдуетъ число 38 „Почтеній Церковныхъ.“

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіянскаго.
 Отвѣтательный Редакторъ Богданъ А. Андрицкій.

ЗОР ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНИЮ.

Издаются еженедельно въ Среда два листы, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. м. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. м. — Желающимъ четвертьечно получить платитъ въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. м. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. м.

ЧЕГО НАМЪ НЕДОСТАВАЕТЪ ?

(Подражаніе Коляру.)

Все имѣемъ, вѣрте братія
И друзья мои, что украшаетъ
Ужъ и сердце, и что насъ ставляетъ
На высоту степень житія :

Правдѣ языкъ, и красныя
Пѣсни, что народъ нашъ сохраняетъ,
Главы. руки; лишь намъ недостаетъ
Просвѣщенія и согласія!

Дайте тѣ намъ, и мысль одну
А словесность наша будетъ нинѣ,
Какъ не бывала въ старину:

Межъ нѣмецкой и греческою
Станетъ тая русска въ среднѣхъ,
И прославить Отчину свою!

Богданъ А. Д.

ВЫШНЕВЫЙ КУСТЪ.

(Басня.)

Вышневыи кустъ ростъ во углу,
И не давалъ уже два дѣта

Не только что плодѣвъ — ни даже цвѣта!

„Что такъ ты невеселъ?“ сказалъ другій ему;

„Что ты стоишь такой и вялый, и безсильный?“

„Ахъ приносилъ бы я плодъ зрѣлый и обильный,
Когда бы дали мнѣ на солнцѣ жити;

Я въ холодѣ, въ тѣни, съ крапивою въ сосѣдствѣ,
Не на своемъ я тутъ посаженъ мѣстѣ,

Не можно въ той глушѣ мнѣ и силъ развить!“
Дѣ.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

Начальное опустошеніе Дорогичина свирѣпымъ Тройденемъ вооружило Русь противъ Литвы. Озлобленный Левъ просилъ помощи у Татаръ: Ханъ Менгу — Тимуръ прислалъ къ нему воеводу своего съ Татарами, Романа Брянского съ сыномъ Олегомъ и нѣкими Задѣпровскими князьями, „ибо говоритъ летопись, всѣ князья были въ волѣ въ Татарской.“ (Ипат Лѣт. 205.) Намѣреніе Львово, истребляти враговъ врагами не осуществилось; союзники князья поссорившись въ походѣ, и достигши сѣва Новгородка Литовского, не хотѣли идти далѣе въ Литву; Татары на возвратномъ пути опустошили отечество наше, такъ что современный летописецъ повествуя о томъ произшествіи, былъ принужденъ въ предостереженіе потомства замѣтити, что дружба съ невѣрными, не лучше брани (1274.) 99.)

99.) См. Троицкая Лѣт. у Карам. И Г. Р. Т IV. кр. 150. Въ описаніи того похода Волынской Лѣт.

Около сего времени появилось на северозападныхъ пределах Владимірскаго княжества, новое съ Литовцами родственное племя т. е. Прусы и Борты, которые сильно тѣснили Нѣмецкій Орденъ, искали убѣжища у Тройдена, поселившаго ихъ въ городахъ Городнѣ и Слонимѣ: такое близкое сосѣдство ихъ не нравилось Русскимъ князьямъ. — Владиміръ со Львомъ взяли за то у Тройдена города Слонимъ, Турійскъ и села на рѣцѣ Нѣманѣ, Тройденъ же опустошилъ окрестности новопостроеннаго Каменца (1276) 100.) Хотя теперь русскіе князья заключили были миръ съ Тройденонъ, однако гордый Ханъ Татарскій Ногай, недовольный худымъ успѣхомъ могольскаго оружія въ Литовской земли, прислалъ въ самую позднюю осень своихъ пословъ, говоря имъ: „мы постоянно жалуетесь мнѣ на Литву; вотъ я вамъ даю рать и съ нею воеводу Мамшея, пойдите же съ нимъ на враговъ своихъ.“ Владиміръ, Мстиславъ Даниловичъ и Юрій Львовичъ ходили снова безуспѣшно съ Татарами на Литву, и когда послѣдніе опустошали окрестности Новго-

тописью, упоминается южная часть Литвы подъ именемъ Полѣсья (Ипат. Лѣт. 206.), какъ до сихъ поръ еще южная часть прежняго Воеводства Мѣскаго и Брестолитовскаго именуется, съ раздѣленіемъ на Волинское и Литовское Полѣсье.

100.) Такимъ образомъ южная страна древняго воеводства Мѣскаго и Троцкаго, стала быти позднѣе населена Литовцами уходящими предъ мечемъ Нѣмецкаго Ордена, тѣмъ болѣе, что таа часть земли русской для частыхъ стычекъ Руси и Литвы, была мало заселенна. Русскіи князья Владиміръ и Левъ кажется опасаясь такового колонизованія русской земли Литовцами, взявъ тѣ, а быша земли не подѣлали. Ипат. Л. 206. О первоначальномъ русскомъ народонаселеніи упомянутыхъ странъ свидѣлствуютъ русскіи названія тамошнихъ городовъ и деревень. Память Прусовъ сохрани-

родка, русскіе князья осаждали Городно: но тѣ и другіе взяли единственно добычу въ окрестностяхъ, потерявъ много людей. Городенскіе Прусы захватили были даже въ нечаянномъ нападеніи лучшихъ бояръ Галицкихъ и только предложенный честный миръ съ стороны Русскихъ освободилъ ихъ изъ плѣна (1277). Тотъ походъ русскихъ князей съ Татарами не сдѣлалъ кажется великаго урона Литвѣ, ибо съ слѣдующимъ годомъ опустошали Литовцы съ Ятвягами, въ великой силѣ, окрестности польскаго Люблина. Князь Мазовецкій Конрадъ мстя Ятвягамъ за опустошеніе Польши пограбилъ подъ своимъ городомъ Полтускомъ русскіи люди съ хлѣбомъ отправившіяся изъ Берестія р. Бугомъ и Наровою въ Ятвязскую землю 101). Владиміръ не получивъ

дальше до нинѣ въ названіи городка Прушаны (Prusany ср. Прузи Ипат. Лѣт. 207.) въ повѣтъ Городенскомъ. Впрочемъ рускословенская земля смежная съ областью населенной настоящими Литовцами называлась также Черною Русью, обвиняая въ себѣ прежне воеводство Литовско-Новгородское съ частью Троцкаго (около Городка) и Мѣскаго; хотя названіе Черной Руси употреблялось нѣкоторыми географами и для древней Московской Руси.

101.) Ипат. Лѣт. 207. „Господниє княже Володимире! (говорили Ятвязскіе послы прося хлѣба у кн. Владиміра Волинскаго) прѣхали есмя къ тобѣ ото всихъ Ятвязъ, надѣючися на Богъ и на твое здоровіе; господниє, не помори насъ, но перекорми ны собѣ; пошли, господниє, къ намъ жито свое продавать, а мы ради купимъ: чего восхочешъ, воскуль, бобровъ ли, черныхъ ли куль, серебра ли мы ради дамы.“ Приводя часто выписки изъ русскихъ Лѣтописей, желалъ бы я также обратити вниманіе нашихъ полурусскихъ грамотѣвъ на русскій языкъ XIII. столѣтія, особенно на нѣкоторыя слова и формы его, которыя кажутся имъ быти странными, получивъ отъ нихъ ложное названіе словъ и формъ московскихъ, російскихъ... Дѣлаемые

никакого удовлетворенія отъ Кондрата, воевалъ его волости съ сей стороны р. Вислы и принудилъ Мазовецкаго князя просити у него мира (1279).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАЙКОВСКІЙ.

Украинская повѣсть.

(Продолженіе.)

Осужденный, подошедши къ подмосткамъ, низко поклонился Кошевому и всему народу. Никита значительно посмотрѣлъ на своего товарища, закутаннаго въ кобенякъ, мигнулъ ему усомъ и наконецъ толкнулъ локтемъ подъ бокъ; товарищъ стоялъ, якъ статуя.

„Вотъ, братья...“ началъ было Никита, но сейчасъ замолкъ, его молчаливый товарищъ ровнымъ крокомъ выступилъ на площадку, поклонился народу, снялъ шапку и опустилъ изъ плечей кобенякъ. Народъ съ ужасомъ подался въ сторону: на площадкѣ стояла женщина.

„Урожай на бабъ въ то лѣто!“ замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Блѣда, дрожащая стояла сія женщина, распустивши по плечамъ долгиі каштановыи

упреки русскому языку и заслуженнымъ русскимъ писателямъ, носятъ на себѣ рѣзкіи отпечатокъ грубого невѣжества и пристрастія. Незная различати языкъ русскій отъ его многочисленныхъ нарѣчій, не вѣдаютъ они даже о томъ, что когда именемъ кончающимся на скій надобно означати языкъ извѣстнаго народа или издѣлія его искусства, тогда имя тое производится отъ имени народа, а не отъ имени земли, въ которой живетъ народъ, потому что говоритъ и дѣйствуетъ народъ а не земля. Такимъ образомъ не слѣдуетъ говорить: языкъ Россійскій, Франціискій, Данійскій и т. п., а языкъ Русскій (отъ Руссы или Русь), Французскій (отъ Французъ), Датскій (отъ Датчанинъ).

выи косы, съ легка повела очима надъ площадку и остановилась на Алексѣя. На разѣ лице ей розгорѣло, очи заблистали, рѣчки вытянулись, и рѣшительный голосомъ сказала она: „Волею или неволею я возьму у смерти Алексѣя Поповича; хоть падутъ на мене грѣхи его, а отвѣчу за нихъ Богу. Алексѣю, обвини мене, жену твою.“

„Ай, Тетянина!“ сказалъ въ толпѣ молодой козакъ. — И все утихло.

Въ какой-то торжественной красотѣ стояла передъ Алексѣемъ Тетянина, сознавши въ душѣ всю цѣну своей заслуги передъ любимымъ человекомъ; ей очи блестали, лице горѣло; полная, круглая грудь высоко поднималась.

Алексѣй молчалъ; толпа притаяла дыханье.

„Хочешь ли ты, вмѣсто смерти, обручитись со мною?“ сытала Тетянина; но уже голосъ ей дрожалъ, прежняя блѣдность скоро сгонила съ лица румянецъ.

Алексѣй поглядѣлъ на Тетянину, подавъ Маринѣ руку — и сѣло взойшелъ на подмостки. Никита плюнулъ и махнулъ обоими руками; Тетянина шатаясь упала на землю.

„Молодецъ! отказался!“ раздавалось въ толпѣ: „характерно, чортъ возьми! и поганая Тетянина хотѣла его взяти за мужа! хотѣла извести добрую душу! прочь съ бабою! гоните ю палками, коли не хочетъ прогуляться межъ небомъ и землею...“

И съ посмѣшками и толчками толпа передавала съ рукъ на руки Тетянину. На площадкѣ поднялся шумъ и говоръ. Уже не видно стало Тетянины, а толпа все еще волновалась и только замолкла, когда Кошевый взмахнулъ булавою.

„Тише!“ раздавалось въ толпѣ: „Кошевой проситъ слова.“

— „Войсковый Писарь Алексѣй Попо-

вичъ нарушилъ законы нашего товариства,” сказалъ Кошевой: „то вамъ вѣдомо.”

„Вѣдомо, вѣдомо!”

— „Старшины войсковыи и рада при- судили Алексѣя съ его искусителемъ, Ма- риною, укарати смертію, хотъ Алексѣй и вѣрно служилъ войску и въ ніякіи худо- жества не мѣшался. — но законъ велить!”

Народъ молчалъ.

— „Что же вы. Паны товарищи, со- гласны?”

„Ничего дѣлать, коли законъ велить,” печально отвѣчали козаки.

— „Хорошо, хлопцы! знаменитыи лы- царь вы есте! законъ прежде всего, а тамъ уже прочее... Зачѣмъ же мы до сихъ поръ беззаконно поступали съ нашимъ войсковымъ писаремъ? даже самъ я, каюсь за грѣхъ мой, я поступилъ беззаконно.”

„Не знаемъ. батьку.”

— „А я такъ знаю. Не должно ли всякому челоуку нашего товариства дава- ти благородное рыцарское прозвище?”

„Должно, должно! якъ же безъ того?...”

— „Самы говорите; а якое достойное рыцарское прозвище дали вы своему собра- ту Алексѣю Поповичу?”

„Якое? извѣстно якое... Поповичъ.”

— „Съ тѣмъ же прозвищемъ прїѣхалъ онъ изъ Гетманщины; и то не прозвище: мало ли у васъ есть Поповичей. а всѣ о- ни титулуются по рыцарски: вотъ, передъ вами Лапоть, вотъ Чубарый.”

„Ось, и я, Максимъ Поповичъ изъ Чи- гирина,” отозвался одинъ козакъ: „а зо- вутъ мене Недовѣдомъ, и за то Спаси- Богъ!”

„Тшш!...”

— „Не шикайте, братья!” продолжалъ Кошевой: „не перебивайте хорошей бесѣ- ды свободного козака; козакъ вольный го- ворить толковыи рѣчи. Такъ ось вамъ и

Недовѣдокъ, ось Брехунъ, ось Бродяга, а всѣ они суть Поповичи. И якъ мило имъ носити добрыи имена; и посмотрите, якъ весело глядитъ на нихъ солнце. для того, что они законно живутъ на свѣтъ.”

„Правда, правда.”

— „Самы знаете, братья, что прав- да; вы народъ розумный — а согрѣшили, не дали имени храброму козаку; за томо- жетъ быти, Богъ караетъ его и насъ ра- зомъ, отнимая у Сѣчи характерного ко- зака.”

„А можетъ и такъ!...” сказалъ кто- то въ толпѣ.

„На правду такъ, дѣло ясное!” поч- ти вскрикнулъ Никита и за нимъ нѣсколь- ко голосовъ.

— „За что же мы оскорбили христі- анскую душу?...” продолжалъ Кошевой: „не дали запорожского имени рыцарю-то- варищу? Безъ имени овца — баранъ, го- ворять мудрыи люди... Но якъ же явится на свѣтъ добрый козакъ безъ законного про- звища? Грѣхъ намъ всѣмъ, великій грѣхъ! Готовились въ походъ на Крымъ, а забыли законъ исполнити.”

„Виноваты, батьку! что жъ намъ дѣ- лать?”

— „Дадимъ ему хотъ теперь доброе имя. снимемъ грѣхъ съ души.”

„Добре, батьку! добре, дѣльно ска- зано! Якое жъ ему имя дати?...”

— „Вотъ послушайте, братья, моей ра- ды. Вамъ извѣстно, что Алексѣй Поповичъ самъ хотѣлъ умерти за наше войско, про- силъ, чтебы его кинути въ море, лишь бы спасти наши головы, — исповѣдалъ передъ Богомъ, моремъ и нами, старшинами-това- рищами свои грѣхи, и умилоствилъ Бо- га своими молитвами и тѣмъ спасъ всѣ наши чайки. Многимъ изъ насъ не стоить бы на площади, не думати бы о Сѣчи и о

михайликахъ безъ заступленія Алексѣя.“

„По вѣкъ не забудемъ того!...“ громко закричали козаки.

— „И хорошо дѣлаете. Такъ не называть ли Алексѣя Поповича, во память избавленія чаетъ, Чайковскимъ? Якъ вы думаете?“

„Ты намъ батько. голова, ты думаешь. и мы думаемъ: да будетъ Чайковскимъ!“

Громкое „ура!“ отозвалось на площадяхъ; шапки полетѣли въ гору.

— „И такъ.“ продолжалъ Кошевой. поднимая булаву. отъ чего народный воскликнулъ утихнулъ. „отъ нынѣ никто не смѣетъ подѣлать смертную карою иначе называть бывшего Алексѣя Поповича. якъ Алексѣемъ Чайковскимъ. Слышите. храбрыи рыцари?“

„Слышимъ. батьку! никто не смѣетъ!“

— „Теперь на прощанье не заспивать ли намъ. братья. Алексѣю Чайковскому про Алексѣя поповича Пирятинского? Вотъ бы услышалъ человекъ въ послѣдній разъ нашъ козацкій. рыцарскій напѣвъ про свои добрыи дѣла для нашего воинства! Хорошо, братья?“

„Добре, добре!“ кричали козаки: „начинай Данило.“

И Данило кобзарь чистымъ ровнымъ голосомъ затягнулъ:

На Чорному Морѣ, на бѣлому камнѣ,
Ясенькій соколъ жалбно квилить, проквиле.

Мало по малу окружающіи принимали участіе въ пѣсни, и подѣ конецъ вся площадь слилась въ одинъ звучный, дикій, но стройный хоръ. Пѣсня видимо розжалобила Запорожцевъ...

— „Жалко доброго козака!“ сказалъ будто самъ себя Кошевой. когда козаки окончили пѣсню и стояли въ печальномъ раздуміи.

„Жалко, жалко!“ со всѣхъ сторонъ отозвалось въ народѣ: „жалко, а дѣлати

ничего, когда законно...“

— „Еще, хлопцы, я прошу у васъ одной рады: войсковый Писарь, Алексѣй Чайковскій хочетъ жениться съ дочерію Лубенского Полковника Ивана. Полковникъ Иванъ одурѣлъ на старости и было признанъ думался; но его дочка знаетъ, что такое Запорожскій рыцарь, кинула отца и пришла на Сѣчь просити у товариства благословенія!... Согласны вы на то?“

Козаки въ недоумѣніи молчали.

— „Знаю, братья.“ продолжалъ Кошевой: „вамъ жалко лишиться характерной души. якъ Алексѣй Чайковскій, но надобно ему заплатить за заслугу. Отъ общается всегда помогати намъ на войнѣ и дѣтей своихъ пришлетъ служить на славное Запорожье.“

Козаки любили Алексѣя и уважали за личную храбрость и непреклонный характеръ. и для того съ радостію согласились на его свадьбу.

„Ой такъ, собака нашъ Кошевой!“ кричалъ Пикита. розмашисто толкая товарищей: „доказалъ штуку!“

„Штука!“ говорилъ народъ: „и справедливо, и законно, и весело!“

„А для чего жъ я привезъ Татарина?“ спыталъ печально садый козакъ.

— „Чтобы казнити Алексѣя Поповича.“ отвѣчалъ строго Кошевой: „найди его и прикажи казнити.“

„Да, найди его Дмитро!“ кричали козаки: „прикажи казнити! ось штука! дай Богу штука!“

„Смерть Алексѣю Поповичу, а живого лѣта Алексѣю Чайковскому!“ гремѣла толпа, ломая подмостки и торжественно уводя Алексѣя и Марину къ церкви Покрова.

„Бійте для потахи поганого Татарина!“ Подмостки рухнули, и долго еще было видно межъ досками тѣло Татарина, оде-

тое въ червоную сорочку, когда народъ отойшелъ и окружилъ церковь, въ которой выжили Алексѣя Чайковского съ Мариною.

Послѣ вѣнца сейчасъ выпроводили новобранцевъ за ворота Съчи: тамъ старшины простились съ Чайковскимъ; Кошевой подарилъ ему пару добрыхъ коней и порядочный мышокъ дукатовъ. совѣтовалъ ѣхать на зимовникъ старого Касьяна и тамъ ждать вѣстей отъ полковника, общался пріѣхати къ нимъ на свадьбу въ Гетманщину и быть старостою.

Алексѣй и Марина были въ наибольшемъ восхищеніи; мы не беремся радость ихъ описывать: суть минуты въ жизни, суть чувства, которы не подлежатъ ніякому описанію, хоть они доступны майже всякому. Кто изъ насъ не понимаетъ въ полнѣ красоты и величія солнца, и кто изъ прославленныхъ живописцевъ изобразилъ его, хотя многіи изображали, изображаютъ и будутъ изображать?

XV.

Когда повхалъ Кошевой и старшины, Алексѣй съ Мариною, упавши на колѣна помолились Богу, обнялись, и повхали на зимовникъ старого Касьяна. И вотъ, они уже въ чистой степи; Съчь уже скрылась изъ виду; кругомъ зеленая пустыня — только земля и небо; по землѣ серебристою волною, будто море, лоснится степовой бурянь, когда вѣтеръ съ легка его заводнуетъ; на небѣ горитъ одинокое солнце. Тихо, пусто... но нашимъ путешественникамъ степь не казалась пустынею, ихъ души были полны внутренней жизни, сердца близко бились другъ подлѣ друга, имъ улыбался Божій міръ, и они улыбались глядя на него и пожимали себя дружно руки, якъ бы стараясь увѣрити себе, что се не сонъ, а истинное происшествіе. Счастье было надто великое, надто неожиданное...

На далекомъ небосклонѣ показалась черная точка; она, казалось, не росла, не уменьшалась, не двигалась въ стороны.

— „Уже не ворогъ ли то?“ сказалъ Алексѣй.

„Кустъ или камень,“ отвѣчала Марина.

— „Сколько я помню, тутъ не бывало ни куста ни камня! Въ прочемъ, посмотримъ.“ додалъ Алексѣй, остановилъ коня, поднесъ къ очамъ нагайку, и прижавши лѣвое око, долго смотрѣлъ правымъ черезъ нагайку.

„А что?“ спытала Марина, когда Алексѣй, опуская нагайку, сомнительно пожалъ плечами.

— „Не ростолюю. что бы то было, а вѣрно что живое; когда приложу нагайку, сходитъ немного въ сторону съ нагайки. Для чего жъ оно ни ѣдетъ къ намъ, ни уходитъ отъ насъ?“

„Можетъ быть, орелъ теребитъ заяца.“

— „Похожо на то; пріѣдемъ ближе, увидимъ.“

Чѣмъ больше подѣвзжали они къ незнакомому предмету, тѣмъ больше точка увеличалась. яснѣйше обозначался образъ предмета, и вскорѣ легко можно было различити стоящего коня и возлѣ него въ задѣ человека. припавшого надъ чѣмъ-то на колѣна. Человѣкъ былъ въ однихъ шараварахъ и сорочцѣ; куртка и черкеска лежали въ сторонѣ на травѣ; засучивши рукавы по локоть, казалось, онъ что-то связывалъ или развязывалъ и такъ былъ занятъ, что не слышалъ, когда его конь, увидѣвши проѣзжающихъ, чутко выпрямилъ уши, вытянулъ шею и заржалъ въ полъ голоса: онъ ажъ тогда обернулъ свою голову, когда Алексѣй былъ отъ него на два кроки.

— „Никита!“ закричалъ Алексѣй.

„Да, Никита! Хорошо тебѣ выкрики-

вати! Посмотри, ось твоя работа." При томъ онъ всталъ, держа въ рукахъ окровавленный ножъ и показалъ имъ на лежащую мертвую женщину.

— „Бѣдная Тетьянина! чей ты ю раззалъ Никита?...”

„По словамъ видно Гетманца! справедливый Запорожець не скажетъ того. Никита рѣжетъ Турка, рѣжетъ Татарина, и всякую нехристь, а бабъ не станеть рзати: ты убилъ ю своими быстрыми очами, та черными бровями, та солодкою бесадою!... Дурна была покойница, — а подумаешь — то и я дуракъ.”

— „Богъ съ тобою!...”

„Богъ со мною, всегда со мною, для того, что я христіанскій рыцарь, а все таки моя правда: дурно я сдѣлалъ, что повхалъ до Варки въ корчму: думалъ то разумно, а вышло дурное — думалъ тебе спасти, Алексью, а погубилъ добрую бабу!.. Я, видишь, якъ услышалъ отъ Панъ — Отца, что есть способъ тебе вызволити отъ смерти, отвелъ на сторону Тетьяину и розсказалъ ей, въ якоѣ ты несчастіи находишься; гляжу, она поблѣднѣла, бѣдная, якъ полотно, вѣрно душею почувала близкій конецъ. Я вижу, что розжалобилъ Тетьяину и сталъ просити ю: спаси, ахъ, спаси войскового Писаря, коли мене любишь; черезъ тебе, говорю, пропадъ старый Писарь, — такъ, да черезъ тебе молодой поживетъ на свѣтѣ! Якъ кинется она меня на шею, якъ стала цѣловати мене и говорить: „я тебе теперь такъ люблю, Никита, якъ никогда не любила; я пойду на Сѣчь, вырву Алексю изъ рукъ смерти!...” и опять кинулась цѣловати, меня даже стало якось неспокойно, что дѣвка такъ мене любитъ, а будетъ твоею женою... Я пилъ всю ночь, прикинулся пьянымъ, оставилъ въ корчмѣ Крымское золото, и сползъ съ ногъ и сво-

его товарища Бурулку и Варку и ей сестриницъ, а по полуночи повхалъ домой; я подождалъ немного въ долині недалеко оврага на Тетьяину; она вскорѣ пріѣхала ко мнѣ на Бурулкиномъ кони и въ его кобеляцъ; мы поскакали и раненько были на площади у подмостковъ, где гулялъ невѣрный Татаринъ, нахваляясь на твою крещеную голову... Что было потомъ, ты самъ знаешь... Гей! бѣдняжка! видишь, якъ ю вытягнуло! Жаль... весела была Тетьянина!”

— „Зачѣмъ же теперь ты здѣсь? что ты сдѣлалъ съ нею?”

„А что жъ? чей грѣхъ помочи христіанской душѣ? Покойница хоть была баба, но все таки христіанка. Видитъ Богъ, якъ жаль меня стало, когда выгнали ю хлопцы изъ Сѣчи, хоть и я смѣялся надъ нею и толкалъ изъ политики якъ собаку. Хорошо еще, что на Сѣчи было много знакомыхъ покойницъ межъ молодыми козаками, тѣмъ ю и защитили: окружили, будто толкая, а сами все дальше и дальше выводили изъ Сѣчи, бо бы старики затолкали ю были на смерть. Съ начала бѣдная Тетьянина шла пошатываясь, спотыкалась немного, ворочая головою, будто человекъ, только — что вынырнувшій изъ воды, а потомъ ничего, обошлась, та привыкла. Вывели мы ю за ворота Сѣчи, и сказали: „убѣгай теперь на всѣ четыре стороны, теперь твоя воля.” Изъ политики никому неможно было провожати ю, и притомъ всѣ торопились на площадь, узнать, что тамъ дѣлается. А когда я увидѣлъ, что дѣло пошло хорошо, и тебе повели вѣнчати съ Мариною, то и подумалъ: теперь Чайковскому и чортъ не брать; онъ счастливъ и счастлива его баба; теперь мене никто не видитъ, поѣду за Тетьяиною; сѣлъ на коня, махнулъ по свяжему слѣду, якъ собака за зайцемъ — и нашелъ ю тутъ!...”

— „Мертвую?...“

„Якъ бы мертвую? лучше бы мертву засталъ, а то сидитъ на травѣ, задумалась и смотритъ на медный дукать, что висѣлъ у ней на шеѣ разомъ съ крестикомъ. Здравствуй, Тетьянна! сказалъ я: ждешь мене? — „Здравствуй, Никита.“ отвѣчала она, „ни не думала ждати!“ — Зачѣмъ же сидишь тутъ, дурная баба? — „Бѣжала. Никита.“ говоритъ она, „утомила. дуже утомила, села отдохнуть. А ты, зачѣмъ туга ѣдишь, дурный козакъ?“ — Вольному козаку никто не запретитъ ѣздить куда ему хочется. Я прѣхалъ тебе провѣдати, моя уточка, и привезъ тебѣ хорошую вѣсточку: напѣ Алексѣй живъ, здоровъ и тебѣ кланяется. —

„То жъ то вы“ закричала она: „отняли его у Кошевого? Ай, молодцы Запорожцы! розскажи же скорше, якъ то было.“ И где взялась сила у покойницы! прежде ни жива ни мертва сидѣла, а теперь быстро вскочила на ноги, схватила за поводы коня и кричитъ: „розсказывай!“ Я розсказалъ ей все якъ было; оставилъ, говорю, ихъ въ церковь... Гляжу, выпустила Тетьянна изъ рукъ поводы, поблѣднѣла, опустила руки, вытянулась, и смотритъ на мене такъ страшно, будто съѣсти хочетъ, а сама смѣется... Что съ тобою? спыталъ, я „А! старый дурень!“ сказала она: „ты, менѣ такъ вѣсти носишь?... Мой милый, мой Алексѣй съ другою, а ты зачѣмъ тутъ?... Слухай пѣсню:

Ты думаешь дурню,
Что я тебе люблю,
А я тебе дурню,
Словами голублю!...

Понимаешь, Никита?... Я думала, онъ умеръ... Жаль было, душа болѣла, только я радовалась, что ни ей, ни менѣ не достался!... А теперь, охъ! сватъба!... свачи, гробъ!... Слышишь! поютъ:

Жукъ гудетъ
Сватъба будетъ...

Слышишь?... пойдемъ, пойдемъ!... „Тутъ она залилась слезами, а я догадался, что кругомъ дуракъ; что она тебе, Алексѣю, любила, а мене голубила словами, и такъ горько стало, не для того, чтобы я любилъ ю, якъ тамъ Паны любятъ въ Польщѣ, а съ досады, что баба, та еще молодая, извела мене. Турокъ не извелъ, Татаринъ не извелъ, а извела баба!... Проспитъ, такъ перекрестись!... Немного поплакавши Тетьянна заговорила со мною, но я ничего уже не понималъ: то кланялась тебѣ, то цѣловала крестикъ и медный дукать на шеѣ, но глядя на дукать, вспоминала свою мать, просила у ней благословенія, потомъ запѣла свадебную пѣсню, — на разъ остановилась, будто кто ей ротъ заперъ рукою, и повалилась на землю! я къ ней — не дышетъ, очи отверты и не двигаются... Что будешь дѣлать? подумалъ я, ось въ прошломъ году въ походѣ совсѣмъ такое случилось съ моимъ гнѣдымъ, совсѣмъ издыхалъ конь и ноги откидалъ; посоветовали тогда люди пустить степную кровь — онъ и ожилъ. И теперь взялъ я ножъ, пустилъ Тетьянну степную кровь якъ пошла кровь дѣвичья порядно, гляжу, вздохнула Тетьянна, повзла очима, посмотрѣла на мене и шепчетъ: „Прощай, Никита, кланяйся Алексѣю... и сними съ моей шеи и отдай ему тотъ медный дукать; въ немъ, говорятъ, много силы, онъ...“ и не договорила... Богу душу отдала. Я уже и тру ю суконкою и горьку лью въ ротъ, ничто не помагаетъ, холодная якъ ледъ...“

— „Бѣдная Тетьянна!“ сказалъ Алексѣй: царство ей небесное; добрая была душа! Что же ты, Никита станешь дѣлать?“

„Вырию саблею яну, сновлю молитву, и похороню небогу.“

— „И я поногу тебѣ.“

„А куда вы ѣдете?“ спыталъ Никита.

— „На зимовникъ Касьяна.“

„Ось, что я тебѣ скажу: эдѣ ты съ женою своею дорогою; дорога тебѣ еще далекая: дай Боже за свѣтла добратись не заморивши коней; а якъ со мною еще простоишь часъ, другій, то придется заночевати въ полѣ; козаку то въ полѣ ночевати — здоровья набивати, но ты не одинъ, съ тобою такая птица, что въ вечеръ и росы бонятся. Эдѣ брате Алексѣю, а я одинъ похороню Таньку, у тебе есть теперь о чемъ заботиться... Прощай Алексѣю, и возьми дукать, что тебѣ оставила Танька.“

— „Богъ съ нимъ! Что она менѣ была? такъ ничего. Зачѣмъ же я возьму дукать?“

„Отдай его менѣ Никита.“ сказала Марина: „она менѣ родная. она любила моего Алексѣя, а буду носить ей подарокъ... Ты менѣ отдашь его. Алексѣю?“

— „Бери. коли тебѣ хочется, мое золото!“ говорилъ Алексѣй, надѣвая на шею Марины спурокъ съ мѣдною татарскою монетою, и глядя ей въ очи, полныя слезъ.

„А теперь ступайте.“ говорилъ Никита: „не пристало вамъ быти подлѣ мертвого. — Прощайте! да хранитъ васъ Богъ, и защищаетъ отъ напастей святая церковь Покваро...“

Алексѣй и Марина попрощались съ Никитою и быстро поскакали по степи, будто убѣгая отъ страшнаго зрѣлища смерти. Никита добылъ изъ ноженъ саблю, перекрестился и началъ копати могилу, напѣвая въ полѣ голоса:

„Вѣтеръ вѣетъ, трава шумитъ,
Въ степи лежатъ козаки убиты:
Не для него вѣтеръ вѣетъ,
Не для него солнце грѣетъ;
На голову, покрытую
Зеленою ракиною,
Ужъ свѣтъ воронъ, шумно кричетъ,
А вѣрный конь у ногъ плачетъ.
„Не кушанье, не медъ готовъ,

Менѣ, наконько трюбъ конай новъ,
Въ менѣ три доски сосновы,
Четвертая кленовая!... (Прод. слѣд.)

ДОПИСЬ

Съ Коломийскаго.

Es ist die größte Ungerechtigkeit, wenn man Gesinnungen, die, vom anderen Standpunkte aus betrachtet, auch gut, und unserem Gegner heilig sind, mit Hass und Spottworten angriff.

Geistl.

Мы уже сказали, яково есть властивое желаніе г. І. Лозиньскаго, мы похвалили добрую его волю, мы даже сознались, что было время, когда и насъ питали мечтанія о простонародно-ученомъ языкѣ, но мы указали (отъ части словами самого г. І. Л.) непрактичность того противорѣчащаго себѣ мечтанія, и различивши языкъ научный отъ простонароднаго, воздали тому послѣдному съ ученымъ Шафарикомъ принадлежащую честь въ обмеженіи его на простонародной литературѣ, — и такимъ дѣломъ отдали мы съ нашей стороны честь его защитнику, г. І. Лозиньскому.

Но что же, пытаемъ, далъ намъ съ своей стороны г. Лозиньскій? — поруганія и ния: „перекличковъ, невѣдливыхъ, выродившихъ сыновъ народа!...“ Правда, г. І. Л. извиняетъ себе въ 36 ч. „Зори“, что онъ „не вытыкалъ при томъ случаѣ ничіей особымъ“ и кинулъ свои порицанія только „на тѣ письма публичныя (т. е. одну книжку), въ которыхъ названъ нашъ языкъ простымъ, грубымъ, языкъ черни и пр., а плекатели его мрачныя изступленники, низкіи невѣжды и пр.“, но се не подавало ему права порицати и тѣ письма публичныя (с. е. дѣла наши временныя), въ которыхъ подобныя выраженія доселѣ вовсе не находились; не подавало ему права обругати, высѣяти все то, что само по себѣ добро есть, а сердцамъ многихъ дорого и свято! — Мы не намѣраемъ вступатись тутъ за оного Писателя, который вѣстину не совѣститъ прилично сказалъ вышеприведенныя слова въ поважнѣмъ своемъ историческомъ сочиненіи; Писатель сей есть человекъ со своимъ умомъ, онъ, навѣрно будетъ въ состояніи самъ за себе отвѣчати. Мы только скажемъ въ защищеніе его нѣсколько такихъ словъ, якіи бы сказати собственная его скромность и другіи обстоятельства ему не соизволили, именно то: что онъ нужъ многозаслуженный на полѣ литературы не только нашей малорусской, но и польской и великорусской, извѣстный яко глубоковод-

лучшій историкъ ученому свѣту такъ въ Австріи якъ и за границею, вѣковій человекъ, который говорилъ и трудился много въ пользу малорусского народа, и прославлялъ и очищалъ изъ калу зависти и предразсудковъ его исторію еще тогда, когда, не велика въ сравненіи съ поприщемъ его славы, просвѣщенная часть Австрійской Руси о г. І. Лозинскомъ, о Зорѣ и Вѣстнику, и о Андрѣ Ивановичу К. еще ничего и не знала. Пытаемъ, свободно ли на такого человека, если бы онъ разъ и потонулъ, обратити почестное имя „перекличника, невдичного, выродного сына народа? — того народа, для которого онъ посвящалъ всю жизнь юншескую и мужескій вѣкъ, для которого и нынѣ посвящаетъ всѣ дни трудовымъ, ночи бессонными старческихъ лѣтъ своихъ? Заслужилъ ли онъ на то имя и тогда, когда бы написалъ былъ Исторію Галичского Княжества въ польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, арабскомъ или даже хинскомъ языкѣ? О Гне Юсифъ Лозинскій! если уже у васъ и было великое отвращеніе къ тому языку, на которомъ заслуженный историкъ нашъ писалъ дѣло свое о древней Галичской Руси, если уже свободно вамъ было безъ никакихъ критическихъ разбираний назвати его Исторію „не Исторіею а только матеріалами для Исторіи, если уже свободно вамъ было назвати нѣсколько нелѣпыхъ его выраженій въ простомъ вѣщаннѣ способѣ картанья „нечуваную безчельностію, заслѣпленною зарозумѣлостію: то никогда не имѣли вы права нарицати (не письма его, бо письма не „сыны народа, но) доброго, и сердцамъ многихъ драгоцѣннаго человека, честного старика, брата по матери Руси, „перекличникомъ, невдичнымъ, выроднымъ сыномъ народа! И солище имѣетъ свои туманныя пятна, но никто не дерзнетъ за то противъ всему солнцу роптати; и первостепенными геѣмъ не разъ погрѣшаютъ, но никто не имѣлъ сердца предвѣщати имъ за жива, что о дѣлахъ ихъ и „слухъ загине!“ — Ото послушаемъ, якъ при подобномъ случаѣ, где одно мнѣніе ученого Добровского оказалось подъ критикою глубоумного Шафарика невѣрнымъ, якъ сказалъ сей послѣдній о старшемъ отъ себе историкѣ и филологу все-словенскомъ: „ему (Добровскому) случилось тутъ въ преклонной старости то, что всѣмъ великимъ и взышенимъ предметамъ къ вечеру свѣчаино приключаются; что долгу и велику тѣмъ по за себе кидають. Такъ говорити, значить говорити со связхожденіемъ, съ ненарушеніемъ чести другихъ заслуженныхъ людей, якимъ остъ такожъ — со мною

скажетъ вся Русь Австрійская — нашъ Денисъ Зубрицкій!

Но г. Лозинскій не удовольился тѣмъ, чтобы посрамити „письма публичныя, писанныя въ июнь, ненавистномъ ему, словенскомъ языкѣ: онъ обручалъ такожъ тѣмъ наши „публичныя письма, которыя правописею, слогомъ, и во обще цѣлымъ складомъ языка весьма малозначно розличаются отъ захвалемыхъ нимъ же самымъ твореній нашей малорусской литературы, тѣ письма, которыя никогда не допускались напротивъ нашего простонародного языка якихъ либо поруганій. — Уже въ началѣ своего дописи, помѣщенной въ 64 и 65 ч. „Вѣстника,“ говоря о „невдичныхъ сынахъ народа“ указываетъ на нихъ приводячи имена: „Ивановичъ, Гивриловичъ, Федоровичъ. Онуфріевичъ а т. д., и высѣвастъ добрый обычай нашихъ Предковъ, сохранный нашими простонародіемъ донынѣ, по которому благодарный сынъ принималъ къ своему крестному имени такожъ имя своего отца съ законченіемъ на вичъ или овъ; тотъ обычай, егоже злоупотребленіе со стороны украинской шляхты справедливо высѣтилъ когда-то славный повѣстеписатель Гоголь, введенный нынѣ на ново нѣкоторыми галицкими Русинами, ставшия дорогимъ и священнымъ, якъ всякое доброє наслѣдіе, для сердецъ многихъ, не имѣетъ самъ по себѣ ничего злого, и обновители его не заслужуютъ вовсе Гоголевыхъ или — якихъ горьшихъ поруганій. Г. Лозинскій прорекаетъ съ остроумною насмѣшкою дальше, что „прійде часъ, же и московско-болгарска (эпока) не удержится, же може и Зоря иначе свѣтити начне, и модна Лада жежи боги утѣкне, и о нихъ подобныхъ письмахъ слухъ загине“: а въ 65 ч. „Вѣстника,“ представляя за единственный образецъ (книжный, не якъ онъ думалъ, простонародный) языкъ Вѣстника, законовъ державныхъ, роспоряженій и пр. пытается съ негодованіемъ: „чижъ и. п. Зоря и Лада коньче потребуе якогось иншого языка?, а приводячи сей же часъ слова изъ одного примѣчанія въ Исторіи Гал. Ки., которую однакожъ не цитуетъ, обращается непосредственно „потомъ къ якимъ — то „зарозумѣлымъ паничкамъ, и „картаетъ ихъ за то вѣрно не отъ нихъ походящее насмѣваніе слѣдующею желчи полною апострофою: „а вы зарозумѣлы панички и глѣдайтесь языка тоненького, мягонького, пѣщеного, кусого, якій бы вамъ до смаку припалъ, но на нашъ народный языкъ не клеветайте!.....“ Изъ приведенныхъ тутъ словъ г. Лозинского явственно, что „перекличникомъ, вырод-

ныиъ смысломъ народа,“ не есть самъ сочинитель тѣхъ „публичныхъ писемъ, въ которыхъ языкъ нашъ названъ простымъ, грубымъ и пр., но и всѣ наши братія, которыя употребляютъ нынѣ или по отцу съ законченіемъ на вѣчъ, и тѣмъ „зарозумѣлымъ паничками,“ подъ которыми вовсе не можно себя представляти сѣдоглавого старика, нашего Историка. Г. Лозинскій не именовать ихъ особы, то правда; но нужно ли тутъ еще именовать особы, когда поименно обруганы извѣстныхъ же особъ произведенія? „Зоря“ и „Лада“ го два письма, которыя поставлены въ реченной дописи г. Лозинскаго въ противоположность съ „Вѣстникомъ.“ Якъ сей послѣдній удостоился отъ него всякихъ похвалъ, всякой признательности, чей можетъ за то, что не пишетъ по забытой всѣмъ „Грамматикѣ“ Іосифа Лозинскаго, такъ двѣ первыя надѣлены отъ него всею неласкою, всѣмъ опроверженіемъ за тотъ же самъ вопіющій грѣхъ литератѣи! Не беремъ на себе говорить за „Ладою,“ которая о сколько различна была отъ „Зори Галицкой“ не только своимъ слогаомъ но и весьма частымъ употребленіемъ словъ чужестранныхъ, знаютъ самыя ихъ Читатели, которую однакожь, яко третью русскую впрочемъ, яко юную подружку и по радушному выраженію Духовича „кормилицу дѣвицъ русскихъ,“ безсердечно было отсылать съ руганіемъ межъ боги за то что не писала слово въ слово такъ само якъ Вѣстникъ, тѣмъ болѣе, что она сама прирекла нѣкоторымъ грѣхамъ исправити. Не намѣряемъ такожъ вступатися тутъ за „Зорю,“ которая такъ своимъ многоцѣннымъ содержаніемъ, якъ своимъ русско-словенскимъ народолюбіемъ и правильностію русского слога сама себе наилучше противъ подобнымъ враждамъ защищаетъ: мы вступаемся только за тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничковъ“ г. Лозинскаго, которыя будто „на нашъ народный языкъ клеветаютъ.“ Если, якъ справедливо, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ нашего многолѣтняго, заслуженнаго Историка, который одинъ въ жарѣ обуренія противъ нѣкоторыхъ ругателей старорусского языка („жертвой бабустъ,“) ex regula пристрастныхъ поборниковъ противорѣчнаго фантома простонародно-научовой бестды, сказать нѣсколько горькихъ словъ и противъ необразованному нашему народу языку, если, кажемъ, исключимъ отъ тѣхъ паничковъ сѣдоглавого Историка; то не встрѣтимъ болѣе въ ніякой у насъ изданной книжцѣ или выходящей донинѣ времени подобныя руганія на языкъ народный. Если же такъ есть вѣстину, то киненное на тѣхъ „зарозумѣлыхъ паничковъ“ (т. е. молодыхъ, трудолюбивыхъ, ударованныхъ людей, съ которыхъ болѣею частію состоитъ наша пишущая интеллигенція) обвиненіе о клевету на нашъ языкъ народный, есть обвиненіе о „ложно выдуманной вадѣ и блудѣ,“ есть клеветою по дефиниціи самого же г. Лозинскаго!

И послѣ столь явныхъ доказательствъ оклеветанія нашихъ публичныхъ писемъ, или лучше ихъ сочинителей, сотрудниковъ и въ нѣкоторой степени даже любителей ихъ и покупателей (кто бо выродныхъ сыновъ любить и вскармливаетъ, тотъ и самъ недалекій отъ того, статися выродкомъ), послѣ такого обруганія всѣхъ нашихъ похвалительныхъ литературныхъ подвиговъ, сомнѣваемыхъ и подкрѣпленныхъ в. Правительствомъ, желаемыхъ здоровыхъ розумомъ и цѣлю высшего народнаго просвѣщенія, послѣ такого непріязненнаго нападенія на друзей литераторовъ, послѣ раздѣленія согласныхъ братьевъ на Болгаръ, и не-Болгаръ, на Москалей и не-Москалей, на перекличиковъ и не-перекличиковъ, на выродныхъ и не-выродныхъ, на волки и овцы, послѣ того всего — г. Лозинскій выпирается обруганія, закидаетъ клевету тому, кто первый посмѣлъ на нѣ у него указать, и даже увѣряетъ насъ съ рѣшимостію невинно преслѣдованнаго мученика, что онъ, „боронячи народной справы, готовъ за нѣ и поруганія (отъ насъ, боронящихъ такожъ народную справу) терпѣти!“ О Гне Лозинскій! вы чѣрили для другихъ такъ несправедливою жѣркою, вы осуждали другихъ такъ строго, такъ безпощадно, а озлобляе-тесь за то, что люди дерзнули говорить о томъ вышемъ сужденіи, что обруганныя вами братія изрекли слово въ свое защищеніе!

Но пытаемъ еще, чего хотѣлъ г. Лозинскій тѣмъ пристрастнымъ противъ насъ выступленіемъ осягнути? Думалъ ли очъ, что своимъ „картаньемъ“ отвѣдетъ старика-историка, якъ тую несвѣдущую дѣтину отъ небеспечной съ огнемъ забавки, отъ противнаго ему мнѣнія, — или насъ отъ той природной, глубококовкорененной любви къ священному Предковъ нашихъ языку? Обруганіе и „картанье“ кажется намъ въ томъ случаѣ найнеустрѣйшимъ средствомъ! — Г. Лозинскій утверждаетъ, что „пишущи критику, имѣлъ право до картанья; но то доказываетъ, якъ низкое понятіе имѣлъ онъ тогда о критикѣ. Наилучшее понятіе о критикѣ, и о раздѣленіи ей въ практикѣ на два рода, изъяснилъ, по нашему мнѣнію, любимецъ нашъ, великій Гете, котораго слова приводитъ тутъ въ поученіе для всѣхъ

Но пытаемъ еще, чего хотѣлъ г. Лозинскій тѣмъ пристрастнымъ противъ насъ выступленіемъ осягнути? Думалъ ли очъ, что своимъ „картаньемъ“ отвѣдетъ старика-историка, якъ тую несвѣдущую дѣтину отъ небеспечной съ огнемъ забавки, отъ противнаго ему мнѣнія, — или насъ отъ той природной, глубококовкорененной любви къ священному Предковъ нашихъ языку? Обруганіе и „картанье“ кажется намъ въ томъ случаѣ найнеустрѣйшимъ средствомъ! — Г. Лозинскій утверждаетъ, что „пишущи критику, имѣлъ право до картанья; но то доказываетъ, якъ низкое понятіе имѣлъ онъ тогда о критикѣ. Наилучшее понятіе о критикѣ, и о раздѣленіи ей въ практикѣ на два рода, изъяснилъ, по нашему мнѣнію, любимецъ нашъ, великій Гете, котораго слова приводитъ тутъ въ поученіе для всѣхъ

русскихъ критиковъ: „Es giebt eine zerstörende Kritik und eine productive. Jene ist sehr leicht, denn man darf sich nur irgend einen Mastab, irgend ein Musterbild, so bornirt sie auch seien, in Gedanken aufstellen, sodann aber kühnlich versichern: vorliegendes Kunstwerk (что тут сказано о искусственномъ дѣлѣ, тоже само разумеется и о мнѣніи другихъ) passe nicht dazu, taue deswegen nichts, die Sache sei abgethan, und man dürfe ohne Weiteres seine Forderung als unbefriedigt erklären; und so befreit man sich von aller Dankbarkeit gegen den Künstler.— Die productive Kritik ist um ein gutes Theil schwerer, sie fragt: Was hat sich der Autor vorgesetzt? Ist dieser Vorsatz vernünftig und verständig, und in wie fern ist es gelungen, ihn auszuführen? Werden diese Fragen einsichtig und liebevoll beantwortet, so helfen wir dem Verfasser nach, welcher bei seinen ersten Arbeiten gewiss schon Vortschritte gethan und sich unserer Kritik entgegen gehoben hat.“— Который съ тѣхъ двохъ родовъ критики избралъ г. Лозинскій въ статьи своей, въ 64 и 65 ч. „Вѣстника помѣщенной, явственно изъ всего вышесказаннаго нами.

Что касается нашихъ двохъ вопросовъ, предложенныхъ къ рѣшенію г. Лозинскому, то признаемъ со всею справедливостію, что они разрѣшены лишь въ полнѣ, и только слова, заключенныя послѣ признанія его, что межъ каждою сотнею словъ въ его дописи есть около 90 такихъ, которыя въ каждомъ руссiйскомъ словарѣ находятся, а около 80 такихъ, которыя употребляетъ Несторъ и старинныя русскія писатели: только, кажемъ, заключенныя также слова его: „(сли правда?),“ иѣшаютъ намъ лучшее наше о немъ понятіе. Яко малорусскій грамматикъ, яко литератъ, учившійся, по собственному его признанію, „церковного и руссiйского языка двадцать нѣсколько лѣтъ еще передъ 1846 годомъ,“ г. Лозинскій не на своемъ мѣстѣ поставилъ такъ скептическій вопросъ „(сли правда?).“

Однакожъ, застановившись надъ его откровеннымъ отвѣтомъ; изъ котораго явствуетъ, что мимо того, же въ нашемъ письменномъ языкѣ есть много словъ, сходныхъ со словами старорусского и „наиблизшаго намъ руссiйского“ языка, не можно языкъ нашъ назвати „московско-болгарскимъ,“ но

всегда малорусскимъ,— застановившись надъ тѣмъ, — якъ же то недостойно и противорѣчно окажется намъ ово порицаніе и обруганіе якої-то „московско-болгарской эпохи“ нашей литературы тѣмъ же самымъ г. Лозинскимъ!

Но, Господи! прости ему, онъ не вѣдалъ, что творить!.....

Андрей Ивановичъ К.

ИЗВѢСТІЯ НАУКОВЫЯ

На желаніе и съ помощію одного ревнѣйшаго Покровителя и Любителя нашей литературы печатается современно въ типографіи Став. Инст. во Львовѣ „Сборникъ русскіхъ стихотвореній,“ и „Зимній Нотѣйскій“ повѣсть, извѣстная нашимъ почт. Читателямъ изъ 25-29 ч. „Зори Галицкой.“— Современно доносимъ, что „Матица галицко-русская“ перепечатываетъ изъ „Зори“ историческія статьи нашего ученаго Петрушевича.

— Въ чешской Читаниѣ для IV класса гим. находятся также переводы словесныхъ произведеній нѣкоторыхъ нашихъ Русиновъ, именно: „Первое сраженіе Галичанъ съ Уграми,“ изъ Ист. Гал. Ки. Д. Зубрицкого. „Городъ Галичъ“ и „Торговля подкарпатскихъ Русиновъ,“ изъ путешествія по угорской и галицкой Руси Я. Головацкаго, „Гуцулы,“ И. Вагнлевича. и „Поменьшія народности галицкія и буковинскія,“ В. Ковальскаго.

— Полурядовымъ „Словяцкімъ Новинамъ,“ выходящимъ подъ редакціею дра Лихарда въ Вѣднѣ, которыя до сихъ поръ печатались въ большей части такъ званымъ швабахомъ, т. е. нѣмецкими буквами, начнуть отъ 1 Января 1854 г. употреблять исключительно латинскія буквы съ чешскою правописію. Редакція тѣхъ же Новинъ замѣчаетъ, что „употребляеть книжный (письменный) языкъ, которыми пишутъ Моравляне и Чехи,“ а который различается отъ простонароднаго словацкаго языка далеко больше, нежели книжный малорусскій языкъ отъ бесѣды нашего простонародія. Мы дѣлаемъ еще то замѣчаніе, что в. Правительство, не смотря на усилія нѣкоторыхъ защитниковъ простонародной словацкой бесѣды, приказало переводити для Чеховъ, Моравлянъ и Словаковъ, всѣ законы и распоряженія на одинъ книжный чешскій языкъ.

Слѣдуетъ число 39 „Поученій Церковныхъ.“

Изданіемъ и типомъ Института Ставропигіискаго.
Отвѣтственный Редакторъ Богданъ А. Дидицкій.

ЗОРЯ ГАЛИЦКАЯ.

ЛИСТЬ ПОВРЕМЕННЫЙ. ПОСВЯЩЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНОМУ,
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ И ЗАБАВНОМУ ЧТЕНІЮ.

Издаётся еженедельно въ Среда два листа, по цѣнѣ годовой въ Львовѣ 4. зр. 40. кр. к. н. — съ почтовою пересылкою 6. зр. к. н. — Желающимъ четвертьечно получать платять въ Львовѣ 1. зр. 10. кр. к. н. на почтахъ же 1. зр. 30. кр. к. н.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИСПЫТАНІЕ САМОГО СЕБЕ.

(Изъ Платона.)

Очей до сна ты не смыкай,
Пока себе не спросишь:
Якъ мыѣшній я день прежилъ?
Якое дѣло залишилъ?
Такъ передъ сномъ себе пытай;
Кому бо грѣхъ свой снится,
Тому не мило спится.

Служилъ ли ты лукавому?
Иль дѣло оставилъ любви?
Тогда не можешь Богъ тебе
Любити, ни ты самъ себе.
Скажи то сердцу своему,
И всяку склонность злую
Брани якъ дрянъ якую.

И то, что вчера доброго
Не сдѣлалъ ты — днесь учини
И завсегда сіе помни:
Что, кто дорогой истини
Идетъ, и отъ душевного
Зла есть всегда свободный,
Тотъ Богу есть угодный.

ЖИЗНЬ ПРИМѢРНАЯ.

(изъ того же.)

За истинной слѣдуй
И жизнь вести по ней,
Другимъ благотвори,
Но лишь не для очей;
Сближаетъ смертного
Къ Творителю его! Я съ Я.

§. 8. ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПО- ЛИТИЧЕСКИХЪ И ЦЕРКОВНЫХЪ ПРОИЗШЕСТВІЙ ВЪ ГАЛИЦКОМЪ КНЯЖЕСТВѢ СЪ ПОЛОВИНЫ XII. ДО КОНЦА XIII. ВѢКА.

Сочин. Антоній Петрушевичъ.

(Продолженіе.)

По смерти польскаго Государя Болеслава, возникли въ Польшѣ несогласія въ томъ, кому быти княземъ, ибо бездѣтный Болеславъ оставилъ пять племениковъ, изъ которыхъ претендентовъ польскіе бояре избрали одного Лешка (Дестка) и посадили его княземъ въ Краковъ. На противъ тому властолюбивый Левъ замышлялъ самъ быти наслѣдникомъ Болеслава и Государемъ всей Польши, или по крайней мѣрѣ присовокупити при сей способности нѣсколько польскихъ украинскихъ городовъ, смежныхъ своей волости: но, когда польскіе вельможи сопротивились его намѣренію, въ досадѣ похажь онъ самъ въ Орду къ Ногаю и просилъ у него помощи для похода своего въ Польшу 102.). Ногай въ самомъ дѣлѣ отпустилъ съ нимъ трехъ своихъ воеводъ съ

102.) Ипат Лѣт. 208. „По смерти же великаго князя Болеслава не бысть кто княжа въ лядской

